

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 15 № 4 (2018)

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главные редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

Заместитель главного редактора

Бахтикирева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova_o@pfur.ru

Члены редакционной коллегии

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Ташкентский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Дмитрюк Сергей Валерьевич — кандидат филологических наук, редактор издательского отдела МИЛ, Россия

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаксылыков Аслан Жамильевич — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канаргаджа Суреш — почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований Пенсильванского университета, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедево Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, доцент, кафедра английского языка; заместитель декана, факультет искусств и гуманитарных знаний; Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Руденко-Моргун Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Глостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Шляхов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, специалист в области языковой политики, почетный профессор Университета Индианы, Центр евразийских исследований, Блумингтон, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Подписано в печать 17.12.2018. Выход в свет 30.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 13,22. Тираж 500 экз. Заказ № 1658. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 15 No. 4 (2018)

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University
of Russia

E-mail: valikova_o@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

PhD Sergey Dmitryuk — The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Aslan Zhaksylykov — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Vladimir Shlyahov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index, (RSCI) by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	499
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ	
Бекишева Ю.В., Ильина С.С. Обращения в гонконгском варианте английского языка (на материале анализа Словаря гонконгского варианта английского языка)	501
Благонравова М.А. Влияние английского языка на российскую деловую культуру и менталитет	518
Кулиева Ш.А. Развитие переводческого дела в Центральной Азии: опыт Казахстана	528
Saini S. Growing Multilingualism in India and Russia in the Light of Indigenous Languages	537
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ	
Сулейменова Э.Д. Тайны вербального мышления, коммуникативная лингвистика и картина мира	546
Чернышова Е.Б. Гендерная специфика оценочной стратегии ассоциирования носителей русского языка: квантитативный аспект	554
БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
Аль-Кайси А.Н., Кутсони О.М., Руденко-Моргун О.И. Использование мнемонических приемов и опор в процессе обучения русскому языку билингвов	564
Владимирова Т.Е. Этнокультурная компетентность преподавателя как актуальная методическая проблема	573
Драчева С.О., Тумакова Е.В. Региональный проект «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ»	584
Медведева Н.В. Культурная идентичность будущего учителя-филолога в билингвальных условиях	596
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К. Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова	605
Шафранская Э.Ф. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки	618
ПОЛИЛОГ	
Кирабаев Н.С. Миссия интеллектуала в современном обществе	628
ESSE EST	
Kuzhuget A.K. Tuvan Traditional Culture as a Socio-Historical Phenomenon	632
РЕЦЕНЗИИ	
Паранук К.Н. В поисках утраченного смысла. Рецензия на монографию Хараевой Л.Ф., Кучуковой З.А. «Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы)»	638

CONTENTS

TO OUR READERS	499
LANGUAGES IN CONTACT	
Bekisheva Y.V., Il'ina S.S. Terms of Address in Hong Kong Variety of the English Language (Based on Analysis of "A Dictionary of Hong Kong English")	501
Blagonravova M.A. The English Language Influence on Russian Business Culture and Mentality.....	518
Kulieva Sh.A. Development of Translation in Central Asia: Kazakhstan's Experience	528
Сайни С. Многоязычие в Индии и России в контексте местного языкового ландшафта.....	537
LANGUAGE CONSCIOUSNESS	
Suleimenova E.D. Secrets of Verbal Thinking, Communicative Linguistics and Picture of the World.....	546
Chernishova E.B. Gender Specificity of the Evaluation Strategy of the Association of Russian Native Speakers: Quantitative Aspect	554
BILINGUAL EDUCATION	
Al-Kaisi A.N., Koutsoni O.M., Rudenko-Morgun O.I. The Use of the Mnemonic Techniques and Retrieval Cues in the Process of Teaching Russian Language to Bilingual Students	564
Vladimirova T.E. Ethno-Cultural Competence of Teachers as a Current Methodical Problem	573
Dracheva S.O., Tumakova E.V. The Regional Project "Technologies in Language and Cultural Adaptation of Children of Immigrants from the CIS Countries"	584
Medvedeva N.V. Future Teacher-Philologist's Cultural Identity in Bilingual Environment	596
LITERARY DIMENSION	
Urazayeva K.B., Zharkynbekova Sh.K. Bilingualism and Genre Synthesis of Lyric Poetry of Bakhytzhan Kanapyanov	605
Shafranskaya E.F. Novel "Return to Panjrud" by Andrei Volos as a Reconstruction of Daily Life of Maverannah and Poet's Rudaki Fate.....	618
POLILOG	
Kirabaev N.S. The Mission of the Intellectual in Modern Society.....	628
ESSE EST	
Кужугет А.К. Тувинская традиционная культура как социально-исторический феномен.....	632
REVIEWS	
Paranuk K.N. In Search of Lost Meaning. Review of the Monograph by Kharayeva L.F., Kuchukova Z.A. "Gender and Ethnogender (on the Material of Kabardian Women's Prose)"	638

Разделяя лучшее

К читателям

Дорогие Авторы, Читатели и Эксперты! Наш журнал продолжает свою историю под новым названием: «Полилингвильность и транскультурные практики». Мы по-прежнему стремимся к научному осмыслению языкового климата России и стран СНГ. Би- и полилингвизм, билингвальное образование, межкультурная коммуникация, транслингвальные практики — приоритетные направления нашей редколлегии.

Под полилингвильностью (термин предложен Ю. Лотманом в фундаментальном труде «Внутри мыслящих миров») мы понимаем качество современной культуры, у которой нет конкретной «застывшей» формы. Это текучее взаимоприспособление множественных языковых (и внеязыковых) картин мира, трансформирующее глобальную семиосферу. По мысли Г.-Х. Гадамера, «тут-бытие мира есть бытие языковое». И эти языки далеко не всегда вербальны. Кинематограф и живопись, танец, архитектура — все это «языки», внутри которых мы существуем: переплетенные, семиотически гибкие, взаимопроницаемые и овнешняемые языком.

Это и есть полилингвильность: молекулярная «свертка» ДНК, восходящая спираль культуры, пастернаковские «скрещенья». Ознакомьтесь со статьей доктора филологических наук Э.Ф. Шафранской — литературоведческим анализом транскультурного текста о судьбе поэта Рудаки. Прочтите о том, как культура видоизменяет казавшиеся стабильными элементы лингвосистемы, такие, например, как обращения (на примере Hongkong English). Узнайте больше о влиянии делового английского языка на менталитет современного россиянина. Вы убедитесь: мы исторически живем в зоне «перекрестного опыления» культур, как сказал бы С. Рушди. Главное — чтобы не в зоне перекрестного огня.

Оставайтесь с нами. Ваша редколлегия

С уважением, главный редактор В.П. Синячкин,
заместитель главного редактора У.М. Бахтикиреева

Sharing the best

To the readers

Dear Authors, Readers and Experts! Our journal continues its history with a new title: “Polylinguality and Transcultural practices”. We are still striving for a scientific understanding of the language climate in Russia and the CIS. Bi- and polylingualism, bilingual education, intercultural communication, translanguaging practices are the priority directions of our editorial board.

By polylinguality (the term was proposed by Y. Lotman in the fundamental work “Inside the Thinking Worlds”), we understand the quality of modern culture, which does not have a specific “frozen” form. It is a fluid adaptation of multiple linguistic (and extra-linguistic) pictures of the world, transforming the global semiosphere. According to H.-G. Gadamer, “here-the being of the world is the being of the language”. And these languages are not always verbal. Cinematography and painting, dance, and architecture are all “languages” within which we exist: they are intertwined, semiotically flexible, mutually permeable, and crystallized by the language.

This is polylinguality: molecular DNA “convolution”, ascending culture spiral, Pasternak’s “crosses”. Read the article of E.F. Shafranskaya — literary analysis of the transcultural text about the fate of the poet Rudaki. Find out how the culture modifies the seemingly stable elements of the linguistic system, such as, for example, appeals/address (on the example of the Hong Kong English). Learn more about the influence of business English on the mentality of modern Russian people. You will be convinced: we historically live in the zone of “cross-pollination” of cultures, as S. Rushdie would say. The main thing — not in the zone of crossfire.

Stay with us. Your Editorial Board

Sincerely, Editor-in-Chief V.P. Sinyachkin,
Vice-Editor U.M. Bakhtikreeva

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-501-517

Обращения в гонконгском варианте английского языка (на материале анализа Словаря гонконгского варианта английского языка)

Ю.В. Бекишева, С.С. Ильина

Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

Анализируются и классифицируются косвенные и прямые обращения, представленные в Словаре гонконгского варианта английского языка. Ранее авторами был проведен опрос среди жителей Гонконга, по результатам выделены шесть основных групп обращений, используемых говорящими на гонконгском варианте английского языка: 1) обращения к родственникам; 2) обращения к незнакомцам; 3) обращения к друзьям и приятелям; 4) обращения, подчеркивающие профессиональный статус адресата; 5) обращения к животным; 6) особые обращения.

В статье обращения классифицированы в семь основных групп, в числе которых обращения, подчеркивающие национальную принадлежность адресата, обращения-инвективы, а также уникальные формы обращения. Выделенные формы обращений в гонконгском варианте английского языка являются свидетельством того, что, подвергаясь сильнейшему влиянию кантонского языка, английский язык в Гонконге представляет собой отражение культуры говорящих на нем местных жителей.

Ключевые слова: мировые варианты английского языка, восточноазиатские варианты английского языка, обращения, гонконгский вариант английского языка, национальные культурные особенности, классификация обращений в гонконгском варианте английского языка

1. Введение

Как показывает анализ научной литературы, обращения относятся к той части коммуникации, которая служит для привлечения внимания собеседника, отражает отношение говорящего к слушающему, напоминает о духовных отношениях между собеседниками, используется для обозначения профессионального статуса говорящих, их отношения в иерархии общества, а также выполняет многие другие функции. На фоне общепринятого в лингвистике мнения о существовании мировых вариантов английского языка вопрос об обращениях актуален, поскольку изучение и анализ последних позволяет выявить культурные особенности говорящих на изучаемом варианте английского языка. Данная проблема как в отечественной, так и зарубежной лингвистике изучается впервые и ставит задачу с помощью методов количественного анализа, описательного метода и метода включенного наблюдения структурировать и описать способы обращения в гонконгском варианте английского языка.

Согласно поставленной цели, в настоящей статье делается попытка описать гонконгский вариант английского языка, рассматриваются основные положения

в области изучения обращения как лингвистического явления и представлена классификация обращений в гонконгском варианте английского языка на основе проанализированных косвенных и прямых обращений, представленных в Словаре гонконгского варианта английского языка.

Плюрицентричность английского языка и формы возникновения новых вариантов

В настоящее время все чаще говорят об «иностранном английском языке» — языке межкультурного общения, посредством которого неанглоговорящие общества и индивиды раскрывают особенности родной культуры [1. С. 95]. Так, англоязычному миру становится все более доступна восточная культура [2].

Определяя понятие новых вариантов английского языка, Б. Качру исходит из того, что английский язык стал плюрицентричным, т.е. у этого языка появилось большое число центров, в которых создаются свои нормы и инновации; кроме того, эти центры признают конвергенцию английского языка с местными языками как естественный процесс аккультурации, а также едины в мнении о том, что региональные варианты английского языка как родного, так и неродного имеют изначально местный, региональный и межрегиональный контекст использования [3]. Согласно Б. Качру, одна из определяющих характеристик нового варианта английского — нативизация языка, т.е. процесс ассимиляции языка в культуре и обществе. Другими словами, язык «впитывает» культуру нового окружения и становится новой единицей, имеющей отличия в грамматике, лексике и фонетике. Такой язык отвечает четырем основным критериям: 1) развивается через систему образования; 2) развивается там, где исходный, родной английский язык использовался в разговорной речи небольшой части населения; 3) используется во многих социальных функциях (в деловой и общественной сфере, в средствах массовой информации и т.д.); 4) стал «локализованным вариантом», подвергшимся нативизации [4. С. 2—3]. Язык, который употребляется значительным числом населения в новых социально-культурных и географических условиях, отличных от первоначального использования этого языка, Б. Качру называет трансплантированным языком [5. С. 130]. Следует различать понятия «нативизация» и «национализация» по отношению к языку. Национализация — это «изыятие» из обращения языка колонизаторов и замена его местным языком [6. С. 37]. Нативизация представляет собой «результат воздействия одного языка и соответствующей культуры на другой» [6. С. 37].

По мнению Д. Аберкромби, М. Хэллдея, П. Стрвенса, Б. Качру, новая языковая модель может быть признана в случае соответствия трем критериям — понятности, уместности и эффективности общения (*intelligibility, appropriateness and effectiveness*) [7. С. 91]. При этом следует различать ошибки (*mistake, error*), отклонения (*deviation*) и инновации (*innovation*). Под последними понимается отклонение, встречающееся в речи не отдельных носителей, а целого социума, принимающее системный характер, сигнализируя об институционализированной разновидности языка и служащее лингвистическим показателем региональной разновидности языка, в данном случае гонконгского английского. Инновации,

согласно Б. Качру, следует рассматривать не как «покушение» на престижные нормы «старых» вариантов английского языка, а как процесс, с помощью которого английский язык приобретает интернациональные черты, расширяя тем самым круг своих членов. Ошибки, согласно Б. Качру, подразумевают недостаток знаний в области фонологии, грамматики и т.п. Отклонения всегда имеют сравнительный элемент, поскольку предполагается сравнение с эндонормативной моделью. Отклонения могут быть преднамеренными, к примеру, в художественном и публицистическом стилях для создания местного колорита, и непреднамеренными, возникающими в речи неосознанно, чаще в результате интерференции родного языка [8. С. 62]. Когда такие отклонения встречаются в речи не одного или нескольких носителей, а целого социума, они принимают системный характер, свидетельствуют об институционализированной разновидности английского языка и служат лингвистическим показателем региональной разновидности английского языка [9. С. 156]. М. Бёрнз считает, что в Расширяющемся и тем более Внешнем круге все больше утверждается тенденция принятия своих «нарушений» за норму [10. С. 92], что отражено в гонконгском варианте английского языка (ГКВАЯ) на уровне фонетики, грамматики и лексики.

Возникновение и отличительные особенности гонконгского варианта английского языка

Несмотря на то, что кантонский диалект китайского языка является основным и наиболее широко распространенным языком в Гонконге, статусность английского языка не ставилась под сомнение никогда, даже после ухода колонистов. Английский язык принят в качестве второго официального языка в Гонконге. Исторически существовало несколько типов ГКВАЯ, каждый из которых являлся преемником предыдущего варианта. Первым вариантом существовавшего в Гонконге английского был английский пиджин, который был бы практически непонятен для современных англоговорящих людей. Он использовался в основном в сфере бизнеса и торговли. Вторым вариантом английского языка стал колониальный английский, основное влияние на который оказывали индийские рабочие и солдаты. Третий вариант — это современный вариант гонконгского английского, на который в значительной степени оказали влияние заимствования из кантонского диалекта китайского языка, поскольку преобладающей группой говорящих на гонконгском варианте английского языка являются этнические китайцы.

Гонконгский вариант английского языка имеет узнаваемый акцент, свой отличительный словарь, а также грамматические структуры [11–15].

Фонетические особенности гонконгского варианта английского языка

В области фонетики и фонологии ГКВАЯ в большей степени подвергся влиянию кантонского диалекта китайского языка. Так, говорящие на гонконгском варианте английского языка часто опускают английские согласные звуки, которых нет в кантонском диалекте, и, как следствие, сокращаются некоторые слоги,

занимающие позицию в конце слов и являющиеся показателями прошедшего времени (окончание -ed), множественного числа, третьего лица (окончание -s) либо притяжательных местоимений (суффикс -s). К фонетическим особенностям гонконгского варианта английского языка также относят озвончение согласных.

Важную роль в постановке ударений в словах английского языка, несомненно, играют тоны кантонского диалекта китайского языка. Тоны, по своей сути, являются не фонетическими, а лексическими ударениями и являются неотъемлемой частью слога в кантонском диалекте.

Грамматические особенности гонконгского варианта английского языка

Как и другие китайские диалекты, кантонский диалект не слишком морфологически разнообразен. В отличие от английского языка, в кантонском диалекте нет временных изменений форм глаголов. В результате морфологические признаки глаголов английского языка реализуются в гонконгском варианте иначе. Типичным примером является такое упрощение английской морфологии, как отсутствие окончания -s на конце глаголов 3 лица единственного числа: “*he give all the picture to you; he liked e boy better den de girl*” (give вместо gives; like вместо likes). Особенностью грамматики гонконгского варианта английского языка является также непоследовательное использование окончания -s для обозначения множественного числа существительных, например: “*many gardens and many famous place*”, где слово “*place*”, употребленное в значении множественного числа, не маркировано. Еще одной особенностью ГКВАЯ является отсутствие показателей прошедшего времени, например, “*I don’t learn at secondary school*” вместо “*I didn’t learn at secondary school*”. К морфологическим особенностям относится также двойное использование степени сравнения, например: “*more better*”, “*more richer*”.

Отличительной чертой синтаксиса ГКВАЯ является тенденция к употреблению предложений, в которых подлежащее либо отсутствует, либо представлено в двух вариантах, например: “*Sorry! HK 500\$ & 1000\$ not accept*”, где пропущено подлежащее; “*Passengers who take the ferry service from Ma Liu Shui, they can enjoy a free ride from Tap Munto Wong Shek*”, где появляется второе подлежащее “*they*”.

Лексические особенности гонконгского варианта английского языка

В гонконгском варианте английского языка широко распространены заимствования преимущественно из кантонского диалекта. Эти заимствования являются, как правило, номинациями явлений, которые отсутствуют в английской культуре и которые сложно передать, используя лексику стандартного английского языка. Важно отметить, что заимствованные слова, ассимилируясь в английском языке, приобретают иные формы, но не используются в процессе кодового смешения или кодового переключения. Заимствованные из кантонского слова могут образовывать словосочетания с общеизвестными словами из английской лексики и создавать частичные заимствования, например: *Ching Ming Festival* (китайский фестиваль середины весны, во время которого поклоняются предкам), где *Ching Ming* — кантонское словосочетание, *a festival* — английское слово. Наи-

более широко употребительные заимствования можно разбить на несколько тематических групп:

- культурные события: Ching Ming Festival, lion dance — представление, исполняемое мастерами боевых искусств, одетыми в костюмы львов;
- еда и ее производные: cha — чай, dim-sum — закуски, которые подают в китайских ресторанах в течение дня;
- развлечения: mahjong — вид настольной игры, kungfu — китайское боевое искусство;
- общество: taipan — глава компании, coolie — недостаточно опытный работник;
- места и районы города: Kowloon, Pokfulam, Wanchai и др. Они одинаково произносятся как на кантонском диалекте, так и в английском языке.

В гонконгском варианте английского языка широко распространены как словообразовательные, так и словоизменяющие суффиксы. Имеется много производных слов, уникальных именно для ГКВАЯ, например: *Hongkonger* (житель Гонконга), *Mainlander* (житель материкового Китая). Несмотря на то, что словообразовательный суффикс *-er* — один из самых широко распространенных в английском языке, слова, образованные с помощью этого суффикса, уникальны для гонконгского варианта английского языка, так как образованы от слов, типичных именно для гонконгской языковой среды.

2. Обсуждение

Обращения как особая форма межкультурной коммуникации

Особой сферой межкультурной коммуникации со своими правилами и нормами общения является межличностное общение. Важно отметить, что люди, выросшие в разных странах и в разной культурной среде, имеют различные представления о речевом этикете. Поэтому, чтобы не обидеть собеседника неучливой фразой, жестом или обращением, необходимо знать все культурные тонкости и оттенки используемых в общении слов. Именно речевой этикет помогает поддерживать беседу на должном уровне и поэтому занимает особое место в межкультурной коммуникации.

В культурно-речевом этикете особую роль играют обращения, имеющие в каждой среде свои особенности и способы выражения [16—20].

Согласно определению из Словаря-справочника лингвистических терминов, обращение — это «слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь. Обращениями служат собственные имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному или возрастному признаку, по взаимоотношениям людей и т.д.; названия или клички животных; названия предметов или явлений неживой природы, обычно в этом случае олицетворяемых; географические наименования» [21. С. 169].

Наиболее часто в роли обращения в английском языке используется существительное. По своему функциональному содержанию обращения делятся на неоче-

ночные, которые называют адресата, и оценочные, которые не только привлекают внимание адресата, но и дают ему определенную характеристику.

В группе неоценочных обращений выделяют следующие разряды: традиционные формы вежливости; слова, обозначающие чин, звание, ученую степень, занимаемую должность; термины родства и окказиональные обращения. Оценочные обращения включают в себя зоонимы, названия растений, названия сладостей, названия частей тела, абстрактные существительные, а также «сленговые образования и названия лиц по характерному внешнему признаку» [18. С. 69].

Особенности форм обращений в разных языковых культурах

Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин отмечают, что у разных народов коммуникативные акты, стандартные по составу коммуникантов (муж — жена, отец — сын, брат — сестра, гость — хозяин и т.д.) регулируются нетождественными социальными правилами, ведь каждый акт общения включен в более широкие социальные системы. К примеру, в обращениях могут отображаться функциональные связи коммуникантов — связи функций, которые коммуниканты выполняют в некоторой социальной системе, например, «студент — декан». В то же время в присутствии студента при обращении к декану могут быть продемонстрированы статусные связи, показывающие различие ролей в пределах некоторой шкалы престижей. Примером может служить обращение в современной Чехословакии: помимо обращений «товарищ декан» и «товарищ ректор» можно услышать обращения «Ваша Спектабилита» и «Ваша Магнифициция» [22. С. 26].

Описывая речевые формулы обращения, приветствия и прощания современных венгров, Ж. Лендел выделяет следующие факторы, влияющие на выбор обращений: 1) статус коммуникантов, точнее, уровень престижа, обусловленный социальным статусом того или иного коммуниканта; 2) абсолютное и относительное отношение возрастов коммуникантов; 3) пол адресата и адресанта; 4) степень близости, описываемая понятиями «свой — чужой», «знакомый — незнакомый». При этом учитывалась и следующая шкала тональности общения (степень соблюдения этикетных норм): высокая тональность — в сфере сугубо формальных общественных структур; нейтральная тональность — в официальных учреждениях между работником этого учреждения и посетителем; нейтрально-обиходная тональность — в магазине, троллейбусе, между клиентами и обслуживающим персоналом; фамилярная тональность — в большинстве современных семей; вульгарная тональность — при коммуникативных актах, протекающих без строгого социального контроля и «допускающих» употребление вульгаризмов [23. С. 193—194].

Категория обращений — одна из составных форм вежливости в корейском языке, где в служебной обстановке всеобщей нормой является употребление партикулярных обращений, а в семье — использование категорий, указывающих на родственные отношения. Обращение членов семьи друг к другу по имени (отчества у корейцев нет) свидетельствует о нездоровой атмосфере в этой семье [24. С. 311]. Разнообразна и система обращений в Китае, подробно освещенная в диссертационных работах Г. Ганна [25], К.А. Куриловой [17]. В традиционной

конфуцианской системе авторитет определяется старшинством в рамках покло-
нения и этот авторитет выражается целым рядом сложных форм обращения, вы-
ражающих беспрекословный авторитет старших у младших [17]. В американской
системе обращений возраст не является значимым показателем при выборе об-
ращения, кроме случаев, когда разница в возрасте составляет целое поколение.
Для носителей американского варианта английского языка наиболее значимыми
при выборе обращения являются такие «социолингвистические параметры, как
степень формальности обстановки общения, пол и возраст коммуникантов, а
также социально-психологическая дистанция между ними. Статусные и комму-
никативно-ролевые отношения между собеседниками влияют на выбор обраще-
ния только в некоторых формализованных (но не формальных) ситуациях, таких,
как общение персонала с клиентом в сфере обслуживания» [26]. В основном же
в американском варианте английского языка отдается предпочтение более не-
формальным вариантам речевых стратегий. Англичане, как с юмором отмечают
Э. Майол и Д. Милстед, скорее демонстрируют соблюдение всяческих правил,
чем внутренне стремятся так поступать. В повседневном общении друг с другом
они менее формальны. Англичане с удовольствием демонстрируют свою приязнь
или восхищение, особенно если чувствуют себя неуязвимыми в социальном смыс-
ле. С другой стороны, когда друг другу представляют сразу нескольких англичан,
их взаимные и чрезвычайно вежливые приветствия порой продолжают так
долго, что в итоге все успевают забыть, как кого зовут, и процедура знакомства
может начаться снова. Коллеги обычно зовут друг друга по имени. Распростра-
нилась в Англии и американская привычка в телефонных разговорах называть
свое имя, не называя фамилии [27. С. 28–29].

Анализируя обращение как элемент речевого этикета, индийский лингвист
С. Митали обнаруживает, с одной стороны, типологическое сходство обращений
в русском и бенгальском языках на основе совпадений номинативной, дейкти-
ческой, коммуникативной, эмоциональной, воздействующей, оценочной функ-
ций обращения. С другой стороны, иная картина мира, иные коммуникативно-
прагматические традиции и устройство системы общественных отношений по-
казывают существенные лингвокультурные различия между двумя языками [28.
С. 5–6].

Обращения в сингапурском варианте английского языка являются обобще-
ниями обращений из малайского, кантонского, мандаринского, тамильского,
панджаби, японского и арабского языков, перечисленных по уровню уменьшения
числа заимствований, и представляют собой единый спектр обращений, исполь-
зуемых в сингапурском варианте английского языка [18. С. 154]. Таким образом,
изучение обращения в различных языках показывает, что, будучи сложной и мно-
гообразной, система обращений отражает национально-культурные, лингвисти-
ческие, социальные, коммуникативно-прагматические и другие особенности
нации, использующей тот или иной вид обращений в зависимости от ряда со-
путствующих обстоятельств, в каждой культуре по-разному оказывающих влия-
ние на выбор обращения. Данный факт явился причиной выбора обращения в
гонконгском варианте английского языка в качестве предмета данного исследо-

вания в попытке проследить, как в Гонконге происходит взаимовлияние различных, в определенной степени полярных (восточная и западная) культур при выборе обращения, и каковы последствия этого взаимодействия.

Анализ Словаря гонконгского варианта английского языка

В настоящей статье авторами проанализирован Словарь гонконгского варианта английского языка [15] и с помощью описательного метода и метода количественного анализа выявлены и структурированы особенности обращений, присущие данному варианту английского языка. По результатам проведенного исследования все выбранные обращения — прямые и косвенные — были распределены на семь групп.

1 группа. Традиционные для гонконгского варианта английского языка формы вежливости (слова в коммуникативной функции обращения).

Nihao — обращение «здравствуйте» (заимствование из китайского языка).

Josan (josun) — эквивалент приветствию «доброе утро» (заимствование из кантонского диалекта китайского языка).

Wai — приветствие (обычно используемое в устной речи, чаще всего используется для ответов по телефону) (заимствование из китайского языка).

2 группа. Обращения к незнакомым.

Auntie (aunty): 1) доброжелательная форма обращения к женщине чуть старше возраста собеседника; 2) обращение к подруге родителей (может быть прямым и косвенным).

Bigbrother — прямое либо косвенное обращение к товарищу по школе из старшего класса или к выпускнику.

Bigsister — прямое либо косвенное обращение к девушке из школы из старшего класса или к выпускнице.

Chinadoll — косвенное обращение к симпатичной молодой китаянке (идиоматическое выражение).

Miss — используется вместо прямого обращения «миссис» по отношению к любой взрослой женщине, независимо от того, замужняя она или нет.

Uncle¹ — приветливая форма прямого либо косвенного обращения к мужчине примерно возраста собеседника.

Schoolbrother/sister — обращение к учащемуся своей школы (может быть прямым и косвенным).

3 группа. Термины родства.

Auntie (aunty) — прямое либо косвенное обращение к тете.

Kitfat — прямое либо косвенное обращение к первой или старшей жене (заимствование из кантонского диалекта).

Kongkong — прямое либо косвенное обращение к бабушке по материнской линии (заимствование из кантонского диалекта).

Mah-mah — прямое либо косвенное обращение к бабушке по отцовской линии (заимствование из кантонского диалекта).

Passport widow — косвенное обращение к замужней женщине, проживающей за границей без своего мужа в связи с тем, что она ожидает получения паспорта (идиоматическое выражение).

Po-po — прямое либо косвенное обращение к бабушке по материнской линии (заимствование из кантонского диалекта).

Tai-tai — обращение к неработающей жене богатого человека, может быть как прямым, так и косвенным (заимствование из кантонского диалекта).

Tinfongwife — косвенное обращение к женщине, которая выходит замуж за вдовца и выполняет роль «первой жены» (заимствование из кантонского диалекта).

Uncle² — прямое либо косвенное обращение к дяде.

Ye-ye — прямое либо косвенное обращение к дедушке по отцовской линии (заимствование из кантонского диалекта).

4 группа. Обращения, подчеркивающие профессиональный статус адресата.

Ayah — прямое либо косвенное обращение к прислуге женского пола (заимствование из португальского языка).

Chick, chicken (идиоматическое выражение) — косвенное обращение к женщине по вызову.

Duck — косвенное обращение к мужчине по вызову (идиоматическое выражение).

Foki: 1) прямое либо косвенное обращение к коллеге по работе (устар.); 2) прямое либо косвенное обращение к официанту, заимствование из кантонского диалекта (устар.).

Lengto — косвенное обращение к молодым девушкам, притворяющимся моделями (заимствование из кантонского диалекта).

Mafoo — прямое либо косвенное обращение к мальчику-конюху (заимствование из кантонского диалекта).

Matasan — прямое либо косвенное обращение к содержательнице борделя (заимствование из японского языка).

Panel teacher — косвенное обращение к главе школьного отдела.

Redpole (fighter) — косвенное обращение к старшему члену преступной группировки («триады») (идиоматическое выражение).

Snake head: 1) косвенное обращение к лидеру банды, занимающемуся ввозом незаконной рабочей силы; 2) название подобной группировки, занимающейся контрабандой людей (термин получил международное применение, идиоматическое выражение).

Spiders (spidermen) — косвенное обращение к рабочим на бамбуковых строительных подмостках.

Taikonaut — косвенное обращение к китайскому астронавту/космонавту (заимствование из китайского (taiko) и греческого (naut) языков).

Taipan — косвенное обращение к главе крупного бизнеса (заимствование из кантонского диалекта).

Ya-ya — прямое либо косвенное обращение к служанке (заимствование из филиппинского языка).

5 группа. Обращения, подчеркивающие национальную принадлежность адресата.

ABC (American-born Chinese or Australian-born Chinese) — косвенное обращение к китайцу, рожденному в Америке или в Австралии (идиоматическое выражение).

Ah-cha — уничижительное прямое либо косвенное обращение к выходцам с п-ва Индостан, включая непальцев и пакистанцев (заимствование из кантонского диалекта).

Banana — прямое либо косвенное обращение к европеизированному китайцу (уничижительное идиоматическое выражение).

Bashihou — косвенное обращение к гонконгцам, рожденным после 1980, применимо в отношении к политическим протестам (заимствование из китайского языка).

BBC (British-born Chinese) — косвенное обращение к китайцу, рожденному в Англии (идиоматическое выражение).

Boiled egg — косвенное обращение к «китаизированному» европейцу, относится к цвету кожи (уничижительное; идиоматическое выражение).

Fangwei(lo) (fanqui, fankwai, fan-kwei), досл. беспокойный призрак, прямое либо косвенное обращение к белым людям (идиоматическое выражение из кантонского диалекта, может использоваться как уничижительное).

Gwaijai — прямое либо косвенное обращение к белому мальчику или ребенку (возможно, уничижительное, досл. ребенок-призрак). Заимствование из кантонского диалекта.

Gwaimui — прямое либо косвенное обращение к молодой белой девушке (возможно, уничижительное, досл. девушка-призрак). Заимствование из кантонского диалекта.

Gwairoh (gweiro, gwaipo, gwaipog) — прямое либо косвенное обращение к молодой белой женщине (возможно, уничижительное, досл. женщина-призрак). Заимствование из кантонского диалекта.

Gweilo (gwailo) — прямое либо косвенное обращение к белому мужчине (возможно, уничижительное, досл. человек-призрак). Заимствование из кантонского диалекта.

Hakgwai (hagkwei) — прямое либо косвенное обращение к темнокожему человеку (уничижительное, досл. черный дьявол). Заимствование из кантонского диалекта.

Macanese — косвенное обращение к жителям Макао, в которых смешаны португальские и китайские корни.

Mainlander — косвенное обращение к жителю КНР.

Old Chinahand — косвенное обращение к экспатрианту, который много лет жил в Гонконге и/или Китае (идиоматическое выражение).

Shanghaianders — косвенное обращение к жителям Шанхая.

6 группа. Оскорбительные обращения.

Porkchop — прямое либо косвенное обращение к толстой и некрасивой женщине (уничижительное идиоматическое выражение).

Turtle's egg — синоним выражения «сукин сын»; может выступать как прямое либо косвенное обращение (грубое идиоматическое выражение).

Shoe shine boy — уничижительное прямое либо косвенное обращение к льстецу (идиоматическое выражение).

7 группа. Особенности обращения.

Gaylo — косвенное обращение к гомосексуалу (идиоматическое выражение, заимствование из английского языка (gay) и кантонского диалекта (lo)).

Princeling — прямое либо косвенное обращение к ребенку или другому родственнику высокопоставленного китайского коммунистического чиновника, у которого есть особые привилегии (идиоматическое выражение).

Splittist — косвенное обращение к человеку, который хочет независимости для территорий, на которые претендует Пекин.

Tonggau — прямое или косвенное обращение к собаке местной породы (заимствование из китайского языка).

3. Заключение

В результате проведенного анализа Словаря гонконгского варианта английского языка были выбраны 57 прямых и косвенных обращений, объединенных в семь основных групп.

В обращениях гонконгского варианта английского языка явно прослеживается глубокое влияние кантонского диалекта китайского языка (48,8% всех выделенных обращений), а также английского языка (36,7%), реже — заимствования из китайского путунхуа (7,3%), японского (2,4%), португальского (2,4%), и филиппинского (2,4%) (таблица). В группе обращений формируются уникальные слова и собственные идиоматические выражения, связанные с реалиями жизни в Гонконге, некоторыми из них начинают пользоваться не только в Гонконге, но и за его пределами. Кроме этого, важно отметить, что многие слова английского происхождения приобретают типичные только для ГКВАЯ значения и формы.

Наибольшей по количеству группой обращений стала группа, в которой подчеркивается национальность адресата (28% всех выделенных обращений), что может свидетельствовать о том, что жители Гонконга гордятся своей культурой, высоко оценивают себя, свою бывшую автономию и выражают некоторую неприязнь к иностранцам. Кроме того, в этой группе представлено большое количество идиоматических выражений, что указывает на пристальное внимание, уделяемое гонконгцами разнице во внешности и месту рождения и проживания тех, к кому они обращаются.

Обращает на себя внимание также группа родственных обращений. В этой группе не представлены идиоматические выражения, а только заимствования из кантонского диалекта. Все обращения имеют уважительный оттенок, что указывает на почтительное отношение к родственникам, которое берет свое начало в конфуцианской традиции почитания старших.

В группе обращений, подчеркивающих национальную принадлежность адресата, много интересных идиоматических выражений, уникальных для Гонконга, а также английских выражений, использованных в непривычном значении, но четко описывающих деятельность работника в Гонконге. В группе обращений к незнакомцам в основном используются традиционные английские формы обращений, что неудивительно: чем меньше степень знакомства, тем нейтральнее

используемые формы обращений. Кроме того, гонконгцам требуются универсальные формы обращений, понятные всем в многонациональной среде Гонконга. Группы оскорбительных и особых обращений в основном представлены идиоматическими выражениями, что указывает на особую среду и уникальный менталитет гонконгцев. В таблице представлены результаты статистического анализа обращений.

Таблица [Table]

**Статистический анализ обращений в гонконгском варианте английского языка
[Etymological Analysis of Terms of Address in Hong Kong Variant of the English Language]**

Язык, из которого заимствовано обращение/ Language from which the term of address was borrowed	Традиционные формы обращений/ Traditional terms of address	Обращения к незнакомцам/ Address to stranger	Обращения к родственникам/ Address to relatives	Профессионализмы/ Forms of address used to people of certain professions	Обращения по национальности адресата/ Address according to the nationality of addressee	Оскорбительные и уникальные обращения/ Offensive and unique address	Итого (кол-во / %) / Total (amount / %)
Кантонский /Cantonese	1	—	8	4	7	—	20 (48,8%)
Путунхуа/Putonghua	2	—	—	—	—	1	3 (7,3%)
Английский/English	—	7	2	2	3	1	15 (36,7%)
Японский/Japanese	—	—	—	1	—	—	1 (2,4%)
Португальский/Portuguese	—	—	—	1	—	—	1 (2,4%)
Филиппинский/Filipino	—	—	—	1	—	—	1 (2,4%)
ИТОГО/TOTAL	3	7	10	9	10	2	41 (100%)

Как отмечает Е.Ф. Тарасов, «нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет» [29. С. 19]. Соответственно, попав в гонконгскую среду, английский язык «как зеркало культуры» отражает образы сознания и мышления народов, живущих в Гонконге.

Представленный в статье анализ обращений в гонконгском варианте английского языка является продолжением анализа обращений в исследуемом варианте английского языка на основе проведенного опроса жителей Гонконга относительно форм обращений в гонконгском варианте английского языка [30] и в дальнейшем будет проводиться на материале художественных и публицистических текстов и других материалов.

Анализ проведенной работы уже на данном этапе исследования позволяет утверждать, что обращения в ГКВАЯ являются отражением национальной культуры его жителей.

Список литературы

1. *Кабакчи В.В.* Английский язык межкультурного общения. СПб: Образование, 1993. 200 с.
2. *Прошина З.Г.* Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры / под ред. Дун Чжэнминя и Л.П. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 580 с.
3. *Kachru B.* English as an Asian Language. *Links & Letters*, 1998. Vol. 5. Pp. 89–108.
4. *Platt J.T., Weber H., Ho L.M.* The New Englishes. London, Melbourne & Henley: Routledge & Kegan Paul, 1984.
5. *Kachru B.* The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes. Oxford: Pergamon Press, 1986.
6. *Прошина З.Г.* Английский язык и культура народов Восточной Азии: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001. 474 с.
7. *Kachru B.* The Power and Politics of English. *World Englishes*, 1986. Vol. 5 (2/3). P.130.
8. *Kachru B.* Teaching World Englishes. The Other Tongue: English Across Cultures (2nd ed.) Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. Pp. 335–363.
9. *Pandharipande Rajeshwari V.* On Nativization of English // *World Englishes*, 1987. Vol. 6 (2). Pp. 149–158.
10. *Berns M.* Expanding on the Expanding Circle: where do WE go from there? // *World Englishes*, 2005. Vol. 24 (1). Pp. 85–93. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0883-2919.2005.00389.x>
11. *Evans S.* Hong Kong English and the Professional World // *World Englishes*, 2011. Vol. 30 (3). Pp. 293–316. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-971x.2011.01655.x>
12. *Bolton K.* The Sociolinguistics of Hong Kong and the Space for Hong Kong English // *World Englishes*, 2000. Vol. 19 (3). Pp. 265–285. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-971x.00179>
13. *Chan Jim Y.H.* Contextual Variation and Hong Kong English // *World Englishes*, 2013. Vol. 32 (1). Pp. 54–74. URL: <https://doi.org/10.1111/weng.12004>
14. *Setter J., Wong C., Chan B.* Hong Kong English. Edinburgh University Press, 2010.
15. *Cummings Patrick J., Wolf Hans-Georg.* A Dictionary of Hong Kong English. Words from the Fragrant Harbor. Hong Kong University Press, 2011.
16. *Кабакчи В.В., Прошина З.Г.* В чужой монастырь со своим лингвокультурным уставом: обращение // *Личность, Культура, Общество*, 2012. Том XIV. Вып. 1. № 69–70. С. 164–173.
17. *Курилова К.А.* Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев): учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 280 с.
18. *Ильина С.С.* Обращения в сингапурском варианте английского языка: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. университета, 2007.
19. *Brown R., Ford M.* Address in American English. In Laver J., Hutchetson S. *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth: Penguin, 1972. Pp. 129–145.
20. *Jia Y.* Interpersonal Relationship and Intercultural Communication: East and West // *Aspects of Intercultural Communication. Proceedings of China's 2nd Conference on International Communication*, 1999. Pp. 596–615.
21. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985.
22. *Тарасов Е.Ф., Сорокин, Ю.А.* Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М.: Наука, 1977.
23. *Лендел Ж.* Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М.: Наука, 1977.
24. *Скорбатиук И.Д.* Некоторые аспекты выражения форм вежливости в корейском языке // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М.: Наука, 1977.
25. *Ганн Г.* Терминология родства в лингвистическом и национально-культурном аспектах (на материале современного китайского языка и современного русского языка): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
26. *Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А.* Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003.

27. *Майол Э., Милтед Д.* Эти странные англичане. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999.
28. *Митали С.* Обращение как элемент русского речевого этикета в сравнении с бенгальским: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
29. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯРАН, 1996.
30. *Бекишева Ю.В., Ильина С.С.* Обращения в гонконгском варианте английского языка (на материале проведенных опросов жителей Гонконга) // Проблемы, перспективы и направления инновационного развития науки. Сборник статей Международной практической конференции 08 июля 2017, Пермь. Уфа: Омега-Сайнс, 2017. С. 148—153.

© Бекишева Ю.В., Ильина С.С., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.04.2018

Принята к публикации: 26.09.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Бекишева Ю.В., Ильина С.С. Обращения в гонконгском варианте английского языка (на материале анализа Словаря гонконгского варианта английского языка) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 501—517. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-501-517

Сведения об авторах:

Бекишева Юлия Валерьевна — ассистент Академического департамента английского языка Восточного института — Школы региональных и международных исследований. E-mail: julia.bekisheva@gmail.com

Ильина Светлана Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка Восточного института — Школы региональных и международных исследований. E-mail: svilyina@mail.ru

Terms of Address in Hong Kong Variety of the English Language (Based on Analysis of “A Dictionary of Hong Kong English”)

Y.V. Bekisheva, S.S. Il'ina

Far Eastern Federal University
8, Sukhanova str., Vladivostok, 690091, Russian Federation

Among the great number of functions that forms of address perform are the following: to attract attention of the person one wants to speak to, to express the addresser's attitude to the addressee, to remind of the spiritual relations between the speakers, to empathize the speakers' professional status, and many others. Within the boundaries of the World English theory, study of the forms of address used by speakers of East Asian Englishes is supposed to prove that these terms reflect the cultural identity

which is expressed by means of the variety of the English language these speakers use. By means of observation, descriptive and quantitative analysis methods, the authors of the article analyze forms of address used in Hong Kong English. Our previous classification of the forms of address used in Hong Kong English was made on the basis of the questionnaire analysis conducted in Hong Kong [1] and it made it possible for us to single out 6 major groups of forms of address in Hong Kong English: 1) kinship terms of address; 2) forms of address used to strangers; 3) forms of address used by friends and acquaintances; 4) forms of address to people of certain professions; 5) forms of address to animals; 6. unique forms of address.

This article is the result of analysis of direct and indirect forms of address presented in “A Dictionary of Hong Kong English”. Now, forms of address are classified into 7 major groups with the forms of address empathizing the addressee’s national identity, insulting forms of address, and Hong Kong traditional forms of address among them. Forms of address presented and analyzed in this article prove our hypothesis that greatly influenced by Cantonese, English spoken in Hong Kong is the reflection of the cultural identity of its speakers.

Key words: World Englishes, East Asian Englishes, terms of address, Hong Kong English, national cultural identities, classification of Hong Kong English forms of address

References

1. Kabakchi, V.V. 1993. *Angliiskii yazyk mezhkul'turnogo obshcheniya* [The English Language of Cross-cultural Communication]. Saint Petersburg: Obrazovanie. Print. (In Russ).
2. Proshina, Z.G. 2004. *Perekrestok: Anglo-russkii kontaktologicheskii slovar' vostochnoaziatskoi kul'tury* [Cross-road: English — Russian Contactology Dictionary of East Asian Culture]. Vladivostok: Dal'nevostochniy universitet. Print. (In Russ).
3. Kachru, B. 1998. *English as an Asian Language*. Links & Letters 5. Print.
4. Platt, J.T., H. Weber, and Ho L.M. 1984. *The New Englishes*. London, Melbourne & Henley: Routledge & Kegan Paul. Print.
5. Kachru, B. 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes*. Oxford: Pergamon Press. Print.
6. Proshina, Z.G. 2001. *Angliiskii yazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii* [The English Language and Culture of East Asia Nations]. Vladivostok: Dal'nevostochniy universitet. Print. (In Russ).
7. Kachru, B. 1986. *The Power and Politics of English*. World Englishes 5 (2/3). Print.
8. Kachru, B. 1992. *Teaching World Englishes*. In B. Kachru (ed.) *The Other Tongue: English Across Cultures* (2nd ed.) Urbana & Chicago: University of Illinois Press. Print.
9. Pandharipande, R.V. 1987. *On Nativization of English*. World Englishes 6 (2). Print.
10. Berns, M. 2005. *Expanding on the Expanding Circle: Where Do WE Go from There?* World Englishes 24 (1). Print. <https://doi.org/10.1111/j.0883-2919.2005.00389.x>
11. Evans, S. 2011. *Hong Kong English and the Professional World*. World Englishes 30 (3). Print. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971x.2011.01655.x>
12. Bolton, K. 2000. *The Sociolinguistics of Hong Kong and the Space for Hong Kong English*. World Englishes 19 (3). Print. <https://doi.org/10.1111/1467-971x.00179>
13. Chan, Jim Y.H. 2013. *Contextual Variation and Hong Kong English*. World Englishes. Vol. 32 (1). Print. <https://doi.org/10.1111/weng.12004>
14. Setter, J., C. Wong, and Chan B. 2010. *Hong Kong English*. Edinburgh University Press. Print.
15. Cummings, P.J., and H-G. Wolf. 2011. *A Dictionary of Hong Kong English*. Words from the Fragrant Harbor. Hong Kong University Press. Print.
16. Kabakchi, V.V., and Z.G. Proshina. 2012. *“V chuzhoi monastyr' so svoim lingvokul'turnym ustavom: obrashchenie”* [Into Foreign Monastery with own Cultural Typicon: Terms of Address]. *Lichnost', Kul'tura*. Obshchestvo 14 (1): 69–70. Print. (In Russ.)
17. Kurilova, K.A. 1999. *Obrashcheniya v sovremennom kitaiskom yazyke (k voprosu o rechevom etikete kitaitsev)* [Terms of Address in Modern Chinese (revisiting the Chinese Speaking Etiquette)]. Vladivostok: Dal'nevostochniy universitet. Print. (In Russ).

18. Il'ina, S.S. 2007. *Obrashcheniya v singapurskom variante angliiskogo yazyka* [Terms of Address in Singapore Variant of the English Language]. Vladivostok: Dal'nevostochniy universitet. Print. (In Russ).
19. Brown, R., and M. Ford. 1972. *Address in American English*. In Laver, J., S. Hutchetson. *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth: Penguin. Print.
20. Jia, Y. 1999. *Interpersonal Relationship and Intercultural Communication: East and West. Aspects of Intercultural Communication. Proceedings of China's 2nd Conference on International Communication*. Print.
21. Rozental', D.E., and M.A. Telenkova. 1985. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary — Book of Reference of Linguistic Terms]. Moscow: Prosveshchenie. Print. (In Russ).
22. Tarasov, E.F., and Yu.A. Sorokin. 1977. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo i nerechevogo povedeniya* [National-cultural Specific of Verbal and Non-verbal Behavior]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ).
23. Lendel, Zh. 1977. "Obrashcheniya, privetstviya i proshchaniya v rechevom etikete sovremennykh vengrov" [Terms of Address, Greetings and Good-byes in Speaking Etiquette of Modern Hungarians] in *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya*. Moscow: Nauka. Print. (In Russ).
24. Skorbatyuk, I.D. 1977. "Nekotorye aspekty vyrazheniya form vezhlivosti v koreiskom yazyke" [Some Aspects of Expression Forms of Politeness in the Korean Language] in *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya*. Moscow: Nauka. Print. (In Russ).
25. Gann, G. 1994. "Terminologiya rodstva v lingvisticheskom i natsional'no-kul'turnom aspektakh: (na material sovremennogo kitaiskogo yazyka i sovremennogo russkogo yazyka)" [Terminology of Relationship in Linguistic and National-cultural Aspects (Based on Materials of Modern Chinese and Russian languages)]. PhD Thesis. Moscow. Print. (In Russ).
26. Sternin I.A., T.V. Larina, and Sternina M.A. 2003. *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniya* [Study of English Communication Behavior]. Voronezh: Istoki. Print. (In Russ).
27. Maiol, E., and D. Milsted. 1999. *Eti strannye anglichane* [These Strange Englishmen]. Moscow, Egmont Rossiya Ltd. Print. (In Russ).
28. Mitali, S. 2001. "Obrashchenie kak element russkogo rechevogo etiketa v sravnenii s bengal'skim" [Terms of Address as a Part of Russian Speaking Etiquette in Comparison with Bengali]. PhD Thesis. Moscow. Print. (In Russ).
29. Tarasov, E.F. 1996. *Mezhkul'turnoe obschenie — novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya* [Intercultural Communication — New Ontology of Linguistic Consciousness Analysis]. Moscow: IYaRAN. Print. (In Russ).
30. Bekisheva, Y.V., and S.S. Il'ina. 2017. "Obrashcheniya v gonkongskom variante angliiskogo yazyka (na material provedennykh oprosov zhitelei Gonkong)" [Terms of Address in Hong Kong Variety of the English Language (based on the interviewing of Hong Kong citizens)] in *Problemy, perspektivy i napravleniya innovatsionnogo razvitiya nauki* Proceedings. 08 July, Perm'. Ufa: Omega-Sains Publ. Print. (In Russ).

Article history:

Received: 26.04.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Bekisheva, Y.V., and S.S. Il'ina. 2018. "Terms of Address in Hong Kong Variety of the English Language (Based on Analysis of "A Dictionary of Hong Kong English")". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 501—517. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-501-517

Bio Notes:

Yuliya V. Bekisheva is an Assistant of the Academic Department of English at the Eastern Institute — School of Regional and International Studies. E-mail: julia.bekisheva@gmail.com

Svetlana S. Il'ina is a PhD in Philology, Associate Professor of the Academic Department of English at the Eastern Institute — School of Regional and International Studies. E-mail: svilyina@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-518-527

Влияние английского языка на российскую деловую культуру и менталитет

М.А. Благодравова

Российский государственный экономический университет им. Г.В. Плеханова
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., 36

Автор анализирует влияние английского языка на российскую деловую культуру и связаный с ней менталитет. Особое внимание уделяется проявлениям транслингвильности, а также восприятию новых для России понятий из англоязычной деловой практики, которое может быть причиной изменений ценностных ориентаций. Кроме того, рассматривается воздействие британской и американской коммуникативной культуры на российскую культуру делового общения.

Автор подчеркивает, что происходящие сдвиги не влияют на глубинные основы российского менталитета и культуры и помогают России утвердиться в международных деловых связях. Отмечается, что в восприятии американской и британской деловой культуры и ментальности большую роль играют современные методы изучения делового английского языка.

Ключевые слова: деловая культура, менталитет, заимствования, транслингвильность, ценностные изменения, межкультурная коммуникация

1. Введение

Благодаря широкому участию России в международном экономическом и культурном сотрудничестве, в процессе которого используется преимущественно английский язык, и процессам глобализации, которые несут на себе заметный отпечаток американского и британского влияния, английский язык активно проникает в разные сферы российской действительности. В специальной литературе рассматриваются разные аспекты влияния английского языка на современное состояние русского языка и российское языковое сознание.

В России английский язык начал особенно активно распространяться в связи с проникновением в российскую деловую практику, когда в период перехода к рыночной экономике российский бизнес постепенно осмысливал, а во многих случаях и копировал западные образцы. Каковы бы ни были пути получения такого рода информации, посредником выступал английский язык, поскольку первоисточник, как правило, был англоязычный. Этот процесс продолжается и сейчас.

Нам представляется, что обсуждение различных аспектов англоязычного влияния в этой сфере может иметь практическую важность как для успеха уже существующих межкультурных деловых связей, так и для дальнейших перспектив участия России в международном сотрудничестве.

2. Обсуждение

Идеи о взаимосвязи языка с национальным характером и культурой народа, которые восходят к В. фон Гумбольдту, родоначальнику антропоцентрической лингвистики, сегодня являются предметом рассмотрения многими российскими учеными. В частности, Г.В. Рамишвили в предисловии к собранию избранных трудов Гумбольдта пишет о существовании взаимодействия между языком и культурой, результаты которого «следует измерять не только по линии воздействия культуры на язык, но и в соответствии с тем, насколько язык влияет на культуру» [1. С. 18].

Аналогичную мысль можно найти в книге «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира», где говорится, что в центре внимания современной антропоцентрической лингвистики находятся два круга проблем — как человек влияет на язык и как язык влияет на человека, его мышление и культуру [2. С. 9]. Эти взгляды разделяет и Т.Б. Радбиль. В своей книге «Основы изучения языкового менталитета» он пишет, что язык не просто отображает, а творчески интерпретирует и конструирует действительность [3. С. 30].

В литературе существует много разных определений понятия «менталитет» и высказываются разные взгляды на взаимоотношения между менталитетом и культурой. Идеям, которые мы хотели бы выразить в данной статье, наиболее соответствуют положения, сформулированные Т.Б. Радбилем. Он считает, что менталитет и культура — это как бы два слоя общественного сознания этноса: первый — более глубинный, неосознанный, второй — поверхностный, отчасти оформленный в продуктах материальной и духовной деятельности. Автор пишет, что «менталитет по определению возможен только как языковой менталитет», поскольку «менталитет объективирует себя в языке, а язык выступает как основа, формирующая в нем специфику представлений о мире, системы ценностей и норм поведения» [3. С. 61–65]. Таким образом, можно предположить, что изменения в русском языке, возникающие под воздействием английского языка, способны вызывать определенные изменения в российском менталитете.

Пожалуй, самым наглядным свидетельством широкого влияния английского языка на русский язык и российское языковое сознание в результате влияния не только деловой, но и массовой западной культуры является огромное количество англоязычных заимствований. Эта тема подробно исследована отечественными авторами. В частности, Е.Н. Малюга рассматривает способы перевода заимствований, функции, выполняемые ими в принимающем немецком или французском языке, лингвокультурные аспекты употребления заимствований в экономическом дискурсе [4–6].

Для нас наибольший интерес представляют проявления транслингвальности, т.е. смешанного дискурса, возникающего в результате взаимной проницаемости и в некоторой степени слияния языков. Нам представляется, что они весьма показательны с точки зрения воздействия англоязычных заимствований на менталитет.

Исследуя этот феномен, З.Г. Прошина пишет, что в транслингвальном общении представители разных языков и культур могут прибегать к разным коммуни-

кативным стратегиям, в частности к смешению и переключению языковых кодов и гибрилизации языков [7. С. 162]. Как отмечает А.А. Ривлина, кодовые переключения и слияния часто используются в рекламе для создания билингвальных, а иногда и диграфических каламбуров — например, БиGOODди (название магазина парикмахерских принадлежностей) или НоготОК (название маникюрного салона) [8. С. 174]. Языковая игра здесь демонстрирует прорастание элементов английского языка в ткань русского языка.

Ю.В. Данюшина на основе опыта работы в крупных российских компаниях пишет, что финансисты в профессиональном обиходе естественно вставляют в русскую речь англоязычные финансовые термины, перевод которых на русский язык для них затруднителен, например *accruals and deferrals*, что на русском произносится как «акруэлсы и дефералы». Данюшина также приводит примеры делового жаргона с соединением русских и английских морфем, где проявляется транслингвильная креативность и проглядывает свойственная русскому языковому менталитету склонность к юмору и иронии, например: *отфидбечить* (от *feedback*) — дать подчиненному устный отзыв о его работе; *челленджить* (от *challenge*) — давать трудное задание; *законфирмить* (от *confirm*) — подтвердить [9].

В том, что касается воздействия на менталитет, показательны не только количество заимствований и способы их употребления, но и прочность их укоренения в языке. Есть немало англицизмов, которые в России еще каких-нибудь десять лет назад использовались только в профессиональном общении, а теперь активно употребляются в средствах массовой информации и знакомы широкому кругу людей, например, *мониторинг* или *ритейлер*.

Таким образом, английские слова становятся частью русского языкового сознания. Но в сознание входят не только слова. Как указывал Й.Л. Вайсгербер, язык сообщает человеку не только звуковые символы, названия, но и обозначаемые ими понятия и «изучение языка одновременно означает усвоение понятий, которыми пользуется интеллект, прибегая к языку» [10]. С утверждением в России рыночной экономики и развитием процессов глобализации английский язык обогатил сферу русского делового языка множеством слов, обозначающих ранее отсутствовавшие в России виды деятельности, например: *маркетинг*, *факторинг*, *франшиза*, *хеджирование*, *аутсорсинг*.

Через деловой английский язык в сознание россиян вошли даже целые социально-экономические концепции, например концепция устойчивого развития (*sustainable development*), которая сегодня упоминается во многих российских официальных документах. Еще одно концептуальное понятие — социальная ответственность бизнеса (*corporate social responsibility, CSR*). Еще сравнительно недавно, когда на занятиях приходилось обсуждать со студентами текст о CSR из британского учебника, почти единодушно высказывалось мнение, что это явление исключительно зарубежное. Теперь же студенты нередко выбирают для своих презентаций не зарубежные, а российские примеры.

В результате воздействия западной деловой, а также массовой культуры в российском общественном сознании происходят определенные аксиологические

сдвиги. Исследователи отмечают, что такие слова, как *бизнесмен*, *амбициозный*, *карьер*, в отличие от прежних времен уже не несут отрицательной оценки. Подобные ценностные изменения связывают с возросшей ролью установки на личный успех и процветание [11].

Некоторую ценностную эволюцию можно проследить на примере выражения “whistleblower”. На Западе уважают тех, кто сообщает о нарушениях, рискуя своей работой и карьерой. В Новом большом англо-русском словаре издания 2004 года “whistleblower” переводится как «доносчик» [12], и выпущенный в 2003 году Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики переводит это слово как «стукач» или «агент полиции» [13]. Тем не менее, если судить по онлайн-словарю Multitran, который быстро реагирует на появление новых слов и значений, к настоящему моменту “whistleblower” в российском сознании в значительной мере утратил негативную коннотацию.

Из дефиниций, предложенных в Multitran разными переводчиками, десять выражают положительную оценку: «сознательный гражданин, информирующий общество о нарушениях закона и прав; человек, бьющий тревогу; сотрудник, сообщающий о нарушениях; разоблачитель; изобличитель» и т.д. Определений с отрицательной оценкой всего пять: «доносчик, “подсадная утка”, агент полиции, осведомитель, провокатор» [14]. Можно предположить, что это результат распространения идей социальной ответственности бизнеса, а также роста информированности о явлениях западной деловой жизни, поскольку, пользуясь выражением Т.Б. Радбиля, «язык как бы прививает нам определенный взгляд на вещи» [3. С. 167].

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы воздействия англоязычной деловой практики на российскую культуру делового общения. Здесь прежде всего следует принять во внимание, что в соответствии с широко известной теорией Э.Т. Холла коммуникативные культуры США, Великобритании и ряда других западноевропейских стран принадлежат к низкоконтекстным культурам, а Россию скорее можно отнести к высококонтекстным культурам, характерным в первую очередь для азиатских и ближневосточных стран [15]. Действительно, в русском деловом общении, как отмечает О.А. Корнилов, роль контекста чрезвычайно важна и истинный смысл часто выражается в недоговоренностях, метафорах и многом другом, что составляет когнитивную базу русского национально-культурного менталитета [16]. То, что на современном этапе русское деловое общение перенимает из англоязычного, сводится, коротко говоря, к шагам от высококонтекстной к низкоконтекстной культуре.

Установлено, что для западной и восточной культур характерны разные принципы композиционного построения дискурса. Представитель западной культуры, используя дедуктивный принцип, сразу начинает с главного, а потом переходит к подробностям. Индуктивный принцип, свойственный восточным культурам, заключается в том, что сначала дается объяснение мотивов высказывания и только после этого сообщается его главная цель [17].

О.А. Стеблецова, исследуя дискурсивные стратегии и речевые средства деловых писем в англоязычной и русскоязычной культурах, убедительно показывает, что

первой свойственен дедуктивный подход и прямой коммуникативный стиль, позволяющий легко понять смысл письма. В русскоязычной культуре, напротив, чаще всего используется индуктивный подход и косвенный коммуникативный стиль, с длинными предложениями и лексико-синтаксическими оборотами, из-за чего для понимания смысла текст приходится декодировать [18].

Западный стиль письменной коммуникации больше соответствует потребностям нынешнего динамичного времени. Кроме учебников делового английского языка, внедрению этого стиля в сознание молодых россиян способствуют требования к разделу «Письмо» единого государственного экзамена по английскому языку. В обеих его частях (личное письмо и эссе) форматом задана четкая структура. При этом в формате эссе заметно влияние структуры эссе американского экзамена TOEFL: главную идею высказать в самом начале, затем каждый абзац начинать с основной мысли этого абзаца.

Характерные различия в устной коммуникации можно увидеть на примере сравнения традиционных структур монологической речи в русской и американской риторике. Учебники по русской риторике рекомендуют схему построения текста, состоящую из восьми частей. Американская риторика предлагает намного более простую схему: проблема — причина — следствие — решение [19]. При обучении деловому английскому студентам для подготовки презентаций дают рекомендации из британских или американских учебников, чтобы выступление было четко структурированным и ясным для понимания.

В книге К.В. Томашевской «Речевая коммуникация в профессиональной сфере» отмечается, что в русском речевом этикете за последние годы произошел сдвиг в сторону европейского [19. С. 257]. То, что продавцы в супермаркетах не только здороваются с покупателями, но и говорят им «Хорошего дня!» (“Have a good day!”), указывает на источник этих перемен. Среди многих разных путей, которыми английский язык влияет на российское речевое поведение, важное место занимают уроки делового английского. Формулы речевого этикета, которые студенты узнают и пробуют практически применять в упражнениях, отражают основные особенности британского коммуникативного стиля, о которых пишет Т.В. Ларина в книге «Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций» [20].

По мнению Томашевской и ее соавторов, современные российские молодые люди приближаются к усредненной западной культуре общения [19. С. 256]. Этот взгляд коррелирует с результатами исследований, которые проводились в 2004 году сотрудниками Института психологии РАН среди студентов Тулы, Ставрополя и Тюмени и выявили их ярко выраженную западную ориентацию ментальности [21].

Однако степень западного влияния на российское сознание не следует переоценивать. М.К. Горшков, директор Института социологии РАН, убежден, что «традиционные ценности, несмотря на воздействие трансформационных процессов, постоянно восстанавливают свое влияние на общество».

Обобщая результаты трех общероссийских социологических исследований, проведенных в 1998, 2004 и 2007 годы, он пишет, что «ценностно-смысловое ядро

российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть» [22. С. 107]. Неизменными остаются и основные концепты русской культуры, описанные Ю.С. Степановым в фундаментальном труде «Константы. Словарь русской культуры» [23].

Тем не менее в российской деловой культуре и менталитете, который в ней так или иначе проявляется, определенные сдвиги в «западном» направлении все-таки происходят. Они заслуживают подробного изучения. Нам представляется, что хотя к отдельным аспектам этих перемен можно относиться по-разному, в основном это сдвиги позитивные. Они помогают России утвердиться в глобальных процессах международного общения, где преобладает влияние англоязычной деловой культуры и практики. Кроме того, эти перемены облегчают россиянам понимание проявлений иноязычного сознания и инокультурных различий, что важно для успешной межкультурной коммуникации.

В этом плане трудно переоценить роль современных интерактивных методов обучения английскому языку делового и профессионального общения. Обсуждая на занятиях конкретные деловые ситуации, студенты воспринимают англоязычную бизнес-культуру и ментальность и через язык, и через учебный предмет. Новые возможности для понимания и усвоения западного менталитета и культуры может открыть набирающий популярность в России лингвопрофессиональный подход, когда обучение организуется в сотрудничестве преподавателей иностранного языка и преподавателей специальности [24].

3. Выводы

Английский язык через посредство русского языка оказывает определенное воздействие на российскую деловую культуру и в какой-то степени на общественное сознание россиян. Это воздействие не затрагивает глубинных основ российского менталитета и русской национальной культуры.

Перемены, которые происходят под западным влиянием в российской деловой культуре и отражаются в менталитете, помогают России определить свое место в контексте общемировых деловых связей и способствуют успехам в межкультурной коммуникации.

В распространении западной и общемировой деловой культуры в России значительную роль играет преподавание делового и профессионального английского языка. Современные образовательные технологии повышают эффективность этого процесса.

Список литературы

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
2. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988.
3. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта; Наука, 2013.
4. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М.: URSS, Либроком, 2008.

5. *Малюга Е.Н., Орлова С.Н.* Англоязычные заимствования в европейской экономической прессе: функциональный аспект // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. С. 42—51.
6. *Малюга Е.Н.* Лингвокультурные аспекты англоязычного профессионального жаргона в экономическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2013. № 6. С. 35—40.
7. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
8. *Ривлина А.А.* Глобальная англо-национальная диграфия: транслингвильный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 171—180.
9. *Данюшина Ю.В.* Бизнес-дискурс. М.: Государственный университет управления, 2009.
10. *Радченко О.А.* Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 107—115.
11. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.
12. *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. М.: Рус. яз. — Медиа, 2004.
13. *Глазунов С.А.* Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. М.: Рус. яз.-Медиа, 2003.
14. Электронный англо-русский и русско-английский словарь Мультитран. URL: www.multitrans.ru (дата обращения: 20.04.2018).
15. *Hall E.T.* Beyond culture. N.Y: Anchor Press, 1976.
16. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
17. *Scollon R. and Wong Scollon S.* Intercultural Communication. A Discourse Approach. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers, 2001. 302 p.
18. *Стеблецова О.А.* Дискурсивно-лингвистические особенности делового коммуникативного стиля // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12 (80). С. 323—328.
19. *Томашевская К.В.* Речевая коммуникация в профессиональной сфере. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011.
20. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
21. *Журавлева Н.А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2013.
22. *Горшков М.К.* Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 100—114.
23. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 1991.
24. *Гаврилова Е.А., Кештова О.К., Марнат О.Б.* Имплементация лингвопрофессионального подхода в курсе иностранного языка профессионального общения в экономическом вузе // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 3.

© Благоднравова М.А., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 27.04.2018

Принята к публикации: 29.08.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Благонравова М.А. Влияние английского языка на российскую деловую культуру и менталитет // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 518–527. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-518-527

Сведения об авторе:

Благонравова Марина Александровна — старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: ms.mb1938@mail.ru

The English Language Influence on Russian Business Culture and Mentality

M.A. Blagonravova

Plekhanov Russian University of Economics
36, *Stremyanny per.*, Moscow, 117977, Russian Federation

Taking into account the ability of language to modify culture and a strong presence of the English language in Russia the author analyses its influence on Russian business culture and mentality. The article focuses on cases of translanguaging and on certain concepts adopted from Western business practices, which can cause changes in Russian systems of values. The paper also examines the impact of British and American communicative culture on business communication in Russia. Concluding that the changes described do not affect the foundations of Russian mentality and culture the author points out that these factors help Russia establish itself in international business connections. It is also emphasized that modern methods of teaching business English in Russia facilitate the ability to comprehend American and British business culture and mentality.

Key words: business culture, mentality, borrowings, translanguaging, changing values, cross-cultural communication

References

1. Gumboldt, von W. 2000. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress. Print. (In Russ.)
2. Serebrennikov, B.A. 1988. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The Role of Human Factor in Language: Language and Worldview]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
3. Radbil', T.B. 2013. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta*. [The Basics of Learning Language Mentality]. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russ.)
4. Malyuga, E.N. 2008. *Funktsional'naya pragmatika mezkhkul'turnoi delovoi kommunikatsii* [Functional Pragmatics of Intercultural Business Communication]. Moscow: URSS, Librokom, Print. (In Russ.)
5. Malyuga, E.N., and C.N. Orlova. 2016. "Angloyazychnye zaimstvovaniya v evropeiskoi ekonomicheskoi presse: funktsional'nyi aspekt" [English Language Borrowings in European Economic Journalism]. *Izvestiya Yuznogo federal'nogo universiteta*. Philological sciences 4. Print. (In Russ.)

6. Malyuga, E.N. 2013. “Lingvokulturnye aspekty angloyazychnogo professional’nogo zhargona v ekonomicheskom diskurse” [Linguocultural Aspects of English Language Professional Jargon in Economic Discourse]. *Vestnik MGOU. Journal of Linguistics* 6. Print. (In Russ.)
7. Proshina, Z.G. 2017. “Translinguizm i ego prikladnoe znachenie” [Translingualism and its Application]. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (2): 155—170. Print. (In Russ.)
8. Rivlina, A.A. 2017. “Global’naya anglo-natsional’naya digraphia: translingual’nyi aspekt” [Global English-local Digraphia: Translingual Aspect]. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (2): 171—180.
9. Danyushina, Y.V. 2009. *Biznes-diskurs*. [Business-discourse]. Moscow: GUU. Print. (In Russ.)
10. Radchenko, O.A. 1993. *Lingvofilosofskiy neoromantizm J.-L.Vaisgerbera [J.-L.Weissgerber’s Linguophilosophical Neoromantisizm]*. *Voprosy yazykoznaneya* 2: 107—115. Print. (In Russ.)
11. Zaliznyak, A.A., I.B. Levontina, and Shmelyov A.D. 2012. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira [Constants and Variables of Russian Language Worldview]*. Moscow: *Jazyky slavyanskih kul’tur*. Print. (In Russ.)
12. Myuller, V.K. 2004. *Novyi anglo-russkiy slovar’ [New English-Russian Dictionary]*. Moscow: *Rus.Yaz.-Media*. Print. (In Russ.)
13. Glazunov, S.A. 2003. *Novyi anglo-russkiy slovar’sovremennoi razgovornoj lexi [New English-Russian Dictionary of Modern Colloquial Lexis]*. Moscow: *Rus.Yaz.-Media*. Print. (In Russ.)
14. *Multitran Dictionary*. Web. URL: www.multitran.ru (accessed: 20.04.2018).
15. Hall, E.T. 1976. *Beyond Culture*. N.Y.: Anchor Press. Print.
16. Kornilov, O.A. 2011. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional’nyh mentalitetov [Worldviews as Derivatives of National Mentalities]*. Moscow: KDU. Print. (In Russ.)
17. Scollon, R. and W.S. Scollon. 2001. *Intercultural Communication. A Discourse Approach*. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers. Print.
18. Stebletsova, O.A. 2009. “Diskursivno-lingvisticheskie osobennosti delovogo kommunikativnogo Stilya” [Discourse and Linguistic Characteristics of Business Communicative Style]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Humanities* 12(80): 323—328.
19. Tomashevskaya, K.V. 2011. *Rechevaya kommunikatsiya v professional’noi sfere [Verbal Communication in Professional Area: textbook]*. Saint Petersburg: Politechnical university. Print. (In Russ.)
20. Larina, T.V. 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil’ kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskih i russkih lingvokul’turnyh traditsii [The Category of Politeness and Style of Communication. Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]*. Moscow: *Jazyki slavyanskih kul’tur*. Print. (In Russ.)
21. Zhuravlyova, N.A. 2013. *Psihologiya social’nyh izmenenii: tsennostnyi podhod [Psychology of Social Changes: Value Approach]*. Moscow: Psychology Institute. Print. (In Russ.)
22. Gorshkov, M.K. 2008. “Rossiiskii mentalitet v sotsiologicheskom izmerenii” [Russian Mentality in Sociological Dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 6: 100—114.
23. Stepanov, Y.S. 2004. *Konstanty. Slovar’ russkoi kul’tury [The Constants. Vocabulary of Russian Culture]*. Moscow: *Akademicheskii proekt*. Print. (In Russ.)
24. Gavrilova, E.A., O.K. Keshtova, and Marnat O.B. 2017. *Implementatsiya of linguoprofessional’nogo podhoda v kurse inostrannogo yazyka professional’nogo obshcheniya v ekonomicheskom vuze [Implementation of Linguoprofessional Approach in Teaching English for Professional Communication in Economics University]*. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya* 3. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 27.04.2018

Accepted: 29.08.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Blagonravova, M.A. 2018. “The English Language Influence on Russian Business Culture and Mentality”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 518–527. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-518-527

Bio Note:

Marina A. Blagonravova is a Senior Teacher at the Department of Foreign Languages № 1, Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: ms.mb1938@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-528-536

Развитие переводческого дела в Центральной Азии: опыт Казахстана

Ш.А. Кулиева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Настоящая статья является продолжением серии статей, посвященных осмыслению и описанию переводческой деятельности в Центрально-Азиатском регионе. В нашей работе «Переводческое дело в Центрально-Азиатском регионе: страницы истории (XVI—XIX вв.)» освещались вопросы становления переводческого дела в Казахстане с XVI по XIX и начале XX века. Проблематика проекта, направленного на изучение истории перевода, воспроизведение «утраченных знаний» не теряет своей актуальности в связи с особым вниманием постсоветских тюркоязычных государств к переводческой деятельности. Анализируется переводческое дело в период до и после Октябрьской революции.

Ключевые слова: переводческая деятельность, история переводоведения, Центрально-Азиатский регион, русско-казахское переводческое дело, переводчик

1. Введение

В резюмирующей части статьи «Переводческое дело в Центрально-Азиатском регионе: страницы истории (XVI—XIX вв.)» [1] мы писали о том, что онтология локальных трансляционных практик далеко не завершённый проект. Как отдельная дисциплина теория и практика перевода с русского на тюркские языки служит восстановлению истории культурных взаимоотношений, и уже это позволяет говорить о том, что, по всей видимости, данный проект не может иметь принципиального завершения в силу того, что перевод как творческая деятельность развивает и обогащает культуру. Мы считаем, что «развитие культуры определяется не только и не столько содержанием, которое оно получает через перевод и связанные с ним виду культурного взаимодействия, сколько отношением к переводу и к этому взаимодействию» [1. С. 14].

Выявление историко-культурных связей постсоветских государств, в частности России и стран Центрально-Азиатского региона), роли переводимых языков, прежде всего русского, для структурирования культурного пространства на обширной географической территории остается, как мы полагаем, одним из актуальных векторов современного осмысления теории и истории перевода.

2. Обсуждение

Конец XIX — начало XX века — важный этап в эволюции переводческой деятельности с казахского языка на русский и с русского языка на казахский, в те-

чение которого становление транслатологии прошло несколько стадий. Каждая из них свидетельствует о приоритете того или иного языка переводческой пары и о сопутствующих факторах лингвистического и экстралингвистического характера. Для этого периода характерен приоритет автохтонного для региона (казахского) языка, поэтому произведения переводились с русского языка на казахский. Этот процесс начинается еще в конце XIX века — с переводов Абая, Шакарима (1858–1931) [2. С. 26–27].

Активное взаимодействие с русским языком устанавливается после Октябрьской революции. Публицистика планомерно переходит на двуязычие, издавая материалы на русском и казахском языках, сборники переводов, книги, учебные пособия для детей, куда включаются также произведения русских классиков XIX века [3–5].

Переводческая деятельность активно затрагивает образовательную сферу. Публикуются переводы пособий для учебных заведений всех уровней. Переводится художественная литература, а также политические, научно-технические, сельскохозяйственные материалы. После революции, по мнению известного в Казахстане лингвиста У. Айтбаева, «до 1917 года на казахском языке было выпущено до 200 книг. По данным 80-х гг. — было 509 книг. Это наследие казахского народа впервые исследовал татарский ученый и писатель Абрар Каримуллин. По его сведениям, 432 книги из 509 напечатаны в Казани. Таким образом, до революции в книгопечатании казахи среди тюркских народов вместе с азербайджанцами занимают второе место после татар. Общий тираж составлял 2 млн 201 тыс. 105 экземпляров» [6]. Ученый связывает развитие казахского литературного языка с развитием перевода и усовершенствованием терминологического аппарата.

Согласно Н. Сагындыковой, «дореволюционные переводы на русский язык представляют очень небольшое число, в которое входят переводы произведений Асан-кайгы, Шалкииза, Марабая, Майлыкожи, И. Алтынсарина, Абая, М. Жумабаева, М. Дулатова, Г. Карашева, А. Байтурсынова, Ж. Аймаутова и др.

Существуют в переводе тексты нескольких вариантов песен, а также прозаические переложения нескольких эпических поэм, которые публиковались в “Отечественных записках” в середине XIX века» [7].

Переводоведение сыграло значительную роль в становлении казахской терминологии. Большое количество восточных произведений было переведено на казахский язык, как и тексты классической русской литературы, ставшие достоянием читающей казахоязычной аудитории в эпоху Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина. Проблема перевода на казахский язык приобретает все большую актуальность. В этот же период появляются статьи в газетах «Туркестан уалаяты» и «Дала уалаяты». И. Алтынсарин переводит книгу «Шариат ул-ислам». По инициативе Православного миссионерского общества на казахском языке начинают издаваться отрывки из Библии, позже — Евангелие. В 1903 году выходит перевод пушкинской «Капитанской дочки» в Казани. Огромным сдвигом в истории казахской литературы стал перевод «Евгения Онегина». По мнению М.О. Ауэзова, он имел для Абая и его читателей исключительное значение.

Стоит отметить, что переводимые тексты зачастую адаптировались казахскими поэтами и писателями к наиболее предпочтительным для публики формам

подачи. Так, например, пушкинский «Дубровский» в переводе К. Шакарима обрел форму стихотворного пересказа, исполняемого акынами под домбру. Незаконченная повесть Пушкина, состоящая из двух частей, в версии К. Шакарима представляет собой 403 куплета, 31 из них — историко-философское вступление к произведению, как того требуют традиции песенной литературы Казахстана. Очевидно, это были своего рода «озарения» первых переводчиков: попытка перевода — передача особенностей разноструктурных языков. Тем не менее сюжет и архитектура оригинальной повести были полностью сохранены. С точки зрения литературоведа академика АН Казахстана (1975), народного писателя Казахстана (1987) М. Каратаева, переработка переводчика диктовалась условиями жизни казахов, своеобразием их поэтического мышления. Позднее «Евгения Онегина» переводили на казахский язык поэт, певец, композитор Асет Найманбайулы (1867—1922), Ильяс Джансугуров, позже Куандык Шангытбаев (1925—2001).

Постепенно русская литература прочно вошла в культурный контекст страны. В газетах и журналах («Айкап», «Казахстан») рубежа веков встречаются переводы с русского на казахский язык произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Крылова, И.С. Никитина, А. Кольцова и др., публикации, рецензии, статьи, посвященные художественному переводу. К концу XIX века переводоведение коснулось научно-технической сферы. Издавались книги по медицине и биологии, в начале XX века книги по отдельным отраслям хозяйства, в том числе технике и экономике, что способствовало развитию терминологической лексики на казахском языке в разных областях. Особая роль в терминоворчестве на казахском языке (в том числе в лингвистике) принадлежит А. Байтурсынову.

Проблемы перевода остро встают перед специалистами в связи с художественными текстами. Становится необходимым осмысление и описание теории и практики переводческой деятельности. В это время появляется статья М. Ауэзова «Об опыте перевода Пушкина на казахский язык». В 1937 году в «Казахстанской правде» (5 января) была опубликована статья М. Ауэзова на казахском языке «Евгений Онегин», в 1939 году выходит еще две статьи: «Пушкин спустя 100 лет», «Пушкин и Абай». М.О. Ауэзов практически начал создание *теории* перевода как неотъемлемой части казахского языкознания и литературоведения.

Наряду с именем М.О. Ауэзова, нельзя не отметить Ильяса Джансугурова, известного не только переводом «Евгения Онегина», но и многочисленными (более 100) переводами произведений русских и зарубежных писателей.

Как пишет известный казахстанский писатель, переводчик, литературовед Герольд Карлович Бельгер, «в области художественного перевода Ильяс Джансугуров успел сделать очень многое. В его однотомном и пятитомном сборниках сочинений можно встретить переводы всего “Евгения Онегина”, “Гавририады”, три десятка лирических произведений Пушкина, пять стихотворений и поэму “Черкесы” Лермонтова, переводы из Некрасова (“Железную дорогу” в двух вариантах и еще три стихотворения), из Крылова (2), Державина (1), Горького (два варианта “Пестни о Буревестнике”), Г. Тукая (2), Э. Потье (1), Маяковского (1), Демьяна Бедного (2), Уткина (1), Жарова (2), Тихонова (1), Крайского (1), Безыменского (3), Лахути (1), В. Рождественского (1), Бальмотна (1), Янки Купалы (1), Петефи (2), Маная (1), Гюго (1), Гейне (3). Но это еще не все. В журнале “Ко-

гаршын” мне как-то попался его перевод из Майн Рида. Думаю, есть и другие, мне не известные переводы» [8]. Известны переводы И. Джансугурова произведений турецкого писателя Назима Хикмета. В книге «Этюды о переводах...» Г.К. Бельгер дает оригинальный анализ переводов, представляя читателям свое видение достоинств и недостатков переводческой стратегии И. Джансугурова.

После октябрьской революции в казахстанской транслатологии начинается активное взаимодействие с русским языком. Не будет лишним здесь отметить, что казахско-русский, русско-казахский билингвизм выступает как постоянный критерий в определении филогенеза казахского этноса. Издаются газеты «Түркістан уалаятының газеті», «Дала уалаятының газеті», «Қазақ», журнал «Айқап» и др. (все материалы в них печатаются на казахском и русском языках). Позже появляются и первые сборники казахского писателя Спандияра Кобеева (1878—1956), «Үлгілі тәржіма» (1940, Казань). Вслед за вышедшим сборником С. Кобеева издается книга Т. Жомартбаева «Балаларға жеміс» в качестве учебного пособия для детей, куда включаются также произведения русских классиков XIX века.

В этот период осуществляется переводы произведений Асана-кайгы¹, Шалкииза², Марабая³, Майлыкожи⁴, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева, М. Жумабаева, М. Дулатова, Г. Карашева, А. Байтурсынова, Ж. Аймаутова и др. Существуют в переводе тексты нескольких вариантов песен и прозаических переложений эпических поэм, которые публиковались в «Отечественных записках» в середине и конце XIX столетия.

Русские читатели получили доступ к наследию великих «поэтов Степи» благодаря литературной деятельности таких выдающихся специалистов в области фольклора, как Жусуп Копеев (1858—1931). Последний, получивший в народе имя «Машхур» («славный, известный, достойный» в переводе с арабского), посвятил многолетние исследования творчеству Бухар-жырау Калкаман-улы (1668—1781), знаменитого акына и жырау.

Феномен Бухара-жырау заключается в его Слове, затронувшем самые глубокие жизненные струны народа. Сказанное в годы сверхвысокого напряжения и же-

¹ *Асан Кайгы* жил в XV веке, в период правления золотоордынских ханов Джанибека и Улу Мухамета, годы жизни неизвестны. Большая часть его поэтического наследия сохранилась у казахов и каракалпаков, отчасти у башкиров и др.

² *Шалкииз (Шалгез)* 1465—1560. Широко известные песни: «Первое сказание Би Темиру», «Уговор Би Темиру, чтобы он воздержался от паломничества», «Алай жаным», «Эдилим», «Жар-жагалап коп журме», «Не болды?», «Байтерек».

³ *Акын Марабай Кулжабайулы* — Марабай-Акн (род. в 1852 г.) — крупнейший казахский народный поэт, импровизатор и одновременно собиратель и хранитель многих казахских эпических (устных) поэм и песен старины казахского народа. Известные героические поэмы «бийской эпохи» (т. е. эпохи господства класса ханов, биев, султанов, баев, батыров и т.д.) казахской старины: «Кобланды-Батыр», «Таргин-Батыр», дошли до нас в его пересказах.

⁴ *Майлыкожи Султанкожаулы* (род. в 1835 году) в своем творчестве использовал богатое наследие казахских поэтов прошлого и лучшее из восточной поэзии. Большой популярностью в народе пользуются его назидания «Прислушайся, народ», «Когда хороший человек постареет», «Турлыбеку», «Простодушный мырза», «Шора батыр», «Тотынаме», «Волк», «Три джигита», айтысы с Суюнбаем, Шакаримом, Гулханым, Жанысом, Кулыншаком, Маделиходжой и другими акынами, многочисленные терме.

стоких испытаний для казахского народа (война с джунгарами), Слово его было особенно действенным.

Деятельность Бухара-жырау, очевидно, была близка Жусупу Копееву, о творчестве которого до обретения суверенитета Казахстаном говорилось мало. На сегодня издано собрание сочинений Машхура в переводе Каната Канапьянова¹ в центре изучения Машхур-Жусупа, который был открыт в 2004 году при Павлодарском государственном университете им. С. Торайгырова. Это важное событие в культурной жизни Казахстана и России.

Русскоязычные читатели, по сути, были не знакомы с творчеством поэта. Единственное стихотворение Машхура, переведенное на русский язык, было опубликовано в 1940 году в антологии «Песни степей». Затем, спустя почти четыре десятилетия, в 1978 году был издан в Ленинграде сборник «Поэты Казахстана», где был напечатан перевод стихотворения «Шайтанның саудасы» («Чертов торг»), выполненный Владимиром Цыбиным, и небольшое стихотворение «Осень».

«Слова — назидания, написанные Машхуром в 46 лет», «Мысли — откровения Машхура, сказанные им в 68 лет» составляют три тома общим объемом около 300 страниц². Творчество его многогранно и ждет новых переводчиков.

Существенные массивы переводимой литературы способствовали развитию транслатологии в Казахстане: в результате деятельности переводчиков читатели получали возможность знакомиться с образцами текстов в качественном языковом переложении. С другой стороны, такие тексты являются вторичными, так как овеществляются в языке-посреднике — русском. Вторичность воспроизведения инонациональной литературы — серьезный вопрос для современных исследователей. По-видимому, в перспективе теории перевода в РК ученым не обойти изучение вопроса «триумфального шествия Советской власти», обусловившего целенаправленный характер протекания литературно-художественного процесса в целом и переводческой деятельности в частности.

Для теории и практики художественного перевода значимыми стали труды А. Алимова, рассматривающего вопросы развития переводческой мысли в Казахстане в 1920—1930 годы³. В них он справедливо замечает «перегибы» в процессе развития переводческой деятельности этого периода. Очевидными «перегибами» казахстанский ученый Н. Сагандыкова считает следующие:

— перевод с русского языка произведений, соответствующих «соцзаказу» и идеологическим установкам эпохи;

¹ Канат Канапьянов — научный сотрудник Центра по изучению творческого наследия при Павлодарском государственном университете. Им переведено на русский язык около семи десяти произведений Машхура — Жусупа Копеева.

² Творческое наследие Копеева на сегодняшний момент в литературоведческой критике наиболее полно представлено пока лишь на страницах периодической печати, в отдельных статьях и диссертационных трудах. Различные аспекты его лингвопоэтического наследия стали объектом исследования в докторских диссертациях А. Трушева, Н. Жусупова, кандидатских трудах С. Сутжанова, Е. Жусупова и М. Баратовой.

³ *Алимов А. Проблемы художественного перевода в Казахстане в 1920—1930-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1993.*

— поэтапные переводы к юбилейным датам, связанным с именами отечественных и зарубежных писателей; осуществление переводов через посредство русского языка, так называемые вторичные переводы, провоцирующие «помехи» в передаче информации («вторичность» воспроизведения информации с иных языков остается до сих пор характерной чертой казахстанской переводческой деятельности) [7].

Например, в 1930-е годы на казахский язык в связи с юбилейными датами были переведены произведения Шота Руставели, Алишера Навои, Шолом-Алейхема и др.

После призыва М. Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934) начать тесные контакты с культурой братских республик перед поэтами, писателями и переводчиками ставятся трудные задачи поисков новых путей, литераторам приходится выполнять решение съезда. Переводческое дело «принимает широкий размах, и произведения казахской литературы, как и литература других народов СССР, переводятся на русский язык. В эти годы активно переводилась на казахский язык классика русской литературы, с русского языка — произведения мировой литературы». В это же время переводились учебные пособия для вузов, техникумов, училищ и школ, позже — научно-техническая литература. Далее уже стабильной системой стал перевод партийно-политических публикаций по всем параметрам без исключения. Затем последовал всеобъемлющий перевод произведений классиков марксизма-ленинизма. «В порыве безудержной социалистической эйфории переводились “бессмертные произведения” гениев, вождей, генсеков, направленные на всякого рода интенсификации, разработку новых курсов аграрной политики, а также о роли рабочего класса и крестьянства, о роли рабочего класса в жизни деревни, о развитии научно-технического прогресса в сельском хозяйстве и т.д. Таким образом, в Казахстане развивалась самая настоящая индустрия переводческого дела» [7. С. 3].

В это время переводчики сталкиваются с рядом важных проблем, в числе которых:

- воссоздание оригинального казахского текста на русском языке с учетом разницы в системах силлабики, тонике, жанровой специфики в литературных традициях обоих языков;

- особенности читательской рецепции и подготовка соответствующего культурного фона;

- составление герменевтического комментария, учитывающего литературную традицию, быт, культурно-исторические «истоки» народа;

- сохранение национально-исторического колорита и своеобразия стиля оригинала и др.

Казахстанские издательства периодической печати придают важное значение переводам художественной литературы («Жаңа әдебиет», «Әдебиет майданы», «Әдебиет және искусство» и др.). Переводы на казахский язык из русской классики и мировой литературы представляют издательства Казани, Москвы, Ташкента.

В этот период переводят классиков русской и мировой литературы. Например, произведения Н.В. Гоголя «Женитьба» (1928) и В. Шекспира «Гамлет» (1931) пе-

ревел М. Даулетбаев, Л.Н. Толстого «Филиппок» (1931) для детского чтения перевел А. Шакышов. Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1932) переводит К. Тайшиков, «Ревизор» (1934) — М. Ауэзов, М. Горького «Мои университеты» (1935) переводит М. Каратаев. На казахском языке выходят три тома произведений А.С. Пушкина и т.д.

В 1930—1940-е годы на русский язык переводят знаменитое произведение Махамбета Утемисова «Согыс» А. Никольская и Д. Приймак.

3. Выводы

Теория перевода — не обособленное имманентное знание; это комплексная дисциплина, которая позволяет нам увидеть неразрывность языковых интеракций и возникающие в этих процессах зоны взаимопроникновения культурных и лингвистических элементов разных языковых миров.

Не существует единой «культурной политики» перевода. Деятельность переводчиков-энтузиастов на сегодняшний день не систематизирована и не описана достаточно полно. Однако на протяжении ряда статей мы стремимся показать, что переводческая деятельность в Казахстане имеет свою более чем трехсотлетнюю историю, которая продолжается и в новом тысячелетии.

Список литературы

1. Кулиева Ш.А., Тавберидзе Д.В. Переводческое дело в центральноазиатском регионе: страницы истории (XVI—XIX века) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 310—318.
2. Бахтикиреева У.М., Синячкина Н.Л. Переводческая деятельность в Казахстане (страницы истории: взгляд из России): учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2011.
3. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах) // Классикалық зерттеулер — Классические исследования: Многотомник. Алматы: «Әдебиет элеме», 2013». Т. 13.
4. Бахтикиреева У.М. Евразийство: истоки, концепция, реальность — продуцирование знаний. Рецензия на книгу «Евразийство: истоки, концепция, реальность. К 20-летию выступления Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. // Российская тюркология. 2014. № 1(10). С. 87—90.
5. Жарылгапова Д.М. Классические исследования (К 155-летию А.Е. Алекторова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 106—112.
6. Айтбаев О. Казак тил билиминин маселелери // Вопросы казахского языкознания. 2007. С. 308—313.
7. Сагындыкова Н. Основы художественного перевода: учеб. пособие. Алматы: Санат, 1996.
8. Бельгер Г.К. Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. Алматы: Галым, 2001.

© Кулиева Ш.А., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.09.2018

Принята к публикации: 09.10.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кулиева Ш.А. Развитие переводческого дела в Центральной Азии: опыт Казахстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 528–536. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-528-536

Сведения об авторе:

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

Development of Translation in Central Asia: Kazakhstan's Experience

Sh.A. Kulieva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

This paper is a continuation of articles' series devoted to understanding and describing the science of translation in the Central Asian region. Our previous work "From the History of Translation Activity in Central Asia (XVI—XIX)" covered the formation of a translation in Kazakhstan from the XVI to the XIX and early XX centuries. The project is still open. It is aimed at studying the history of translation, reproduction of "lost knowledge" and does not lose its relevance due to the special attention of post-Soviet Turkic-speaking states to translation activities.

Key words: translation activity, history of translation studies, Central Asian region, Russian-Kazakh translation, translator

References

1. Kulieva, Sh.A., and D.V. 2017. "Perevodcheskoe delo v central'noaziatskom regione: stranicy istorii (XVI—XIX veka)" [From the History of Translation Activity in Central Asia (XVI—XIX)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'* 14 (2): 310—318. Print. (In Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M., and N.L. Sinyachkina. 2011. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v Kazahstane (stranicy istorii: vzglyad iz Rossii)* [Translation Activity in Kazakhstan: the Pages of History]. Moscow: Izd-vo RUDN. Print. (In Russ.)
3. Alektorov, A.E. 2013. *Ukazatel' knig, zhurnal'nyh i gazetnyh statej i zametok o kirgizah (o kazahah)* [Index of Books, Journal and Newspaper Articles and Notes about Kyrgyz (about Kazakhs)]. *Klassikal'nyy zertteuler — Klassicheskie issledovaniya*. Almaty: «Ehdebiet ehlemi». Print. (In Russ.)
4. Bahtikireeva, U.M. 2014. "Evrazijskoe: istoki, koncepciya, real'nost' — produkcirovanie znanij" [Eurasianism: Origins, Concept, Reality — the Production of Knowledge]. *Rossijskaya tyurkologiya* 1(10): 87—90. Print. (In Russ.)
5. Zharylgapova, D.M. 2016. "Klassicheskie issledovaniya (K 155-letiyu A.E. Alektorova)" [Classical Studies]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'* 1:106—112.
6. Ajtbaev, O. 2007. "Kazak til biliminin maseleleri". *Voprosy kazahskogo yazykoznanija* [Issues on Kazakh Education]. Almaty: «Arys» baspasy. Print. (In Kaz.)

7. Sagyndykova, N. 1996. *Osnovy hudozhestvennogo perevoda* [Literary Translation: Basis]. Almaty: «Sanat», 1996. Print. (In Russ.)
8. Bel'ger, G.K. 2001. *Ehtyudy o perevodah Il'yasa Dzhanugurova* [Etudes about the Translations of Ilyas Dzhanugurov]. Almaty: Galym. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.09.2018

Accepted: 09.10.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kulieva, Sh. A. 2018. "Development of Translation in Central Asia: Kazakhstan's Experience" *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 528—536. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-528-536

Bio Note:

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: shekkul@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-537-545

Growing Multilingualism in India and Russia in the Light of Indigenous Languages

S. Saini

Jawaharlal Nehru University
110067, New Mehrauli Road, New Delhi, India

The concept of multilingualism or polyglotism is being discussed in twenty first century more than it was discussed in twentieth century. This paper focuses on the waves and trends of multilingualism among youth in Russia and India today. The study also attempts to establish the reason why these waves and trends are leading youth to a specific direction in both the countries. Today it has become important to thoroughly look into the progress in the field of multilingualism through technology due to which many languages are dying on one side and many others are blooming with time. It shows the result of the survey conducted among Indian and Russian youth on the same issue.

Key words: Multilingualism, Indigenous languages, Multilingualism in India and Russia, Indigenous languages in India and Russia

1. Introduction

The theme — Multilingualism is one of the most interesting themes yesterday, today and tomorrow. The reason may be that multilingualism is related to use of language, which every human being use on the planet. While studying this topic it was surprised to find that how individual, groups, states directly or indirectly give importance to the language while making policies for survival or development. Jean-Jacques Webder and Kristine Horner in their book ‘Introducing multilingualism: A social approach’ published in London wrote, “Multilingualism is an exciting research topic to study because it is about people’s use of language in the real world. It is people who code-switch and mix their languages, who set up fixed or flexible educational systems and who have certain ideas about how their societies should deal with multilingualism. And because human behaviors is so multi-faceted, there are always new developments in the study of multilingualism and new research areas opening up.” [1. P. 198].

While moving ahead on the topic it is necessary to begin with the definition of multilingualism by Bloommaert Jan: “Multilingualism...should not be seen as a collection of ‘languages’ that a speaker controls, but rather as a complex of specific semiotic resources, some of which belong to a conventionally defined ‘language’, while others belong to another ‘language’. The resources are concrete accents, language, varieties, registers, genres, modalities such as writing — ways of suing language in particular communicative settings and spheres of life, including the ideas people have about such ways of using their language ideologies” [2. P. 102].

In this study, the concept of multilingualism has been considered as usage of several languages by an individual or community. The person would have acquired two or more

languages through formal or informal training may be called polyglot. The use of multiple languages by an individual has been a part of our society since dawn of the history of human being. The concept of multilingualism or polyglotism is being discussed in twenty first century more than it was discussed in twentieth century. Apart from the term ‘multilingualism there are other terms such as ‘plurilingualism’ (Council of Europe, 2005), ‘polylingualism’ [3. P. 5], ‘interlingualism’ [4], ‘multiplurilingualism’ [5. P. 37], ‘metrolingualism’ [6] etc., but the term ‘multilingualism is widely accepted. There may be debates on the definition of ‘multilingualism, on the terminology, on the usage of language, but we all may agree that it is indeed significant to study such topic today. If there were limited medium in the field of technology in previous century in the society then today there is a vast area for innovations and developments, which is increasing day by day. The super computers, fast internet, smart mobile, software programs, popular radio technology, mass media, etc. are the medium of communication and part of technological development today in modern societies in the world.

The technology has assisted human being in various fields. The multilingualism one of such fields. While talking about the multilingualism in India and Russia, one may acknowledge the vital contribution of technology in the development of multilingualism. However, there are some other sides of development of technology as well. Today it has become important to thoroughly look into the progress in the field of multilingualism through technology due to which many languages are dying such as *Bodo Gadaba* and *Chamalal* languages on one side and some are blooming such as English and Russian with time in India and Russia respectively.

2. Discussion

Multilingualism in India: Background

Indian society has witnessed the multilingualism with the arrival or invasion by various ethnic groups and races since ancient times. The invasions through the history also has also witnessed migration from one society to other society, which exchanged the language, culture of each others’. J.C. Sharma in his study ‘Multilingualism in India’ has given an overview of languages in India. He states that “Sir G. A. Grierson carried out the Linguistic Survey of India (LSI) between 1866 and 1927. This survey identified 179 languages and 544 dialects. The 1951 Census, the first census after India attained its independence, listed 845 languages including dialects, out of which more than 100,000 persons spoke 60 languages/dialects.” (<http://www.languageinindia.com/dec2001/jcsharma2.html>). As per the previous census of 2001 of India, there were 1635 efficient mother tongues, 234 recognisable mother tongues and 22 foremost languages (“Census Data 2001 : General Note”. Census of India). Twenty nine of these languages have about one million (1,00,00,00) native speakers, 60 languages have about 100,000 speakers and 122 languages have approximately 10,000 native speakers [6].

Multilingualism in Russia

On other side in Russia, which is the largest country on the earth, has over one eighth part of the earth’s land mass. If we go in to history then it can be found that “Russian

expansion may have begun in earnest with Ivan the Terrible. In 1552 he took Kazan and thus put an end to the subjugation imposed on the Russians by the Tartar Khans, which had confined them geographically and isolated them from other Slavs, like the Ukrainians and Poles. About the middle of the Seventeenth Century the Cossacks and Ukrainians were brought under Russian control, and following this, under Peter the Great and Katherine, the Baltic peoples, parts of Poland and later still areas of the Caucasus were incorporated. By 1881 the expansion was virtually complete, with the acquisition of Turkestan by Alexander II. As a result the Russian Empire became an immense multilingual state, consisting of about 180 different linguistic groups.” [7. P. 17].

After the formation of Soviet Union “150 languages were officially recognized in 1926; since then the number has been considerably reduced.” [7. P. 25]. Today there are 35 major languages along with more than 100 minor languages and dialects spoken within the country (<http://www.kwintessential.co.uk/resources/guide-to-russia-etiquette-customs-culture-business.html>).

Thus, India and Russia both the countries have past, present and future for multilingualism. However, in the era of globalization and technology question arises whether there is a rush to become multilingual, whether because of learning a foreign language or other state’s language the mother tongue may come in the list of endangered languages, how such kind of wave is effecting people, etc. This study is an attempt to study the waves and trends of multilingualism among youth in India and Russia today. The study also attempts to establish the reason why these waves and trends are leading youth to a specific direction. To find out the opinion from people in India and Russia on the same topic, we have conducted an online survey in which about 150 participants shared their valuable views. The responses were received from the following age groups (Fig. 1).

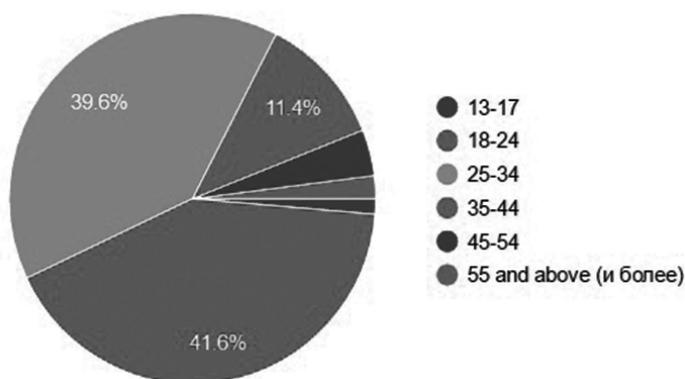

Fig. 1. Age Groups

To know how important to be a multilingual we asked the question: “**Is it important to be multilingual (to know more than one language)?**” (Fig. 2). As per the responses from India about 93% say that it is important where in Russia maximum number i.e 67% of the responded affirmative to the question.

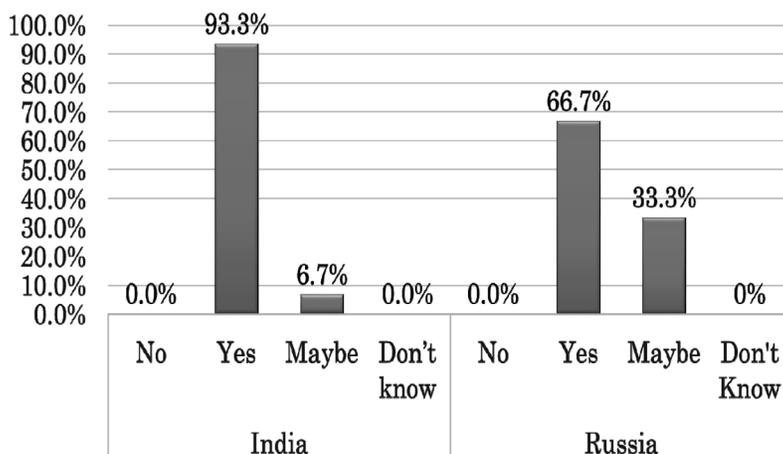

Fig. 2. Is it important be multilingual (to know more than one language)?

To the question whether one can manage with the **knowledge of one language in cities** (Fig. 3), maximum Indian respondents say NO it is difficult to survive with one language in cities. It may be because in cities English is desirable conditions to get the work/business. Whereas in Russia, being Russian as major language they may survive with the knowledge of one language. About 43 percent say yes, they may survive and only 38% say it is difficult.

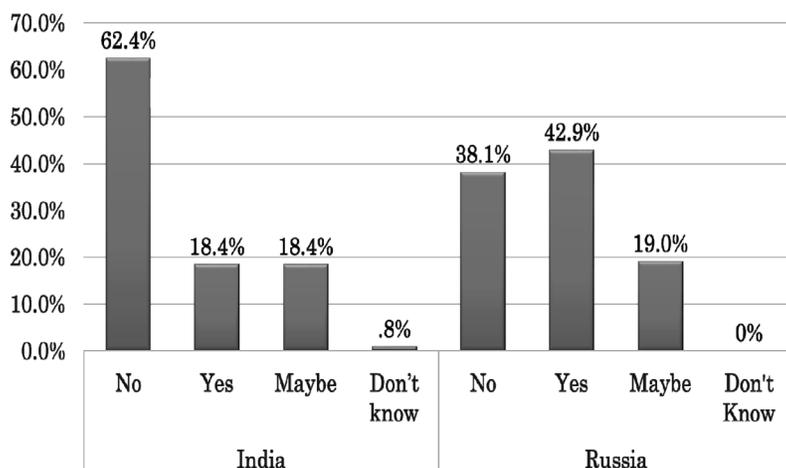

Fig. 3. Is it easy to manage with the knowledge of one language in cities?

Based on different conditions in cities and villages our next question was to know whether it is possible to manage with the **knowledge of one language in villages** (Fig. 4). Here Indian respondents were not sure about that, although 38% responded that yes they may survive. But 29% say No and 29 percent say may be. One can suppose that now a days the trend to be multilingual person is going up. However, Russian respondents were sure that they may manage with knowledge of one language in villages. About 86% affirmed the same.

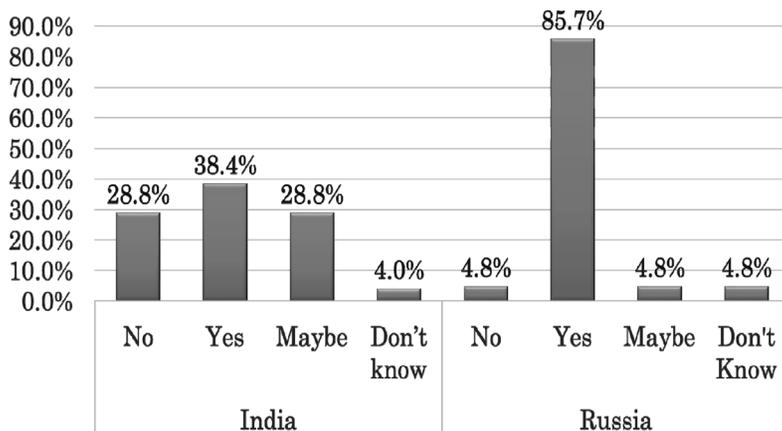

Fig. 4. Is it easy to manage with the knowledge of one language in villages?

To the question whether there is a rush or one can say there is a **wave (rush) towards learning foreign language because of the development in technology and globalisation** (Fig. 5), we got affirmative response from India and Russia. About 87% from India and 95% from Russia say yes, there is such kind of wave nowadays.

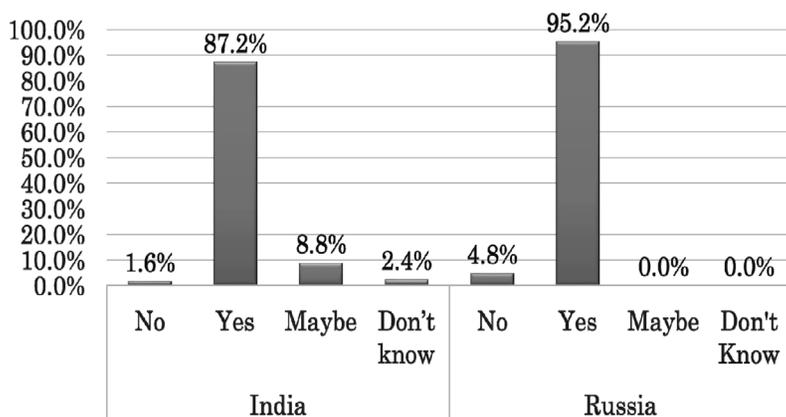

Fig. 5. Do you think there is a wave (rush) towards learning foreign language because of the development in technology and globalisation?

Foreign languages or other state’s languages are being offered not only in universities along with the main courses, but also in schools. The trend is growing day by day. If we take example of Public schools in Delhi, India then we have observed that many public schools have introduced foreign/other state’s languages in their curriculum. Apart from the work/business acquiring a new language is also considered as prestige. 65% respondents from India and 94% from Russia agreed on the point that such trend is growing.

The survey concludes that it is important to be multilingual as per trend people migrate from villages to town, from town to cities, from cities to major cities due to various reasons. But one of the major reasons is to manage the bread and butter well. It is indeed that one has to be multilingual in the era of technology in cities (Fig. 6).

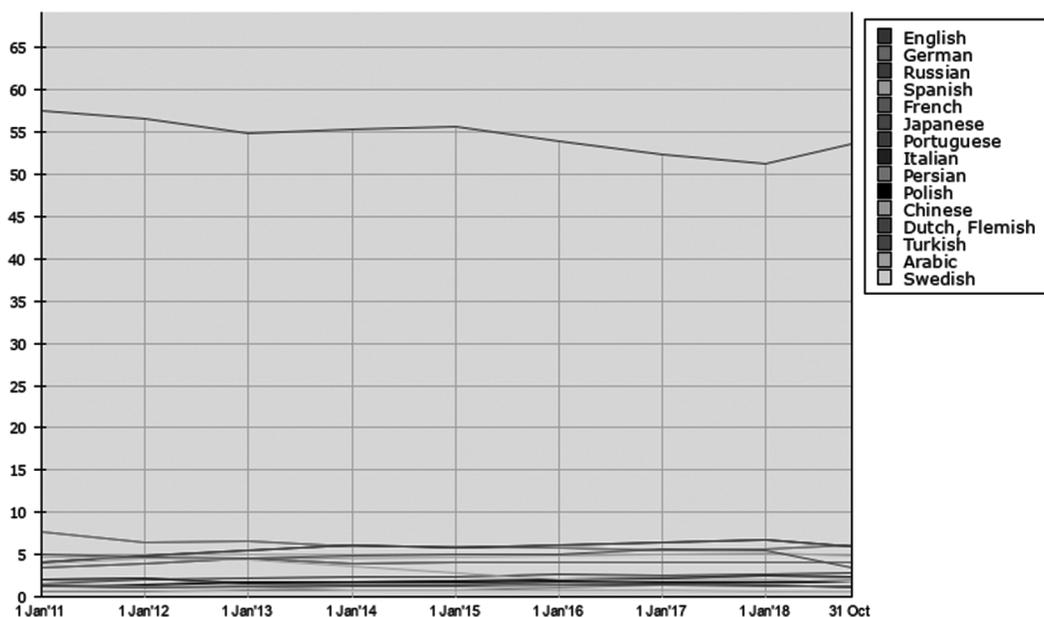

Fig. 6. Usage of content languages for websites, 31 Oct 2018, W3Techs.com

Today learning popular foreign languages has become a mandate to move faster in career. One of the popular languages is English. Today youth globally acquiring atleast working knowledge of the same as English is most popular language of internet, which has more than 53% users in the world along with major content share all over the www. The tendency of learning popular languages is leaving behind less popular languages. This is the reason that many languages in the world have found their places in the list of endangered languages.

Language	Percentage, %
English	53.6
German	6.2
Russian	6.0
Spanish	4.9
French	4.1
Japanese	3.5
Portuguese	2.9
Italian	2.4
Persian	2.0
Chinese	1.8%

Endangered languages

Through the trend to learn foreign language/another state's language is growing. However, as per the survey and our observation this wave is to learn such language which add some perks/benefits to the work/business. In this kind of wave one important question arises today that if we all rush towards learning only major languages then what will happen

with our native language or endangered languages of the country. The drastic changes or loss may be observed after several generations. The UNESCO has published the list, according to which about 6000 languages spoken in the world are under threat, seriously endangered or dying”

As per Webder and Horner... there are “two main factors for ‘language death’: first, the politics of nation-state building, with states typically promoting one language as the ‘national’ or ‘official’ language, while often repressing the languages of both indigenous and immigrant minority groups. Secondly, due to the spread of global languages such as English with ever higher instrumental value, there are strong pressures on minority group members to drop their minority languages and to use instead the national or official language of the state plus a global language such as English” [1. P. 53]. However, UNESCO appreciated the steps taken by Indian State to preserve the endangered languages. The scheme “Protection and Preservation of Endangered Languages of India” is working to safeguard, preserve and documents all the mother tongues of India, which has less than 10,000 native speakers [Fig. 7]. Still a lot of efforts are required to achieve the goal.

Boosting endangered languages through technology

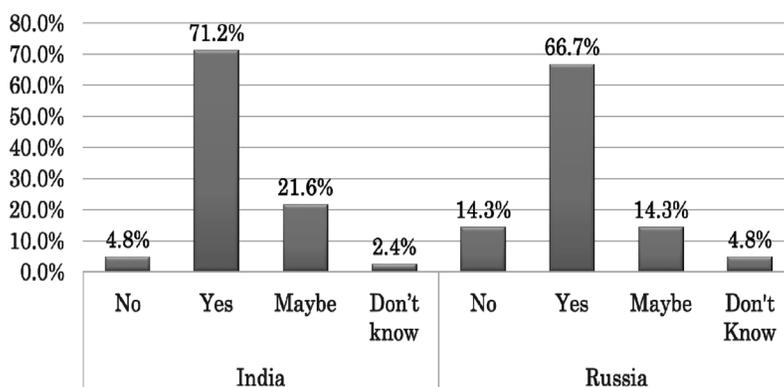

Fig. 7. Do you think that through technology (audio-video recording, making the language available on websites) we may preserve and promote the usage of endangered languages among youth?

In order to boost the endangered languages technology may play a vital role. As per the opinion about 71% from India and 67% from Russia agree on the methods such as maximum use of audio-video recording, making language available on websites, will work in positive manner.

Many steps are being taken to preserve the endangered languages by various countries. The concept of **Multilingualism i.e. learning such endangered languages by youth** may also help in preserving and promoting endangered languages of India. To the question “whether the respondent think that Multilingualism may also help in preserving and promoting the endangered language of India/Russia, the response is considerably affirmative from India and Russia.

There are several other methods also to preserve and revitalize the endangered languages. For example. Making endangered language as official language such as “**Maori** became an official language of Aotearoa (New Zealand)-alongside English — in 1987.

According to May [8], this makes New Zealand ‘the only example where the first language of an indigenous people has been made an official state language’ [1]. Another example of revitalization the Hebrew in Israel. The main language of Israel is Hebrew and it is a key symbol of the Jews’ new nation-state. Yet about a hundred years ago, Hebrew was almost a dead language, mostly used only as a sacred language for religious purposes. Thus the story of Hebrew is often presented as yet another story of successful revitalization.

Conclusion

To conclude we may say that each and every language is precious and equally valuable. The theme — multilingualism may be explored in the way to save and promote local languages of human being. The development and research area in the field of multilingualism will find various methods to develop the society in various ways. As we know language is not only a mean to communicate but it is a kind of culture, tradition, history of the respective group/people. In today’s era of globalization, using technology it is important to preserve and promote all communities and societies.

With the kind cooperation by the respondents from India and Russia we find that there is a wave of multilingualism to learn some specific major languages. This fact indicates that more attention is required in order to preserve and promote the languages, culture, and history of all human kind on the planet.

References

1. Webder, J-J., and K. Horner. 2012. *Introducing multilingualism: A Social Approach*, Routledge. London. Print.
2. Bloomaert, J. 2010. *The Sociolinguistics of Globalization*, Cambridge University press, Cambridge. Print.
3. Jorgensen, J.N. 2008. “Polylingual Languageing around and among Children and Adolescents”. *International Journal of Multilingualism* 5(3): 161—176, DOI: 10.1080/14790710802387562
4. Widdowson, H. 2010. *Terms and Conditions of Enquiry*. In *International Conference on New Challenges for Multilingualism in Europe*, Dubrovnik. 11—15 April 2010.
5. Ehrhart, S. 2010. “Pourquoi integrer la diversite linguistique et culturelle dans la formation des enseignants au Luxembourg?” in *Plurilinguisme et Formation des Enseignants*, Frankfurt, Peter Lang Verlag, Main. Web. URL: <https://www.peterlang.com/view/title/12382>
6. Schiffrin, D., A.D. Fina, and Nylund A. 2010. *Telling Stories: Language, Narrative, and Social Life*. Georgetown University Press. Print.
7. Glyn, L. 1972. *Multilingualism in the Soviet Union: Aspect of Lanugage Policy and its Implementation*. Mouton, The Hague, Paris. Print.
8. May, S. 2001. *Language and Minority rights*, Longman, London. Print.

© Saini S., 2018

Article history:

Received: 20.09.2018

Accepted: 20.10.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Saini, S. 2018. “Growing Multilingualism in India and Russia in the Light of Indigenous Languages”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 537–545. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-537-545

Bio Note:

Sonu Saini is a PhD, Assistant Professor at the Centre of Russian Studies of School of Language, Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University. Email: unosru@gmail.com

Многоязычие в Индии и России в контексте местного языкового ландшафта

С. Саини

Университет им. Джавахарлала Неру
Индия, 110067, Шоссе Нью Мероли

Концепция многоязычия, или полиглотизма, обрела для гуманитаристики в XXI веке еще большую актуальность, чем когда-либо. Настоящая статья посвящена описанию тенденций многоязычия среди молодежи Индии и России. Автор пытается проследить, к чему ведут языковые тренды поликультурных сообществ, и объяснить причины, по которым одни языки умирают, а другие процветают. В статье представлены результаты опроса молодых людей Индии и России, которые могут быть полезны специалистам в области языковой политики и языкового планирования.

Ключевые слова: многоязычие, языки коренных народов, многоязычие в Индии и России, языки коренных народов в Индии и России

История статьи:

Поступила в редакцию: 20.09.2018

Принята к публикации: 20.10.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Саини С. Многоязычие в Индии и России в контексте местного языкового ландшафта // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 537–545. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-537-545

Сведения об авторе:

Саини Сону — PhD, доцент Центра российских исследований при Школе изучения языка, литературы и культуры, Университет Джавахарлала Неру. E-mail: unosru@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-546-553

Тайны вербального мышления, коммуникативная лингвистика и картина мира

Э.Д. Сулейменова

КазНУ имени аль-Фараби
Казахстан, 050040, Алматы, пр-т аль-Фараби, 79

*Посвящается памяти Учителя —
профессора Геннадия Владимировича Колшанского.*

Эссе, не претендующее на всестороннее развитие темы «Язык и мышление», акцентирует внимание читателя на важных вопросах, в числе которых история идей в географически отдаленных друг от друга центрах мировой культуры и просвещения прошлого; широкий контекст культурного универсума; логика языка и некоторые другие. Автор приводит историко-филологические факты, а также собственное осмысление концепции выдающихся исследователей, таких, как Г.В. Колшанский, личности которого в работе уделено особое внимание.

Какая бы наука ни подступалась к тайнам мышления и роли в нем языка — философия, логика, нейрофизиология или нейропсихология... — скоро становится понятно, что без лингвистики эти тайны так и будут ускользать.

Совершенно очевидно, что именно мышление преобразует объективный мир и активно действующего в нем человека в иной мир, мир идеальных сущностей (понятий, концептов, картин), закрепляя их с помощью средств языка. На этом этапе обнаруживается универсальная гносеологическая функция языка, ведь именно благодаря языку идеальные сущности, закрепляя познанное, «овеществляются» в виде языковых единиц, которые можно сохранять, воспроизводить и использовать по отношению к классам однородных явлений и любому предмету из этого класса.

Анализ категорий «язык», «мышление», «действительность» давно стал для языкознания одной из главных проблем, и это не просто дань традиции. Скорее, это неизбежное следствие столь понятного стремления познать глубинные свойства языка, причины его появления и законы его существования. История языкознания наглядно демонстрирует, как менялся интерес к этой проблематике и какой она представляла в сменяющихся друг друга научных парадигмах, однако самыми сильными и значительными по диапазону влияния на современную «европоцентрическую» лингвистику продолжают оставаться идеи В. фон Гумбольдта.

В этой связи интересен опыт включения проблемы взаимоотношений языка, мышления, действительности в широкий контекст *культурного универсума*, в котором зрела арабская культура. Идеи арабских мыслителей по-прежнему недо-

статочно обсуждаются в лингвистике, хотя многое в их взглядах поражает современным и актуальным звучанием.

В X веке Абу Хаййаном ат-Таухиди была написана «Книга услад и развлечений», в которой в форме увлекательных диалогов визиря (логика) и литератора обсуждаются вопросы универсальности мышления и независимости его от языка. Абу Хаййан ат-Таухиди «отстаивает неразрывность связи языка и мышления, демонстрируя значимость любого элемента языка и отрицая возможность внеязыкового мышления. Его утверждения о том, что у каждого языка своя логика, а мысль вырастает из языка, снимающие абсолютность противопоставления формы и содержания применительно к оппозиции «язык — мышление», основаны на убеждении, что логика — создание греческих ученых — есть логика греческого языка [1. С. 50].

Абу Хаййат ат-Таухиди считал, что у каждого языка своя логика, своя грамматика и понять логику можно только через язык: «Грамматика — это логика, но выделенная из арабского языка, а логика — это грамматика, но понятая через язык. Разница между словесной формой и значением в том, что форма относится к природе, а значение — к разуму». Ат-Таухиди высмеивает претензии логиков на универсальность их знания, поскольку, считает он, в логике содержится совершенно иной, чуждый арабам, персам и индийцам метод мышления и познания. Логика греков отрывает мышление арабов от их языка, а язык и мышление находятся в неразрывной связи. Законы мышления по-арабски содержатся в грамматике арабского языка, которая должна сохранить свою непроницаемость для «чужого» знания [2. С. 62].

Как видим, тема спора в диалогах весьма современна и оценить взгляды ат-Таухиди по достоинству можно, если привести также его мнение о знаниях: «Знание о мире рассеяно по миру между всеми... Оправленное в словесную форму, оно не охватывает всего содержимого разума. Значения постигаются разумом, они образуют непрерывность и простираются без границ. Словесная форма какого бы ни было языка не обладает достаточной силой, чтобы овладеть этим содержанием, вобрать его в себя и воздвигнуть вокруг него **ограду** (выделено нами — Э.С.), которая помешала бы чему-либо изнутри вырваться наружу, а чему-либо снаружи проникнуть внутрь, остерегаясь порчи от смешения» [2. С. 68].

Обратим внимание на следующие моменты взглядов ат-Таухиди: неразрывность языка и мышления делает мышление (логику и грамматику) уникальным и зависимым от языка; никакой язык не в состоянии создать преграду для знания, которое «рассеяно по миру между всеми»; образ ограды, который использует ат-Таухиди, параллелен образу языка-круга, о котором говорил Гумбольдт, рассматривая язык и мировидение. Отметим попутно, что *мировидение* занимало ученых издавна, в новейшее время оно традиционно связано с представлениями о *промежуточной мире* в духе В. фон Гумбольдта, Й.Л. Вайсгербера, Л. Витгенштейна, Й.Г. Гердера, Э. Сепира — Б.Л. Уорфа, от которых был совсем короткий шаг к *особости национального мировоззрения*, далее — *языковой картине мира и национальной картине мира*.

Однако выводы, которые делают ат-Таухиди и фон Гумбольдт, можно рассматривать в известной степени *pro et contra*: общее утверждение о неразрывности

мышления (мировидения) и языка приводит первого к мысли о целостности знания, о том, что между знаниями невозможно провести преграду, а второго, напротив, к положению о специфичности мировидения разными народами. Как известно, именно эта гумбольдтовская идея была впоследствии широко использована и развита в теории лингвистической относительности и концепции неогумбольдтианства, а также в многочисленных работах, доказывающих существование *языковой картины мира*.

Где же истина? Вот уже не одно тысячелетие ученые пытаются найти ответ на фундаментальные вопросы: насколько оправданно говорить о влиянии языка на мышление; каковы границы влияния языка на процессы и результаты познания; каким образом объективная действительность отражается в языке; можно ли говорить о субъективном (на уровне личности, языка и его народа) образе объективного мира как средстве ориентации в реальной действительности?

В поисках ответов на эти и другие связанные вопросы выдающийся лингвист прошлого века Геннадий Владимирович Колшанский обратился к категориям объективного и субъективного в языке, в частности — к объекту vs. субъекту как человеку, который непосредственно взаимодействует с объектами и с объективным миром.

Постепенно менялся диапазон, глубина анализа и его инструментарий, но неизменным у Г.В. Колшанского оставался интерес к данной проблематике. Это легко увидеть, выстроив главные монографические работы Г.В. Колшанского в хронологическом порядке: «Логика и структура языка» (1965), «Паралингвистика» (1974), «Соотношение субъективных и объективных факторов в языке» (1975), «Контекстная семантика» (1980), «Коммуникативная функция и структура языка» (1984), «Объективная картина мира в познании и языке» (1990) и др. [3—8]. Кроме того, были и две диссертации. Если в кандидатской диссертации (1951) Г.В. Колшанский рассматривает суждение, реализуемое в языковой форме в виде высказывания, структурирующего универсальный признак связи «единичное — всеобщее», то через четырнадцать лет в докторской диссертации (1965) им была представлена новая целостная концепция логического анализа структуры языка и дана широкая панорама соотношения логических и грамматических категорий.

В работах Г.В. Колшанского отчетливо видна траектория его научных поисков — от логической структуры языка к субъективным и объективным факторам в языке, через них к расширению предмета языкознания и выход в контекст, конситуацию и использованию паралингвистических средств, к разработке концепции коммуникативной лингвистики и объективности картины мира в познании и языке.

Научное обаяние, убедительность и воздействие высказываемых им идей было таким, что очень быстро вокруг него сформировалась авторитетная научная *Школа теории текста и коммуникативной лингвистики профессора Г.В. Колшанского*. В школу вошли такие известные ученые, как И.Р. Гальперин, Е.И. Шендельс, О.И. Москальская, С.И. Канонич, О.Л. Каменская, Т.М. Дридзе и др. И сегодня — это одна из ведущих школ, рассматривающая в качестве единственной полноправной единицы общения цельный, связный и заверченный текст, изучающая закономерности создания и функционирования текста в коммуникативном про-

цессе. Школа Г.В. Колшанского не утратила своей значимости по сей день, его идеи по-прежнему привлекательны и ложатся в основу многочисленных исследований. Продуктивное развитие школы Г.В. Колшанского успешно продолжается. Рассмотрим, в чем же заключается эвристический потенциал его идей и их привлекательность?

Г.В. Колшанский постоянно повторял, что в теоретических исследованиях анализ языка дает возможность, расчлняя изучаемый объект на составные элементы, понять их внутренние связи и алгоритмы вхождения в систему. Однако только синтез позволяет понять то существенно общее, что отличает составные элементы и делает из них целое. Точно так же, как одинаково и аналитично, и синтетично наше мышление, научный анализ также должен быть и аналитичным, и синтетичным. «Именно обобщающий, синтезирующий, а не только анализирующий подход позволил Г.В. Колшанскому сосредоточиться на ключевых позициях в лингвистике, выйти в конечном счете на чрезвычайно продуктивную концепцию, опережающую время», — писали С.И. Мельник и А.М. Шахнарович в предисловии к посмертно вышедшей книге «Объективная картина мира в познании и языке» [9. С. 4].

Цельность и достоинство концепции Г.В. Колшанского создается последовательностью и динамичным поступательным характером методологии, определяемой его логико-философскими и лингвистическими взглядами. Г.В. Колшанский даже в период тотального распространения структурализма в советском языкознании не признавал приоритета формы над содержанием, существования смыслов в глубинных (а тем более в поверхностных) структурах языка, не отождествлял владение языковыми формами и владение языком (порождение и восприятие речи), считал, что языку предначертана единственная функция — коммуникативная. Г.В. Колшанский писал: «Признание языка как средства общения дает основание рассматривать язык в его единственной функции, а именно в функции коммуникации, представляющей собой действительно сложное интегрированное явление, в котором интегрированы все свойства языка, обнаруживаемые в процессе обслуживания им жизни человеческого общества на всех этапах его развития... Коммуникативное назначение языка есть его первая и единственная функция, преобразующая индивидуальное сознание в общественное» [7. С. 3, 9].

Монистический взгляд на функции языка обусловил не только выделение текста как основной единицы языка и коммуникации, но также определение самого языка. «Язык, — пишет Г. В. Колшанский, — являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собой все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума» [8. С. 8].

Маркирование коммуникативной функции языка как единственной и определяющей экстрагировало понимание языка как привилегии только человека. Г.В. Колшанский приводит убедительный ряд примеров, демонстрирующих относительную свободу в использовании языка человеком: неологизация лексики, умение использовать контекст, расширение самодостаточной базы родного языка за счет иноязычных слов, диалектизмов, отличия в лексиконе разных людей,

языкотворчество (выбор синонимов, порядка слов), построение диалога и монолога, сегментация и делимитация текста, все виды аллитерации, привлечение паралингвистических средств, отражение в языковых единицах художественного видения мира, эмоциональное и прагматическое воздействие на коммуниканта и многое другое.

Методологически четко выверенный маршрут приводит Г.В. Колшанского к понимаю, что интенции, ситуации общения, контекст, компетенции говорящих и даже само использование готовых языковых форм заставляет человека вместо «овладения языком через структуры заниматься овладением структурами, заучиванием и имитацией» [7. С. 14]. «Храм, который строил Колшанский, — это его коммуникативная лингвистика, оригинальная концепция языка, существенно отличающаяся от всего, что существует на Западе под таким же названием», — писали С.И. Мельник и А.М. Шахнарович [9. С. 4—6]. Развивая предложенную ими метафору, можно сказать, что в мощном основании Храма находится текст — основная динамичная единица языка и коммуникации, в которой мысль продолжает жить.

Рассматривая лингвогносеологические предпосылки адекватного познания объективного мира, Г.В. Колшанский убеждает, что практическая и гносеологическая деятельность человека происходила одновременно — и именно это стимулировало качественный скачок в его эволюции, а именно появление у него абстрактного мышления. Абстрактное мышление преобразовало объективный мир в мир идеальных сущностей, которые закрепились в звуковом языке. «Возможность использовать язык в качестве инструмента познания, — пишет Г.В. Колшанский, — не означает способности этого инструмента выступать лишь в роли орудия познания. Интерпретация различных результатов, полученных с помощью этого орудия, является как бы вторичной функцией языка — первичной остается функция материализации идеального мира» [8. С. 48].

Отвечая на вопрос об отражательной способности мозга в процессах познания, Г.В. Колшанский говорит о ней исключительно только в отношении мозга, но ни в коем случае языка. Именно мозг строит вторичную, отражательную картину мира. «На этом основании, продолжает он, — можно говорить, что язык выражает мышление, а мышление отображает действительность. Это принципиальное положение неумолимо означает, что картина мира, т.е. знание о мире, — это атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений» [8. С. 23].

Г.В. Колшанский неоднократно подчеркивал, что язык не имеет непосредственного отношения к миру. В языке закрепляется общественное сознание, а тексты — это вместилище результатов мыслительной деятельности. Не склонный к использованию метафор в научном изложении, Г.В. Колшанский все же предлагает следующий образ: «Язык является как бы звуковой книгой, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком на всем протяжении истории. Языковые свойства являются свидетельством “человеческих страданий” в поисках истины, начиная от простого обозначения вновь открываемых объектов и явлений до формирования научных концепций строения Вселенной. В язы-

ке находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире — природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и т.д.» [8. С. 24]. В данном положении концепции Г.В. Колшанского можно усмотреть реминисценции (а может быть, просто ретроспекцию рефлексирующего в поисках гармонии сознания) с рассмотренной выше теорией ат-Таухиди. Действительно, *знания о мире* оказываются непрерывными не только между разными народами, но и разными этапами жизни человеческого рода.

Г.В. Колшанский делает следующий логический шаг в определении понятия *картины мира*, которое в языкознании получило самые противоречивые толкования особенно в связи с вовлечением в научный обиход еще одного созвучного понятия — *языковая картина мира*.

Язык, по Г.В. Колшанскому, не выступает демиургом картины мира, а лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания. Как способ выражения мышления, а значит, и познания, «язык выступает в качестве средства, замещающего в познании человека предметы, связи и отношения мира — он является как бы создаваемым объектом. Можно сказать, что язык выступает формой овладения миром, но не формой особого мира. Вот почему нельзя говорить отдельно о языковом сознании, отдельно о языковом третьем мире и отдельно о языковой картине мира» [8. С. 25].

Именно в таком прочтении следует понимать и название последней книги философа, логика, лингвиста Геннадия Владимировича Колшанского — «Объективная картина мира в познании и языке»: картина мира объективна, картина мира познаваема, картина мира существует в познании и языке.

Список литературы

1. Фролов Д.В. Вступительная статья, перевод и комментарии к книге Абу Хайяна ат-Таухиди «Книга услад и развлечений» // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.
2. Абу Хайян ат-Таухиди. Диалоги (из «Книги услады и развлечения») // Запад — Восток. Исследования. Переводы, публикации. М., 1988.
3. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965.
4. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М., 1974.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
6. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
8. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
9. Мельник С.И., Шахнарович А.М. О авторе этой книги // Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

© Сулейменова Э.Д., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 27.08.2018

Принята к публикации: 26.09.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сулейменова Э.Д. Тайны вербального мышления, коммуникативная лингвистика и картина мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 546—553. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-546-553

Сведения об авторе:

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: esuleim@gmail.com

Secrets of Verbal Thinking, Communicative Linguistics and Picture of the World

E.D. Suleimenova

Kazakh National University of Al-Farabi
79, Al-Farabi Prospect, Almaty, 050040, Kazakhstan

The essay, which does not pretend to comprehensive development of the theme “Language and thinking”, focuses the reader’s attention on important issues, including the history of ideas in geographically distant centers of world culture and education of the past; the broad context of the cultural universe; language logic and some others. As an illustration, the author cites historical and philological facts as well as her own understanding of the concept of outstanding researchers, such as G.V. Kolshansky.

References

1. Frolov, D.V. 1988. “Vstupitel’naya stat’ya, perevod i komsmentarii k knige Abu Hajjana at-Tauhidi «Kniga uslad i razvlechenij»” [Introduction, Translation and Comments] in *Vostok — Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii*. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Hajjan at-Tauhidi, A. 1988. “Dialogi (iz «Knigi uslady i razvlecheniya»)” [Dialogues (from the “Book of Delights and Entertainment”)] in *Zapad — Vostok. Issledovaniya. Perevody, publikacii*. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Kolshanskij, G.V. 1965. *Logika i struktura yazyka* [The Logic and Structure of the Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
4. Kolshanskij, G.V. 1974. *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moscow. Print. (In Russ.)
5. Kolshanskij, G.V. 1975. *Sootnoshenie sub’ektivnyh i ob’ektivnyh faktorov v yazyke* [The Ratio of Subjective and Objective Factors in the Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
6. Kolshanskij, G.V. 1980. *Kontekstnaya semantika* [Context Semantics]. Moscow. Print. (In Russ.)
7. Kolshanskij, G.V. 1984. *Kommunikativnaya funkciya i struktura yazyka* [Communicative Function and Structure of the Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
8. Kolshanskij, G.V. 1990. *Ob’ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective Picture of the World in Cognition and Language]. Moscow. Print. (In Russ.)
9. Mel’nik S.I., and A.M. Shahnarovich. 1990. *O avtore ehtoj knigi* [About the Author of this Book] in *Ob’ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke*. Moscow. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 27.08.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Suleimenova, E.D. 2018. “Secrets of Verbal Thinking, Communicative Linguistics and Picture of the World”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 546–553 DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-546-553

Bio Note:

Eleonora D. Suleimenova is a Doctor in Philology, Professor, Kazakh National University of al-Farabi. E-mail: esuleim@gmail.co

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-554-563

Гендерная специфика оценочной стратегии ассоциирования носителей русского языка: квантитативный аспект

Е.Б. Чернышова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
Российская Федерация, 397160, Борисоглебск, ул. Народная, 43

Статья посвящена актуальной проблеме влияния гендерного фактора на протекание ассоциативных процессов. Цель работы — выявить и описать гендерную специфику оценочной стратегии ассоциирования. Выводы сделаны на материале свободного ассоциативного эксперимента с множественными реакциями испытуемых, проведенного автором в 2016 году с носителями русского языка женского и мужского пола в возрасте от 7 до 25 лет. Данный тип эксперимента показал, что оценочные реакции в основном имеют второй и третий ранг в ассоциативном ряду. Гендерная специфика оценочного ассоциирования регистрируется при реагировании на каждое предложенное слово-стимул, наиболее ярко — на слова-стимулы *сила, радость, мир*. Оценочные реакции преобладают в ассоциативных полях ядерных единиц у испытуемых женского пола, в первую очередь у девочек 7—10 лет и девушек 18—25 лет. Тем самым свободный ассоциативный эксперимент с множественными реакциями испытуемых дает возможность получать наиболее репрезентативный экспериментальный материал, в том числе и для выявления гендерных особенностей ассоциативного механизма.

Ключевые слова: языковое сознание, ядерные единицы русского языкового сознания, гендер, свободный ассоциативный эксперимент, оценочная стратегия ассоциирования

1. Введение

Оценка — это типичная коммуникативная стратегия ассоциирования для любого языкового сообщества. Проведенные исследования ассоциативно-вербальной сети показали, что оценочность является универсальным параметром ее единиц [1—4].

Гендерный фактор, так же как и другие социальные факторы, активно влияет на выбор испытуемыми ассоциативной стратегии реагирования [5—12].

Исследования коммуникативных тактик испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте показали, что в ответах на вопросы анкеты так или иначе проявляется индивидуальность конкретного испытуемого. При этом анализ большого массива анкет дает возможность сделать некоторые обобщения, позволяющие говорить о типах коммуникативного поведения при ассоциациях.

Исследователи языкового сознания выделяют разные виды стратегий и тактик ассоциативного поведения, каждый раз акцентируя внимание на оценочных реакциях [13—16].

Цель исследования — выявление и описание гендерной специфики оценочной стратегии ассоциирования. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

- определить перечень слов-стимулов для свободного ассоциативного эксперимента с множественными реакциями испытуемых и провести эксперимент;
- определить критерии, позволяющие выделить оценочные связи между стимулом и реакцией;
- провести количественный анализ анкет испытуемых с целью выявления оценки в ассоциативном поле каждой исследуемой единицы;
- обобщить результаты по всем стимулам и сделать выводы о гендерной специфике оценочной ассоциативной стратегии.

Методы и материалы исследования. Основным методом является свободный ассоциативный эксперимент с множественными реакциями испытуемых, который заключается в реагировании респондентов пятью ассоциациями на слово-стимул. Для нашего исследования в список из 24 слов были включены ядерные единицы языкового сознания носителей русского языка [17], имеющие наибольшее количество входящих связей (*человек, друг, жизнь, я, работа, мир, радость, дом, деньги, сила*).

Выборка. В эксперименте участвовало 800 человек — учащихся школ и высших учебных заведений г. Борисоглебска Воронежской области. Были выделены четыре возрастные группы по 200 человек в каждой. Каждая возрастная группа в одинаковом количестве включала испытуемых женского и мужского пола. В итоге было получено 40 000 реакций на 10 слов, являющихся ядерными единицами русского языкового сознания.

Процедура. В ходе обработки анкет велся учет отказов испытуемых, учет количества анкет с тем или иным числом оценочных реакций по каждому слову-стимулу.

Проблема маркирования оценочных ассоциативных связей впервые рассматривалась А.В. Кленовой в связи с исследованием оценочных смыслов в «Русском ассоциативном словаре: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов» [18]. Анализ ассоциативного материала позволил сделать А.В. Кленовой вывод о том, что оценочное слово не обязательно является оценочной реакцией, например: *хороший* → *отличный* или *очень* → *плохой* [15]. Тем самым при определении статуса каждой реакции необходимо выяснять, выражает ли оценочное слово ценностное отношение испытуемого к объекту оценки, обозначенному словом-стимулом. Также критериями для выделения оценочных связей послужили лексическая сочетаемость, частотная неравномерность и стилистическая маркированность.

2. Обсуждение

Подсчет количества оценочных реакций, полученных в ходе обработки анкет испытуемых, позволил получить сведения о реализации оценочной стратегии в процессе ассоциирования.

Представим количественный анализ оценочной стратегии испытуемых отдельно по каждой ядерной единице.

Анализ количественных данных анкет по ядерной единице *радость* дает возможность утверждать, что девочки 7—10 лет чаще применяют оценочную стратегию, чем испытуемые других возрастов. Количество анкет с оценочными реакциями у испытуемых женского и мужского пола возрастной группы 11—14 лет становится одинаковым. Испытуемые мужского пола более старших возрастных групп чаще, чем испытуемые женского пола, используют оценочную стратегию реагирования. Наибольшее количество анкет с оценочными реакциями на данный стимул получено от школьников 7—10 лет (рис. 1).

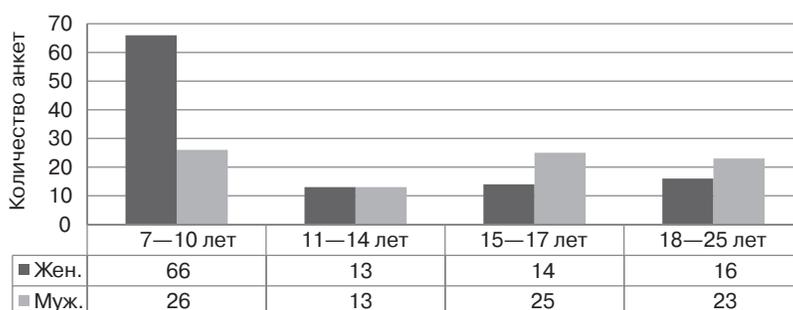

Рис. 1. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *радость* (абсолютные числа)

Школьники 7—10 лет реже реагируют на стимул *человек* оценочными ассоциациями, чем другие возрастные группы испытуемых. Испытуемые женского пола всех возрастных групп, кроме девушек 15—17 лет, чаще прибегают к стратегии оценивания в анкетах на слово-стимул *человек*, чем испытуемые мужского пола. Наибольшее количество анкет с оценочными реакциями получено в результате эксперимента со школьниками 11—14 лет и молодежной группой (18—25 лет) (рис. 2).

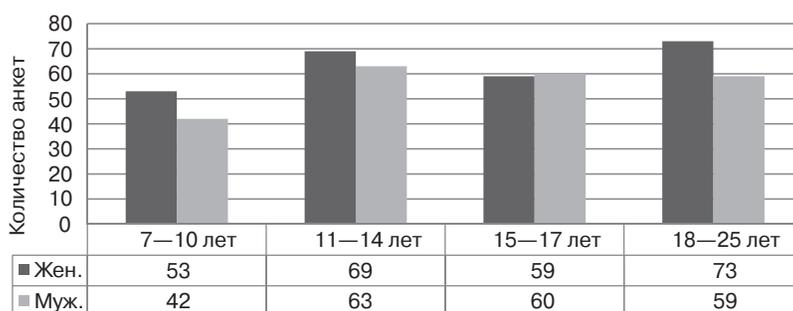

Рис. 2. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *человек* (абсолютные числа)

Наибольшее количество анкет с оценочными реакциями на стимул *работа* получено от испытуемых возрастной группы 18—25 лет. При этом количество данных анкет, полученных от испытуемых женского пола двух возрастных групп (7—10 лет, 15—17 лет), больше чем от испытуемых мужского пола (рис. 3).

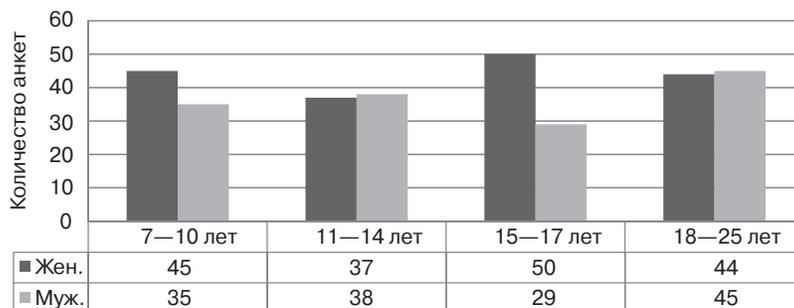

Рис. 3. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *работа* (абсолютные числа)

Молодежь 18—25 лет чаще, чем другие испытуемые в ходе свободного ассоциативного эксперимента, продуцировала оценочные реакции на слово *жизнь*. Также ярко этот параметр проявляется у девочек 7—10 лет. Меньше всего оценочных ассоциаций было получено от мальчиков 11—14 лет (рис. 4).

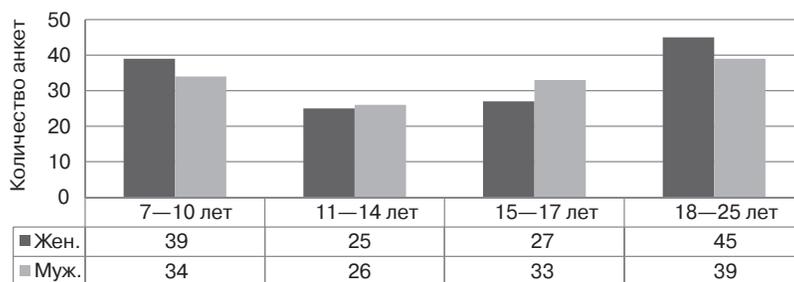

Рис. 4. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *жизнь* (абсолютные числа)

Наибольшее количество анкет с ассоциативной стратегией оценки ядерной единицы *дом* получено от испытуемых 18—25 лет, чуть меньше — от школьников 7—10 лет. Среди школьников чаще к оценочной стратегии реагирования прибегают девочки 7—10 лет (рис. 5).

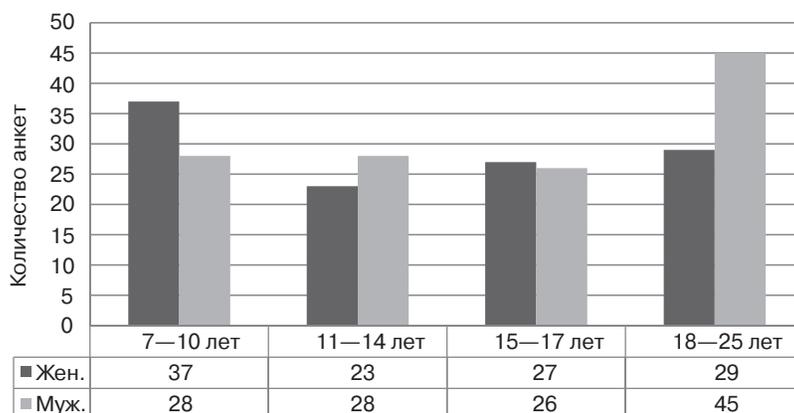

Рис. 5. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *дом* (абсолютные числа)

Особенно ярко проявляется оценочная стратегия в реакциях на слово-стимул *деньги*. Наибольшее количество анкет с оценочными ассоциациями получено от молодежной группы 18—25 лет. Также ярко этот параметр проявляется у школьников 7—10 лет (рис. 6).

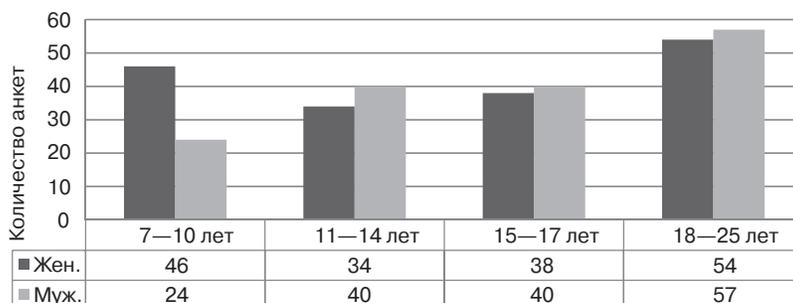

Рис. 6. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *деньги* (абсолютные числа)

Возрастная специфика оценочной стратегии ярко проявляется в анкетах ядерной единицы *друг*. В частности, наиболее ярко стратегия оценки при реагировании на стимул *друг* выражается в подростковом возрасте. Также наблюдаются гендерные особенности в применении оценочной стратегии — в АВС испытуемых женского пола данное слово чаще связывается с оценочными словами (кроме выборки 7—10, где показатели равны) (рис. 7).

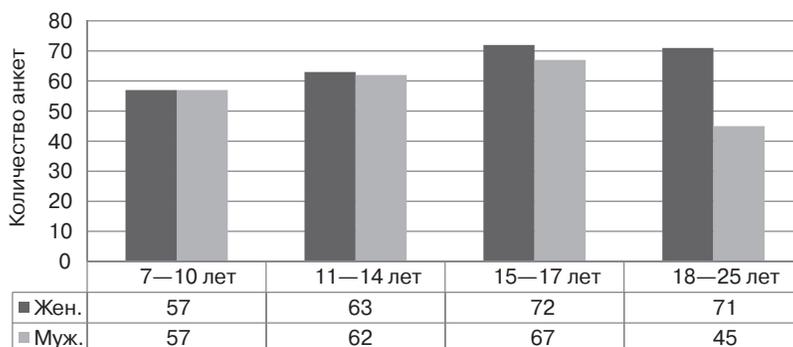

Рис. 7. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *друг* (абсолютные числа)

Наибольшее количество анкет с оценочными реакциями на стимул *сила* получено от детей 7—10 лет. В данной возрастной группе ярко проявляется гендерная специфика — девочки чаще дают оценку данной ассоциативной доминанте, чем мальчики. В остальных возрастных группах испытуемые мужского пола чаще применяют оценочную стратегию при ассоциировании (рис. 8).

При анализе анкет с ядерной единицей *я* гендерная специфика оценочной стратегии не выявлена, так как в результате эксперимента было получено практически одинаковое количество анкет у испытуемых мужского и женского пола (рис. 9). Самое большое количество анкет с оценочными реакциями зарегистрировано в выборке 11—14 лет.

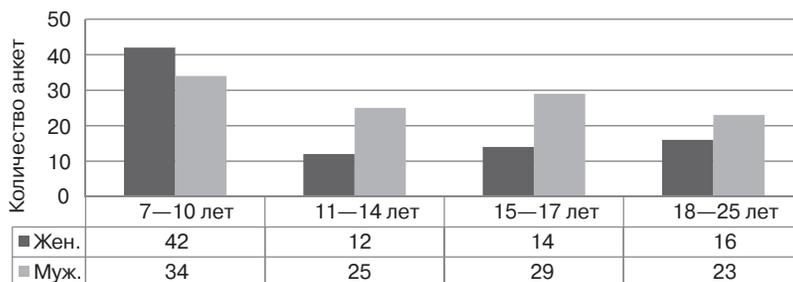

Рис. 8. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *сила* (абсолютные числа)

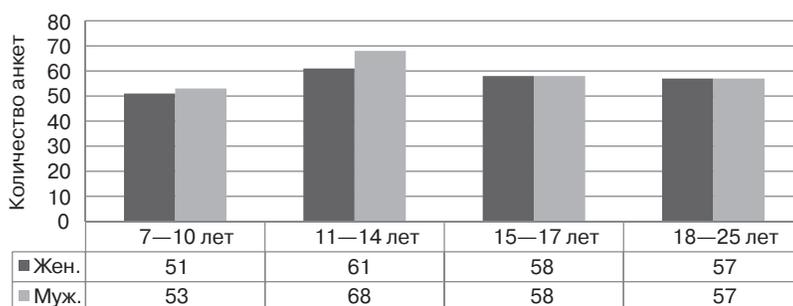

Рис. 9. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *я* (абсолютные числа)

Наибольшее количество анкет с оценочными реакциями на слово-стимул *мир* было получено от испытуемых 7—10 лет. Кроме того, девочки данной возрастной группы чаще всех других испытуемых использовали оценочную стратегию ассоциирования (рис. 10).

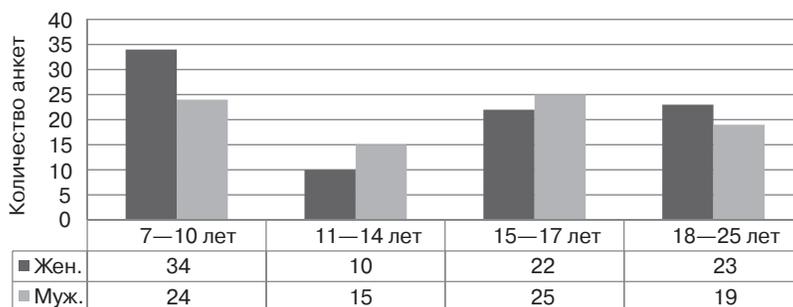

Рис. 10. Количество анкет, содержащих оценочные реакции на слово-стимул *мир* (абсолютные числа)

Если рассматривать гендерную специфику оценочной ассоциативной стратегии, то можно говорить о преобладании оценочных реакций на вышеназванные ядерные единицы языкового сознания в анкетах испытуемых женского пола.

Представим ранжированный список в порядке убывания:

- девочки 7—10 лет;
- девушки 18—25 лет;
- девушки 15—17 лет;
- юноши 18—25 лет;
- мальчики 11—14 лет.

3. Выводы

Применение свободного ассоциативного эксперимента с множественными ассоциациями испытуемых на одно слово-стимул показало, что оценочные реакции в основном имеют первый, второй и третий ранг в ассоциативном ряду (например: *друг — лучший 45; верный 41; хороший 30*).

Наиболее ярко гендерная специфика оценочного реагирования проявляется в эксперименте с ядерными единицами *сила, радость, мир*. Заметна гендерная специфика в эксперименте со словами *дом, деньги, друг*, мало выражена со сти- мулами *человек, работа, жизнь, я*.

Чаще всего оценочная стратегия реализуется в ассоциативном поведении испытуемых женского пола, в первую очередь у девочек 7—10 лет и девушек 18—25 лет.

Таким образом, выявление и описание гендерной специфики оценочной стра- тегии ассоциирования позволяет исследовать особенности аксиологического от- ношения мужчин и женщин к окружающей действительности.

Список литературы

1. *Harrold R.M., Burke D., Peters L.* Word Association Norms for Young and Older Adults // Social and Behavioral Science Documents, 1987. Vol. 17(2). [Электронный ресурс]. URL: http://lcs.pomona.edu/cogaging/materials/research/Word_Association.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
2. *Nelson D.L.* What is free association and what does it measure? // *Memory & Cognition*. Vol. 28. Florida, 2000. P. 887—899.
3. *Nelson D.L.* The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. Vol. 30. Tampa, 2004. P. 42—52.
4. *Уфимцева Н.В.* Предисловие // *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004.
5. *Горошко Е.И.* Языковое сознание: гендерная парадигма. М.: Харьков: ИНЖЭК, 2003.
6. *Горошко Е.И., Кирилина А.В.* Гендерные исследования в лингвистике сегодня // *Человек & Карьера*. 1999. № 2. С. 234—241.
7. *Вариясова Е.В.* Влияние гендерного фактора на ассоциативное поведение участников рекламной коммуникации // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. № 10 (125). С. 151—153.
8. *Воздвиженская А.В.* Гендерный аспект ассоциативного реагирования // *Слово и текст: психолингвистический подход*. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. № 14. С. 185—188.
9. *Вязигина Н.В.* Ассоциативная структура языкового сознания в гендерном измерении (экспериментальное исследование) // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: Материалы XXXVI научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов и учащихся лицейных классов*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 6. С. 163—164.
10. *Токарева Е.Н.* Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале совр. англ. яз): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.
11. *Черепанов И.Е.* Влияние гендерного фактора на реакции испытуемых в ассоциативном эксперименте // *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 3 (33). С. 202—217.
12. *Ячная Т.А.* Выбор стратегии ассоциирования (гендерный аспект) // *Труды БГТУ. Серия 5: Политология, философия, история, филология*. Минск: БГТУ, 2014. № 5 (169). С. 183—185.
13. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999.

14. *Сдобнова А.П.* Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015.
15. *Кленова А.В.* Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
16. *Железовская Н.Л.* Этноязыковая специфика эмоционально-оценочных единиц русских, белорусских и американских ассоциативных полей «человек» // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 1 (88). С. 89–95.
17. *Уфимцева Н.В., Бубнова И.А., Зыкова И.В.* Ядро языкового сознания. (Нео)психоллингвистика (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017.
18. *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартыанов А.О.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011.

© Чернышова Е.Б., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 20.05.2018

Принята к публикации: 23.09.2018

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Чернышова Е.Б. Гендерная специфика оценочной стратегии ассоциирования носителей русского языка: квантитативный аспект // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 554–563. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-554-563

Сведения об авторе:

Чернышова Елена Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры начального и среднего профессионального образования технолого-педагогического факультета Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета. E-mail: elena-chernishova@yandex.ru

Gender Specificity of the Evaluation Strategy of the Association of Russian Native Speakers: Quantitative Aspect

E.B. Chernishova

Borisoglebsk branch of Voronezh State University
43, Narodnaya str., Borisoglebsk, 397160, Russian Federation

The article deals with the actual problem of gender influence on the course of associative processes. The aim of the work is to identify and describe the gender specifics of the evaluation strategy of the association. The conclusions are based on the material of a free associative experiment with multiple reactions of examinees, conducted by the author in 2016 with female and male native speakers of Russian language aged 7 to 25 years. This type of experiment showed that the evaluation reactions

mainly have the second and third rank in the associative series. The gender specificity of the evaluation association is registered in response to each proposed word stimulus, most vividly — to words-stimuli, strength, joy, peace. Evaluative reactions predominate in the associative fields of nuclear units among female examinees, first of all with girls 7—10 years and young women 18—25 years old. Thus, the free associative experiment with multiple reactions of the examinees makes it possible to obtain the most representative experimental material, including identifying gender features of the associative mechanism.

Key words: language consciousness, nuclear units of Russian language consciousness, gender, free associative experiment, evaluation strategy of association

References

1. Harrold, R.M., Burke, D., Peters, L. eds. 1987. Word Association Norms for Young and Older Adults // Social and Behavioral Science Documents, 1987. Vol. 17(2). [электронный ресурс]. http://lcs.pomona.edu/cogaging/materials/research/Word_Association.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
2. Nelson, D.L. 2000. What is free association and what does it measure? *Memory & Cognition*. Vol. 28. Florida.
3. Nelson, D.L. 2004. The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. Vol. 30. Tampa.
4. Ufimtseva, N.V. 2004. Predislavie. *Slavyanskii assotsiativnyi slovar': rus., belorus., bolg., ukr.* [Preface. Slavic associative dictionary: Rus., Bel., Bolg., Ukr], 3—9. Moscow: Mosc. state linguist. Univ. publ. Print. (in Russ.)
5. Goroshko, E.I. 2003. Jazykovoie soznanie: gendernaja paradigma [Language consciousness: a gender paradigm]. Moscow-Har'kov: ID INZhJeK publ. Print. (in Russ.)
6. Goroshko, E.I., Kirilina, A.V. 1999. Gendernye issledovanija v lingvistike segodnja [Gender studies in linguistics today]. *Gendernye issledovanija. Har'kovskij centr gendernyh issledovanij*. Moscow: «Chelovek & Kar'era» publ. 2: 234—241. Print. (in Russ.)
7. Variyasova, E.V. 2012. Genderfactor influence on association behavior of advertising communication participants. *Bulletin of Tomsk state pedagogical University* 10 (125): 151-153. Print. (in Russ.)
8. Vozdvizhenskaya, A.V. 2014. Gendernyi aspekt assotsiativnogo reagirovaniya [Gender aspect of associative response]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheski podkhod* [Word and text: psycholinguistic approach] 14: 185—188. Tver': Tver State University. Print. (in Russ.)
9. Vjazigina, N.V. 2009. Associativnaja struktura jazykovogo soznaniya v gendernom izmerenii (jeksperimental'noe issledovanie) [Associative structure of language consciousness in the gender dimension (experimental research)] // *Trudy molodyh uchenyh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy XXXVI nauchnoj konferencii studentov, magistrantov i aspirantov i uchashhihsja licejnyh klassov*. Vyp. 6: 163—164. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, Print. (in Russ.)
10. Tokareva, E.N. 2005. *Specifika vyrazhenija ocenki v gendernom diskurse (na materiale sovr. angl. jaz)* [Specificity of the evaluation expression in gender discourse (on the basis of modern English)]: PhD Dis. Ufa: BashSU. Print. (in Russ.)
11. Cherepanov, I.Y. 2017. Influence of gender factor on respondents' responses in associative experiment // *Voprosy psikholingvistiki* 3 (33): 202—217.
12. Jachnaja, T.A. 2014. *Vybor strategii associirovaniya (gendernyj aspekt)* [The choice of an association strategy (gender aspect)] // *Trudy BGTU. Serija 5: Politologija, filosofija, istorija, filologija* 5 (169): 183—185. Minsk: BGTU publ. Print. (in Russ.)
13. Karaulov, Yu.N. 1999. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active grammar and associative-verbal network]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN publ. Print. (in Russ.)
14. Sdobnova, A.P. 2015. *Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema* [The vocabulary of the student as a dynamic system]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta publ. Print. (in Russ.)
15. Klenova, A.V. 2007. *Otsenochnye smysly v assotsiativnom slovare (na materiale assotsiativnogo slovary shkol'nikov Saratova i Saratovskoi oblasti)* [Evaluation of associative meanings in the dictionary (on the material of associative vocabulary of schoolchildren of Saratov and Saratov region)]. Doc. Dis. Saratov. Print. (in Russ.)

16. Zhelezovskaya, N.L. 2015. Etnoyazykovaya spetsifika emotsional'no-otsenochnykh edinit russkikh, belorusskikh i amerikanskikh assotsiativnykh polei «chelovek» [Ethno-linguistic specificity of emotional-evaluative units of Russian, Belarusian and American associative fields «human»]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* 1 (88): 89–95. Print. (in Russ.)
17. Ufimtseva, N.V. 2017. Yadro yazykovogo soznaniya [The core of linguistic consciousness]. (Neo) psikholingvistika (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem [(Neo) psycholinguistics (psycho) linguoculturology: new sciences about the person speaking], edited by V.V. Krasnykh, 40–42. Moscow: Gnozis publ. Print. (in Russ.)
18. Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P., Mart'yanov, A.O. 2011. Russkii assotsiativnyi slovar': assotsiativnye reaktsii shkol'nikov 1–11 klassov: v 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii [Russian associative dictionary: associative reactions of pupils of 1–11 classes: in 2 Vol. Vol. 1. From stimulus to reaction]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta publ. Print. (in Russ.)
19. Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P., Mart'yanov, A.O. 2011. Russkii assotsiativnyi slovar': assotsiativnye reaktsii shkol'nikov 1–11 klassov: v 2 t. T. 2. Ot reaktsii k stimulu. Ch. 1. A–N [Russian associative dictionary: associative reactions of pupils of 1–11 classes: in 2 Vol. Vol. 2. From reaction to stimulus. Part 1]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta publ. Print. (in Russ.)
20. Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P., Mart'yanov, A.O. 2011. Russkii assotsiativnyi slovar': assotsiativnye reaktsii shkol'nikov 1–11 klassov: v 2 t. T. 2. Ot reaktsii k stimulu. Ch. 2. O–Ya [Russian associative dictionary: associative reactions of pupils of 1–11 classes: in 2 Vol. Vol. 2. From reaction to stimulus. Part 2]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta publ. Print. (in Russ.)

Article history

Received: 20.05.2018

Accepted: 23.09.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Chernishova, E.B. 2018. “Gender Specificity of the Evaluation Strategy of the Association of Russian Native speakers: quantitative aspect”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 554–563. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-554-563

Bio Note:

Chernishova Elena Borisovna is a PhD in Philology, Associate Professor, department of primary and secondary professional education of tekhnologo-pedagogical faculty Borisoglebsk branch of Voronezh State University. E-mail: elena-chernishova@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-564-572

Использование мнемонических приемов и опор в процессе обучения русскому языку билингов

А.Н. Аль-Кайси, О.М. Кутсони, О.И. Руденко-Моргун

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В данной статье рассматриваются приемы мнемоники при обучении русскому языку как иностранному билингов в полиэтнической аудитории. Кратко освещена история мнемоники, подробно описаны современные мнемотехники, используемые при обучении иностранным языкам, в частности русскому языку как иностранному. В статье также описана проведенная авторами экспериментальная работа и ее результаты по применению мнемотехники в процессе обучения студентов-билингвов русскому языку в интернациональных группах подготовительного факультета РУДН.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, мнемоника, мнемонические опоры, билингвальные аудитории учащихся, полиэтнические аудитории

1. Введение

Формирование коммуникативной компетенции, представляющей собой комплекс компетенций, — главная цель при обучении языку, в нашем случае русскому как иностранному. Существует множество различных методов и способов для достижения указанной цели. В данной статье мы хотим обратиться к мнемонике, рассматривая ее как надежный механизм для запоминания точной информации и обучения языку в целом.

Мнемоника — от греч. μνημονικόν искусство запоминания; означает совокупность приемов и способов, «облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования дополнительных ассоциаций» [1. С. 221].

Мнемоника (мнемотехника) известна не менее двух тысяч лет. Считается, что термин «мнемоника» ввел Пифагор Самосский в VI веке до н.э. Авторство первого сохранившегося труда по мнемонике приписывают Цицерону. Мнемотехнику изучал, разрабатывал и преподавал Джордано Бруно, ею интересовался Аристотель и обучал этому искусству своего ученика Александра Македонского. Феноменальной памятью, основанной на мнемотехнике, обладали Юлий Цезарь и Наполеон Бонапарт.

В литературе описаны различные системы мнемотехники, но все они сводятся к двум основным видам — классической мнемотехнике, берущей начало с книги Ad Herennium (86—82 годы до н.э.), и педагогической мнемотехнике, сформулированной Петром Рамусом (конец XVI века). Классическая мнемотехника ос-

новывается на механизмах визуального (образного) мышления, в то время как педагогическая мнемотехника сконцентрирована на речевом мышлении. Типичные приемы педагогической мнемотехники — разбивка запоминаемого материала на очень маленькие части, интенсивное повторение этих частей, составление фраз по буквам, полученным из запоминаемых числовых сведений; поиск закономерностей в запоминаемой информации, ее классификация и систематизация, составление структурных схем. Таким образом, мнемоника входит в сферу интересов когнитивистики, поскольку имеет дело с процессами восприятия и воспроизведения информации. Используя мнемонику для обучения языку, мы обращаемся только к когнитивной лингвистике как разделу когнитивистики.

Когнитивная лингвистика — это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как когнитивный инструмент, система знаков, определяющая презентацию, кодирование и преобразование информации. Когнитивная лингвистика рассматривается в современной науке в качестве теоретической основы педагогического описания языков» [2. С. 132]. Язык представляется как средство доступа к мыслительным процессам, механизм познания, система знаков, специфически кодифицирующая и трансформирующая информацию, поступающую из внешнего мира.

2. Обсуждение

В настоящее время виды мнемотехники постоянно совершенствуются на основе новых представлений о механизмах памяти человека и благодаря быстрому развитию когнитивной лингвистики. Сейчас феноменальная память уже не воспринимается как чудо, а переходит в разряд общедоступных навыков, которые можно сформировать. Иными словами, процессом запоминания можно управлять сознательно. Например, если запоминание осуществляется в зрительной аналитической системе, запись образов в память происходит с помощью мыслительной операции соединения образов, поскольку доказано, что образы удерживаются в памяти лучше всего. Для быстрого преобразования любых видов информации в образы применяется ограниченный набор приемов кодировки. «Чтобы эффективно закодировать информацию, надо прежде всего сосредоточиться на той информации, которую мы хотим сохранить в памяти. Внимание... является ключевой стадией процесса запоминания, и если им пренебречь, то и самые лучшие мнемонические приемы не помогут» [3. С. 139].

Классическая мнемоника основывается на механизмах внимания и памяти и имеет следующую особенность: когда человек в своем воображении соединяет два или несколько зрительных или слуховых образов, мозг фиксирует эту взаимосвязь. В дальнейшем при припоминании по одному из образов этой ассоциации мозг воспроизводит все ранее соединенные образы.

Как, используя этот механизм, можно запомнить, например, новые слова или систему падежных окончаний? Возможности визуальной и аудиальной памяти намного больше, чем мы привыкли думать. Процесс фиксации образов в памяти хорошо поддается контролю. Известно, что язык мозга — это прежде всего зрительные образы. Мнемотехника и является такой программой перевода различных

видов информации на язык образов и позволяет сознательно контролировать функцию запоминания.

Давно подмечено, что легче всего сохраняются в памяти те события, предметы, явления, которые или имеют сходство, или противоположны друг другу, или раньше возникали одновременно, или одно сразу же следует за другим. В процессе запоминания могут быть задействованы «четыре... закона ассоциации идей: закон сходства, контраста, последовательности и одновременности» [4. С. 3].

Именно поэтому мнемоника, чтобы достичь желаемой цели, должна обрабатывать запоминаемый материал так, чтобы вступил в силу один из названных четырех законов ассоциаций. В основе всех четырех законов лежит принцип сравнения, т.е. составления связей.

Там, где подобные связи возникают самостоятельно без нашего участия, имеет место *естественная ассоциация*. Видимые нами объекты окружающего мира взаимосвязаны. Взаимосвязи между предметами фиксируются мозгом автоматически. Естественные ассоциации активно применяются в мнемотехнике (метод Цицерона, метод свободных ассоциаций, запоминание фотографий и иллюстраций) [5].

Однако естественные ассоциации возникают далеко не всегда. Если необходимо связать воедино несколько разрозненных образов, используют искусственные ассоциации. *Искусственная ассоциация* — комбинация зрительных образов, в которых закодированы элементы запоминаемой информации [6]. Это несколько образов, мысленно соединенных так, чтобы их можно было обвести одной непрерывной линией. Мозг запоминает эти образы как одну картинку. В искусственную ассоциацию можно связать от двух до пяти образов одновременно.

Для того, чтобы составлять связи и использовать их, мнемоника разделяет информацию, которую необходимо запомнить, на несколько видов: образная, речевая (текстовая) и точная.

К *образной информации* относятся воспринимаемые человеком зрительные образы. Мы с легкостью можем вспомнить дорогу с работы домой, расположение предметов на рабочем столе или обстановку собственной комнаты. По первым кадрам мы можем понять, смотрели ли мы этот фильм раньше. Образы (объекты) воспринимаемого нами окружающего мира имеют взаимосвязи, фиксируемые мозгом по большей части без нашего сознательного участия и сохраняющиеся в памяти лучше всего.

Речевая информация — это воспринимаемая устная речь и читаемые тексты. Речевая (текстовая) информация запоминается труднее. Далеко не каждое услышанное или прочитанное слово преобразуется в сознании в зрительный образ. Воображение создает в нашем представлении образы, которые в языке обозначаются по большей части именами существительными. Но в языке много слов, передающих не сами образы, а различные отношения между ними. Речь содержит намного меньше слов-образов, чем существует в реальном мире. Кроме того, образы, создаваемые нашим мозгом на основе слов, не такие яркие, как образы, воспринимаемые через зрительный анализатор. Поэтому при восприятии информации на слух или при чтении мозг образует меньше взаимосвязей, чем при работе зрения, и они слабее.

Точная информация — это телефонные номера, даты исторических событий, адреса, термины и понятия, шифры и коды, фамилии и имена, значения иностранных слов, падежные окончания и другие аналогичные сведения.

При запоминании точной информации большинство из нас испытывает существенные затруднения. Мнемоника как раз и призвана помочь запоминанию такого типа информации посредством осознанного контроля процесса запоминания и создания искусственных связей [7].

Главный закон в мнемонике следующий: путь, однажды пройденный памятью, вспоминается легко и быстро, если главный предмет или понятие нам хорошо известны. Для соединения представлений и понятий, иностранного слова и его перевода одно из лучших средств — это так называемое внутреннее наблюдение, т.е. составление связи первого слова со вторым, так, чтобы, запомнив первое, вы запомнили и второе, потом возможно присоединить к этой связи другие слова одно за другим. Таким образом, вспомнив первое слово, вы могли бы вспомнить все.

Применение приемов мнемоники в ситуации, когда билингвальные учащиеся владеют разными по структуре языками (к примеру, корейский и английский, греческий и английский, арабский и английский), особенно актуально, так как сохраненные в памяти образы становятся общими и понятными для всех членов полиэтнической группы, что позволяет преподавателю постоянно обращаться к ним как опорам в течение всего периода обучения. В то же время данная ситуация и наиболее трудная для создания и применения таких опор. К примеру, метод кодирования по созвучию, когда новое русское слово заменяется похожим на него словом из родного языка учащихся (что более эффективно, чем обращение к языку-посреднику или второму языку), мысленно или на письме соединяется с ним в связное предложение. При этом подразумевается, что эти два слова являются ключевыми. Но, во-первых, в такой ситуации преподаватель должен хорошо владеть родным языком учащегося, чтобы подсказать ему такую связь и в дальнейшем использовать ее при повторении, поскольку далеко не все обучающиеся в состоянии самостоятельно создать подобную ассоциацию. Во-вторых, данная мнемоническая опора индивидуальна, она не может стать общей для всей учебной группы. В этом случае лучше использовать язык-посредник, объединяющий учащихся. Однако и здесь серьезным препятствием могут стать различия в словарном запасе и в так называемых фоновых знаниях билингвов, поскольку слово второго языка, помогающее одному студенту, может отсутствовать в лексиконе другого. Приведем пример.

Учащимся многонациональной группы необходимо запомнить новые слова для работы с текстом: *дрова, спутник, пушистый*. Студентом-билингвом из Греции быстро были найдены вспомогательные ассоциации (образы-метки): спутник — Σπυτζικ [спутник] (электропила), дрова — Ντρουβάς [друвас] (мешок), пушистый — Πώς είστε; [посыстэ] (Как Вы?). Он с легкостью запомнил слова, соединив их в своем воображении в единую картинку: Вы догоняете лесника (теперь он ваш *спутник*) с электропилой и мешком с *дровами* и *пушистой* собакой и спрашивает его: «Как дела?» Однако очевидно, что билингвы из Азии, например, не смогли воспользоваться данной ассоци-

ацией. Из этого следует, что при отборе материала для создания мнемонических опор для билингвальных групп должны обязательно учитываться уровень владения языком-посредником, фоновые знания, а также, что немаловажно, менталитет учащихся.

Вспомогательные ассоциации, в которых закодировано произношение, нужны только на первом этапе запоминания русских слов. Связи достаточно быстро формируются. Это можно почувствовать по возникновению эффекта непосредственного припоминания: зрительный образ будет сразу вызывать аудиальный и наоборот. В дальнейшем, если применять метод активного повторения, запомнившиеся сведения будут вспоминаться сразу в том виде, в каком были получены обучающимися без обращения к словарю или учебнику.

Все мнемонические системы основаны на структурировании информации таким образом, чтобы ее легче было запомнить и воспроизвести. Основанием для таких *организующих схем — мнемонических опор* — может быть место, время, орфография, звуки, цвета, образы и т. д.

В практике изучения любого языка (и русского как иностранного, в частности) используют различные виды мнемонических опор: таблицы, схемы, рисунки, анимацию, вербальные мнемонические опоры. Для эффективного запоминания, например, падежной системы имен существительных русского языка используются цветные таблицы. Кроме того, расположение материала неизменно при предъявлении каждого падежа, что помогает учащимся фиксировать таблицу в зрительной памяти. Опыт показывает, что такой способ существенно облегчает запоминание и дальнейшее «припоминание» данной точной, а следовательно, сложной для закрепления в памяти информации.

Рисунки, как известно, всегда помогают запоминанию, даже если этот процесс произвольный. Если же учащийся нацелен на запоминание новых слов, рисунки являются неоценимыми помощниками. Единственное ограничение тут следующее: не все слова обозначают предметы и понятия, которые можно изобразить. Тем не менее огромный пласт необходимой для уверенного владения языком лексики мы можем с легкостью проиллюстрировать, создавая тем самым устойчивые ассоциативные связи в памяти учащихся.

Экспериментальная работа. В проведенном нами эксперименте участвовали три интернациональные группы учащихся-билингвов (27 человек) в возрасте от 18 до 26 лет одного уровня знаний (A1), которым необходимо было запомнить список из 29 новых русских слов: адрес, аптека, аспирант, аспирантка, виза, декан, деканат, деньги, документ, доска, друг, институт, киоск, книга, кафе, магазин, метро, музей, письмо, поезд, семья, сестра, стадион, студент, студентка, театр, тетрадь, университет, юрист.

Первой группе слова были представлены в виде списка в алфавитном порядке. Вторая группа получила список слов с иллюстрациями к каждому из них. Учащимся было предложено мысленно представить картинки.

И наконец, третьей группе предлагают заучивать слова, используя весьма эффективный мнемонический прием — организация информации по тематическим группам, которые затем можно использовать как признаки для воспроизведения:

город: адрес, аптека, киоск, кафе, магазин, метро, музей, поезд, стадион, театр;

учеба: аспирант, аспирантка, декан, деканат, доска, институт, книга, студент, студентка, тетрадь, университет;

документы: виза, документ, письмо;

люди: друг, семья, сестра, юрист, декан.

Результаты проведенного эксперимента оказались следующими. Самый низкий процент (47%) запоминания и правильного воспроизведения слов был в первой группе, лишенной каких-либо мнемонических опор. Примерно одинаковые результаты показали вторая и третья группы (86 и 84% соответственно), учащиеся использовали для запоминания картинки либо метод размещения по семантическим категориям. Однако при проверке через неделю всех групп (учащимся были предложены карточки с изображениями в случайном порядке) лучший результат был получен во второй группе, использовавшей образы (68%).

3. Заключение

Результаты эксперимента показали, что простая «зубрежка» новых слов — наименее эффективный способ их выучить, а опора на зрительную ассоциацию — наиболее действенный из предложенных. Длительность сохранения сведений в памяти зависит от частоты активизации запомненной информации. При необходимости эта информация в зрительных образах может быть переведена на рефлексорный (автоматический) уровень припоминания. В этом случае сведения воспроизводятся в памяти очень быстро и освобождаются от вспомогательных зрительных образов.

Также эффективным способом запоминания, применяемым нами на практике, оказался метод сюжетных рассказов, содержащих необходимую для запоминания информацию.

Еще одной действенной мнемонической опорой являются различные видеоролики, иллюстрирующие, например, разучиваемые русские песни, столь любимые учащимися (подробнее см. [8]).

Помимо вышесказанного эксперимент позволил нам определить принцип, которому необходимо неукоснительно следовать при разработке мнемонических опор для учащихся-билингвов. Это принцип учета уровня владения языком-посредником, фоновых знаний, особенностей менталитета и восприятия информации представителями различных национальностей. Например, задействованные в нашем эксперименте представители китайско-английской культуры (воспитанные преимущественно в условиях первой) остаются в недоумении при знакомстве с такими сюжетами или ситуациями (выбранными в качестве мнемонических опор), в которых герой стремится преодолевать трудности и смело идет им навстречу. В китайской культуре не принято ломиться через «чащу леса» при возможности «обойти» проблему. Также китайцам кажется непонятным европейская «заикленность» на результативности какого-либо действия, тогда как процесс его выполнения, воспитывающий дисциплину и закаляющий характер человека, по мнению представителей этой культуры, намного важнее. Примеров подобных трудностей межкультурной коммуникации различных национальностей достаточно много. Для нашего исследования важно отметить, что обусловленные

этим трудностями недопонимание, неприятие ситуаций или неверная их интерпретация оказывают негативное воздействие на процесс восприятия предлагаемой мнемонической опоры. Впрочем, данная тема заслуживает отдельного исследования и будет раскрыта нами в последующих научных работах.

В заключение отметим, что потенциал использования мнемотехники и мнемонических опор в процессе обучения билингвов русскому языку трудно переоценить.

Список литературы

1. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевской. 2-е изд., испр., доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
2. *Борисова Е.Г., Латышева А.Н.* Лингвистические основы РКИ (педагогическая грамматика русского языка). М.: Флинта: Наука, 2003.
3. *Солсо Р.* Когнитивная психология. Часть III. Мнемоника и образы. СПб.: Питер, 2002.
4. *Слоущ Н.Д.* Мнемотехника или искусство укреплять память. 3-е изд., доп. Одесса: Типография «Одесских Новостей», 1893.
5. *Шамсутдинова Е.Ю., Жигунова О.М.* Метод ассоциации и другие виды мнемотехники в преподавании РКИ // Русский язык как иностранный в современных социокультурных условиях: состояние и перспективы. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Тунис: Университет Карфагена, Высший институт языков Туниса, 2017. С. 339—342.
6. Словарь мнемотехники (система «Джордано») // [Электронный ресурс]. URL: http://mnemonikon.mnemonikon.ru/members/slovar_f.htm (дата обращения: 05.03.2018).
7. *Козаренко В.А.* Учебник Мнемотехники. Система запоминания «Джордано». М., 2007 // [Электронный ресурс]. URL: <http://mnemonikon.mnemonikon.ru/lib.htm> (дата обращения: 04.03.2018).
8. *Жигунова О.М., Шамсутдинова Е.Ю.* Средства аудиовизуальной наглядности при работе над песнями на уроках РКИ (базовый и первый сертификационный уровень) // Теория и практика современной науки. Материалы XII международной научно-практической конференции. М.: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований»: «Спецкнига». 2013. Т. II. С. 198—201.
9. *Руденко-Моргун О.И.* Принципы моделирования и реализации электронного учебно-методического комплекса по русскому языку на базе технологий гипермедиа: монография. М.: РУДН, 2009.

© Аль-Кайси А.Н., Кутсони О.М., Руденко-Моргун О.И., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 15.04.2018

Принята к публикации: 22.09.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Аль-Кайси А.Н., Кутсони О.М., Руденко-Моргун О.И. Использование мнемонических приемов и опор в процессе обучения русскому языку билингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 564—572. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-564-572

Сведения об авторах:

Аль-Кайси Алиса Назаровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка № 3 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. E-mail: al-kajsi@yandex.ru

Кутсони Ольга Михайловна — старший преподаватель кафедры русского языка № 3 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. E-mail: olenka1212@ail.ru

Руденко-Моргун Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка № 3 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. E-mail: o.rudmor@gmail.com

The Use of the Mnemonic Techniques and Retrieval Cues in the Process of Teaching Russian Language to Bilingual Students

A.N. Al-Kaisi, O.M. Koutsoni, O.I. Rudenko-Morgun

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

This article discusses the use of mnemonic techniques in teaching Russian as a foreign language to bilingual students in the polyethnic groups. A brief history of the mnemonic is described in the article, the modern mnemotechnics, that are used in teaching foreign languages, in particular Russian as a foreign language, are detailed in the work. The article also describes the experimental work carried out by the authors and its results on the mnemonic technics usage during the process of teaching Russian to the bilingual students in the international groups of the preparatory faculty in RUDN.

Key words: Russian as a foreign language, mnemonic, retrieval cues, bilingual audience of students, international audience

References

1. Petrovskij, A.V., and M.G. Yaroshevskaya, eds. 1998. *Kratkij psihologicheskij slovar'* [Short Philological Dictionary]. 2-nd ed. Rostov-on-Don: Feniks. Print. (in Russ.)
2. Borisova, E.G., and A.N. Latysheva. 2003. *Lingvisticheskie osnovy RKI (pedagogicheskaya grammatika russkogo yazyka)* [The Linguistic Basis of the PFL (Russian as a Foreign Language) (the Russian Language Pedagogical Grammar)]. Moscow: Flinta: Nauka. Print. (in Russ.)
3. Solso, R. 2002. *Kognitivnaya psihologiya* [The Cognitive Psychology]. Part III. *Mnemonika i obrazy* [Mnemonic and images]. St. Petersburg: Piter. Print. (in Russ.)
4. Sloushch, N.D. 1893. *Mnemotekhnika ili iskusstvo ukrepyat' pamyat'*. [Mnemotechnic or the Art of Strengthen the Memory]. 3-rd ed. Odessa: Tipografiya «Odesskih Novostej». Print. (in Russ.)
5. Shamsutdinova, E.Yu., and O.M. Zhigunova. 2017. *Metod asociacii i drugie vidy mnemotekhniki v prepodavanii RKI* [The Association Method and Other Kinds of Mnemotechnics in Teaching Russian as a Foreign Language (RFL)]. *Russkij yazyk kak inostrannyj v sovremennyh sociokul'turnyh usloviyah: sostoyanie i perspektivy* [Russian as a Foreign Language in the Modern Sociocultural Situation: Condition and Perspectives]. The Material Collection of the III International Scientific-

- practical Conference. Tunis: Karfagen University, Tunis Language Institute: 339—342. Print. (in Russ.)
6. Slovar' mnemotekhniki (sistema "Dzhordano") [The Mnemotechnic's Dictionary (The "Dzhordano" System)]. Web: http://mnemonikon.mnemonikon.ru/members/slovar_f.htm (accessed 05.03.2018).
 7. Kozarenko, V.A. 2017. Uchebnik mnemotekhniki. Sistema zapominaniya "Dzhordano". [The Study Book of Mnemotechnics. The Dzhordano Remembering System]. Web: <http://mnemonikon.mnemonikon.ru/lib.htm> (accessed 05.03.2018).
 8. Zhigunova, O.M. and E.Yu. Shamsutdinova. 2013. Sredstva audiovizual'noj naglyadnosti pri rabote nad pesnyami na urokah RKI (bazovyy i pervyy sertifikacionnyj uroven'). [The Audio-visual Aids during the Teaching Songs at the Russian as Foreign Language Lessons]. Teoriya i praktika sovremennoj nauki [Theory and Practices of the Modern Science]. Materials of the XII International Scientific-practical Conference 2: 198—201. Print. (in Russ.)
 9. Rudenko-Morgun, O.I. 2009. Principy modelirovaniya i realizacii ehlektronnogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po russkomu yazyku na baze tekhnologij gipermedia (Principles of Modeling and Implementation of the Electronic Educational and Methodological Complex on the Russian Language Based on Hypermedia Technology]. Print. (in Russ.)

Article history:

Received:15.04.2018

Accepted:22.09.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Al-Kaisi, A.N., O.M. Koutsoni, and Rudenko-Morgun O.I. 2018. "The Use of the Mnemonic Techniques and Retrieval Cues in the Process of Teaching Russian Language to Bilingual Students". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 564—572. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-564-572

Bio Notes:

Alisa N. Al-Kaisi is a Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department 3 of the Faculty of Russian language and General Educational Disciplines, RUDN University. E-mail: al-kajsi@yandex.ru

Olga M. Koutsoni is a Senior Lecturer of the Russian Language Department 3 of the Faculty of Russian language and General Educational Disciplines, RUDN University. E-mail: olenka1212@mail.ru

Olga I. Rudenko-Morgun is a Doctor of Pedagogic Sciences, Full Professor, Professor of the Russian Language Department 3 of the Faculty of Russian language and General Educational Disciplines, RUDN University. E-mail: o.rudmor@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-573-583

Этнокультурная компетентность преподавателя как актуальная методическая проблема

Т.Е. Владимирова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Обучение иностранных студентов русскому языку как средству получения высшего образования в российских вузах предполагает учет ценностных установок, норм и правил речевого поведения, которые отличают носителей различных языков и культур. В связи с этим в работе рассматривается своеобразие межличностного дискурса и педагогических традиций, сложившихся в странах так называемого конфуцианского ареала — Китае, Вьетнаме, Корее и Японии. На этой основе делается вывод о важности развития этнокультурной компетентности преподавателя, необходимой для совместной учебной деятельности в данной аудитории. В развивающемся полилингвальном образовательном пространстве этнокультурная компетентность преподавателя становится одной из «точек роста» методики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, этнокультурная компетентность, речевое поведение, педагогическая традиция

1. Введение

Язык — источник развития самобытной личности и исторически возникшая форма бытия, в котором протекало ее формирование. Наследуя культурно-языковую картину мира и заложенные в ней принципы языковой концептуализации, человек присваивает также ценностные установки, ориентиры поведения и самобытный уклад. Поэтому речевое общение представляет собой целостное взаимодействие мира слов, жизненного мира и мира личности.

При таком подходе языковая личность рассматривается как исторически сложившийся тип носителя лингвокультуры со свойственным ему способом бытия, миропониманием и смысложизненными представлениями, а событийная лента жизни — как дискурс, складывающийся в сознании на основе когнитивно-коммуникативного и экзистенциального опыта. Формирующаяся на этой основе этническая идентичность обладает устойчивостью и способностью противостоять иным культурно одобряемым представлениям о должном бытии.

Принимая во внимание этнопсихолингвистические, социокультурные и экзистенциальные особенности «человека, говорящего с другим человеком», заметим, что формы межличностного речевого взаимодействия, принятые в одной культуре, могут восприниматься носителями другой культуры как проявление агрессии или даже оскорбление [1. С. 11]. Поэтому изучение межкультурного

взаимодействия сопряжено с исследованиями в области этнопсихолингвистики, лингвокультурологии и философской онтологии.

Особую значимость осмысление данного комплекса проблем приобретает при обучении иностранных студентов, получающих высшее образование в российских вузах.

2. Обсуждение

Настоящая статья посвящена рассмотрению самобытных речеповеденческих особенностей, ценностных установок, норм и правил общения, которые отличают носителей различных лингвокультурных кодов и этнопедагогических традиций.

Это делает актуальным развитие этнокультурной компетентности как «совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [2].

Стремясь к повышению эффективности учебно-педагогического сотрудничества, попытаемся выделить те ценностные установки и ориентиры межличностного дискурса, в которых получила выражение национально-культурная идентичность. С этой целью сравним речевое поведение россиян и носителей китайского, вьетнамского, корейского и японского языков, являющихся наследниками конфуцианской этики «лица».

Русское межличностное общение ориентировано на «достижение согласия» с адресатом (А.А. Леонтьев). Это обусловило фатическую доминирующую тенденцию речевого поведения, которая проявляется, в частности, в контактоустанавливающей, контактоподдерживающей и контактоконтролирующей модальности. Возникающая при этом личностно-доверительная обстановка приближает коммуниканта к личности говорящего, способствует достижению определенного уровня взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений [3].

Рассматривая феномен «диалогичности как особую форму взаимодействия», М.М. Бахтин писал об установке на «самоотражение в другом и для другого», о «двуголосом» слове и высказывании «навстречу адресату», которое ищет ответного понимания [4. С. 309, 369]. Эта же мысль была сформулирована и В.Н. Волошиновым: «Значение ориентации слова на собеседника — чрезвычайно велико. В сущности, слово является двухсторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, *чье оно*, так и тем, *для кого оно*. Оно является, как слово, именно продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим» [5. С. 420—421]. Так, в научный дискурс был введен принцип взаимности, характерный для русского межличностного общения.

Действительно, концепт «общение» в русском лингвокультурном пространстве включает представление не только об обмене информацией («разговор»), но и о характере общности («друзья») и взаимопроникновении в духовные миры («поговорить по душам», «глубоко понимать друг друга») [6]. Более того, в русском миропонимании общение является средством «поддержания душевного контакта», несмотря на непрактичность этого занятия (Анна А. Зализняк).

Вместе с тем свойственные русским задушевность, доверительность и интенсивность дружеских отношений, на которые обращают внимание зарубежные исследователи, могут вызывать неодобрительную реакцию носителей иных речеповеденческих кодов и педагогических традиций. Ведь сознание всегда этнически обусловлено, и «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [7. С. 20].

Одним из наиболее убедительных отражений национальной идентичности является педагогический дискурс, формировавшийся, как правило, на почве принятого вероучения. Так, рождение отечественной этнопедагогики восходит к Крещению Руси, когда князь Владимир повелел собрать всех детей бояр и отдать их в школу для «книжного учения». Затем школы появились при монастырях и храмах, где литература для чтения включала извлечения из Священного Писания, трудов отцов церкви и переводы Аристотеля, Платона, Сократа и др. Позднее широкое распространение получили церковно-приходские школы, где обучение грамоте и чтению начиналось с семи лет под руководством священников и учителей. При этом «отношение учителей к детям отличалось любовью и доброжелательностью, за что и дети платили своим педагогам уважением и привязанностью» [8].

Китайское речевое общение, в отличие от русского, строго регулируется принятыми этикетными нормами и требует сохранения «духа церемонии» при вступлении в разговор, его продолжении и окончании. Даже контакты друзей сохраняют традиционную направленность на идеал целомудренно-возвышенных отношений, исключающих равенство: одному из друзей предписывается быть старшим (*лао*), а другому — младшим (*сяо*). Таким образом, дружеское общение выглядит формализованным и напоминающим о знаменитых «китайских церемониях» [9. С. 554].

Воздерживаясь от открытого выражения эмоций, китайцы проявляют умеренность в общении и подчеркнутое уважение к адресату в соответствии с конкретной речевой ситуацией. Если для русского речевого поведения характерно отсутствие четких границ между выражением оценки и побуждения, то китайцам свойственна общая установка на косвенное выражение прескрипций и избегание любых отклонений от конвенционального поведения и укорененных в сознании образцов. Установка на следование речевой этике приводит к завуалированности намерения, что исключает любые ситуации, чреватые «потерей лица» или нанесением «лицу» какого-либо урона.

Сопоставление языкового плана русского и китайского общения свидетельствует об их существенном различии. В частности, специфика китайского языка выражается в образно-смысловом содержании иероглифов (семантика), в жестких ограничениях на отношения между знаками (синтактика) и в значительном расхождении языковых средств устной и письменной речи (прагматика). Следует также отметить характерную для китайского речевого общения нелюбовь к сложным, абстрактным и витиеватым умозаключениям, многословию и несдержанности в выражении чувств: *Кто знает — молчит, а кто говорит — не знает* (Лао Цзы).

В целом, иероглифика заложила основы конкретно-символической направленности китайского мышления. Но в утверждении свойственного ему практицизма и удивительной устойчивости стиля речевого поведения велика роль Конфуция, Учителя десяти тысяч поколений. Здесь мы имеем в виду три конфуцианские максимы, которые легли в фундамент китайской системы образования: 1) абсолютный приоритет общества и государства; 2) авторитет мудрости; 3) составление нормативных текстов на основе прецедентности.

Сложность иероглифического письма и его оторванность от разговорной речи обусловили высокий авторитет учителя и канонизацию авторитарного стиля общения с учащимися. Многократное повторение учителем древних изречений, хоровое и самостоятельное чтение, а также их заучивание не только обеспечивали овладение иероглификой даже неспособными учениками. Труды Конфуция и других китайских мыслителей позволяли поддерживать высокий идейно-нравственный и этико-эстетический уровень образования. Впоследствии конфуцианский тезис *Нет ничего лучшего, чем следовать древним* станет отличительной чертой и своего рода девизом воспитания и обучения по китайскому образцу.

Вьетнамский речевой этикет также предписывает придерживаться традиционной установки на гармоничное общение, исключая игнорирование этикетных норм и проявление эгоизма или нетерпимости в разговоре. Особую значимость вьетнамцы придают социальному статусу и возрасту собеседника. Поэтому незнание этих данных может привести к уклонению от личностной формы общения. Что же касается русского собеседника, то прямой вопрос о возрасте и статусе обычно вызывает недоумение или даже культурный шок.

В свою очередь, вьетнамцы испытывают коммуникативный дискомфорт, когда к одному и тому же человеку носители русского языка обращаются по-разному: *Иван Петрович, дядя Ваня, Иван, Ваня, Ванюша, Ванечка* и др. Подобная реакция вполне предсказуема, так как во вьетнамском социуме действует правило: *Сколько имен, столько и людей.*

В отличие от носителей русского языка, вьетнамцы никогда не обращаются друг к другу по имени-отчеству или фамилии, но только по имени, если речь идет об общении равных по статусу. В разговоре младших со старшими подобная форма рассматривается как недопустимая. Степень знакомства также предопределяет выбор определенной формы обращения к адресату.

Примечательно, что вьетнамцы используют термины родства по отношению к лицам, не связанным кровными узами, а для выражения вежливости — вокативы *старший дядя, старшая тетя, старший брат, старшая сестра* в сочетании с именем. В общении с вышестоящим лицом возможны также *тетя-начальник* или *дядя-начальник Ба*, но в официальной речи только *Господин Ба*. В общение едва знакомых людей могут привноситься черты семейной близости с естественной для нее ориентацией на неформальное общение. В словарях современного русского языка подобное словоупотребление сопровождается соответствующей дескрипцией *просторечное, разговорное, доброжелательное, дружеское* и др.

Особое внимание вьетнамцы уделяют формированию «духа дружбы», что также исключает прямолинейность в отношениях, которая рассматривается как знак нетактичного и даже грубого поведения. Этим же объясняется уклонение от пря-

мых оценок и выражения отрицательного отношения. К числу отличительных особенностей относится свойственная вьетнамцам улыбка, которая является фактически лишь отражением вежливого отношения к гостям [10]. Обращает на себя внимание и подчеркнутое внимание к приветствию, о чем свидетельствует поговорка *Приветствие ценнее подноса с едой*.

Во вьетнамском обществе образованные люди издавна пользовались большим уважением и составляли его элиту. В соответствии с конфуцианскими представлениями учитель и ученик занимали в обществе достаточно высокое положение. При этом учитель почитался гораздо больше, чем родители, что подтверждается широко распространенным в то время представлением о неразрывной целостности триады: *государь — учитель — отец*. Но, несмотря на сильное влияние китайской культуры и конфуцианской системы образования, вьетнамцы сохранили свои духовные корни и с глубоким почитанием относятся к унаследованным религиозным традициям и обычаям.

Корейская речевая культура в своих истоках восходит к укладу крупных семейно-родственных объединений, ведущих свое происхождение от общего мужского предка. Поэтому корейское имя также следует за фамилией, что является символическим выражением подчиненности старшим. В корейской семье, а также в экономической и политической жизни роль мужчины традиционно остается ведущей.

Что же касается общения, то в нем принимается во внимание возраст, семейное положение и социальный статус собеседника. Так, при встрече корейцы обмениваются приветствием и, возможно, церемониальным поклоном. При этом глубина поклона зависит от социального статуса и возраста. На севере при встрече все большее распространение получает рукопожатие: первым подает руку старший по возрасту и положению.

Стараясь избегать использования личных местоимений, корейцы называют собеседника по фамилии с добавлением слов *господин* или *учитель*. При обращении к равным по возрасту и положению или к младшим вместе с фамилией употребляется частица *оси* (господин). По отношению к высшим или старшим необходимо обращаться *сонсэним* (учитель, господин). Общепринятым является обращение *тонъму* (товарищ). В особо торжественной обстановке употребляется синонимичное слово *тончъки* (товарищ), но *тончъки* используется, если имеется в виду конкретное лицо, только обязательно вместе с фамилией и именем одновременно. *Тончъки*, как и *тонъму*, может употребляться также в качестве абстрактного обращения.

Между близкими друзьями употребляется обращение *сестра*, *брат*. Если общение с младшим протекает в неофициальной обстановке, допустимо обращение по имени, но в официальных ситуациях — *Господин Ким* или *Госпожа Ли*. По отношению к старшему обязательно называние его должности: *Ким-президент* или *Юн-профессор*. Употребление имени в качестве вокатива по отношению к старшему брату или сестре является недопустимым, и к ним обращаются в формах *Хйонг* (старший брат) и *Нуна* (старшая сестра) [11].

По имени в Корее называют только друзей, причем младшего или одного с собеседником возраста. Проявление дружеского расположения и симпатии вы-

ражается также в том, что корейцы одного пола могут ходить, держась за руки или положив руку на плечо собеседнику. Однако подобное поведение иностранцев воспринимается как нежелательное.

Корейцы избегают в общении негативных ответов, предпочитая уклончивые и двусмысленные фразы: *Я согласен с вами в принципе* или *Я сочувствую вам*. Подобное речевое поведение является знаком расположения к адресату и свидетельствует о стремлении говорящего сохранить благожелательную атмосферу встречи. В этом контексте заметим, что подобный метод обсуждения, практически исключающий споры, оценивается наследниками конфуцианских традиций как «коммуникация минимального сообщения», а европейская модель решения проблемы, которая предполагает обсуждение и споры — как «коммуникация максимального сообщения».

Об уважительном отношении к человеку свидетельствуют и различного рода обращения к посетителям, прохожим или пассажирам, в которых исключается употребление форм императива как нарушающего радушную обстановку в публичных местах. Например, в корейских парках можно увидеть таблички с надписями типа: *Давайте не будем ходить по газонам* (ср.: с широко употребительным у нас запретом: *По газонам не ходить!*).

Система образования в Корее изначально формировалась на основе гуманистических идеалов конфуцианской культуры, религиозно-духовных буддийских заповедей равенства и милосердия, а позднее — следуя базовому принципу национальной корейской философии: благожелательность ко всем людям. Этико-философское ядро корейской педагогической системы составили такие существенные ценностные представления, как человечность, человеколюбие, уважение к людям, милосердие и равенство. Подобные идейно-нравственные установки способствовали утверждению в корейской школе принципов эгалитаризма и доступности всех уровней образования [12].

Японская речевая культура также развивалась на фундаменте конфуцианских постулатов и вытекающих из них норм ритуально-этикетного поведения. Например, обращаясь друг к другу, японцы обычно добавляют суффиксы вежливости *-сан/-сама* (обращение к вышестоящему), *-кун* (обращение к подчиненному), *-сэнсэй* (обращение к преподавателю, ученому, работнику искусств), *okusan* (обращение к замужней женщине), *odzesan* (обращение к девушке) и др. Для общения в современной молодежной среде характерно обращение по имени. К числу распространенных форм выражения вежливого отношения к адресату относится избегание прямого обращения, когда говорящий использует безличную форму (досл. *Куда имеется хождение?*) [13].

Косвенное, ненавязчивое выражение японцами мыслей и чувств, особая деликатность, исключаяющая внесение в разговор какого-либо диссонанса, и строгий контроль за мимикой лица плохо согласуются с русским стремлением к достижению взаимности. Не принимаются японцами и эмоциональное восхищение или одобрение в свой адрес. Это обусловлено тем, что японские правила «чувствования» порицают непосредственную похвалу в адрес собеседника.

Разумеется, это не означает отсутствия подобных мотивов у японцев. Но японский культурный код предписывает иную форму речевого поведения, в которой задействованы интуитивно-образные ощущения, представления и догадки. Про-

текая «не столько на словесном, сколько на несловесном, невербальном уровне», общение японцев предполагает недосказанность или *ёдзё* (сверхчувство или послечувствование). Как говорил средневековый поэт, филолог и теоретик поэтического искусства Фудзивара Тэйка, *Без ёдзё нет поэзии*. Неудивительно, что в понимании японцев истина открывается в молчании: «в момент паузы между словами рождается то, что невыразимо в слове» [14. С. 13].

Своеобразие отношений, подобных дружеским, нашло отражение в строго регламентированной структуре межличностных отношений, ранжированной с учетом пола, возраста и социального статуса. Так, базовая сетка включает следующие лексические единицы: *шиню* (*shinyu* — близкий друг) и *томодачи* (*tomodachi* — друг), а также более официальный эквивалент *южин* (*yujin*). При этом близкими друзьями японцы называют только лиц того же пола. У детей-дошкольников могут быть *томодачи*, но не *шиню*, поскольку считается, что в этом возрасте не могут быть настоящие дружеские взаимоотношения. Кроме того, есть еще слово *дорйо* (*doryo* — товарищ по работе, коллега, имеющий тот же статус) и собирательное *насама* (*nasama* — товарищ по работе, игре, неформальному времяпрепровождению) [15. С. 67—68]. Как говорит японская пословица, *Этикет надо соблюдать даже в дружбе*.

Общеобразовательная школа Японии, сформировавшаяся на основе конфуцианских принципов, акцентирует внимание на нравственном воспитании, интенсивном обучении и постоянных экзаменах. При этом, с одной стороны, начальная школа последовательно привносит добродетели семейного воспитания в процесс обучения, а с другой — школа, воспитывая в учениках самодисциплину, воздействует на взаимоотношения внутри семьи. В результате конфуцианский культ учителя, который воспринимается как настоящий старший друг (*сэнсэй*), приходит в противоречие с традиционным почитанием родителей. Это вызывает экзистенциальные переживания подрастающего поколения, которое отчасти преодолевается глубоким уважением к учителю и направленностью школьного обучения на групповое воспитание. Последнее рассматривается в качестве важнейшей задачи в работе с японскими школьниками подросткового и юношеского возраста и делается для того, чтобы они уважали друг друга и были преданными своей группе. Таким образом, конфуцианские принципы обучения получили в Японии самобытное преломление [16. С. 214].

3. Заключение

Предпринятое краткое рассмотрение своеобразия межличностного дискурса и педагогической традиции в России и ряде стран так называемого конфуцианского ареала позволяет сделать вывод об их существенных отличиях. Поэтому внимание преподавателя к этнической идентичности студентов становится знаком его профессионализма.

Здесь мы имеем в виду, с одной стороны, знание культурно одобряемых и порицаемых сценариев речевого поведения, а с другой — учет в практической деятельности преподавателя исторически сложившегося стиля учебно-педагогического общения на родине студента. Очевидно, что недооценка преподавателем

специфики социокультурного опыта учащихся тормозит присвоение ими нового языкового и коммуникативного кода. Более того, непривычный культурный модус поведения может стать причиной отказа от контактов с носителями русского языка. Следовательно, этнокультурная компетентность преподавателя является непременным условием методически эффективного обучения иностранных студентов общению на русском языке.

Опора на знание преподавателем этнопсихолингвистических и социокультурных особенностей речевого взаимодействия, типичных для родной культуры студентов, существенно облегчает их постепенное вхождение в русское коммуникативное пространство. Более того, в отсутствие психологических барьеров у учащихся шаг за шагом формируется когнитивно-коммуникативная, а на ее основе и этнокультурная компетентность. При таком подходе начальный уровень этнокультурной компетентности студентов предполагает готовность к взаимодействию, которая реализуется как способность к ограниченной коммуникации на изучаемом русском языке. В целом, этнокультурная компетентность преподавателя, выступающая в качестве дополнительного стимула в развитии речевой деятельности студентов, становится в полилингвальном образовательном пространстве одной из «точек роста» методики преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Страсбург—Москва: Департамент по языковой политике, 2003.
2. *Поштарёва Т.В.* Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Владикавказ, 2009.
3. *Владимирова Т.Е.* Русский межличностный дискурс в системе социальной коммуникации // *Метафизика*. 2017. № 2 (24). С. 42—57.
4. *Бахтин М.М.* Собр. соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997.
5. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка / Бахтин под маской. М.: Лабиринт, 2000.
6. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. Санкт-Петербург: Питер, 2001.
7. *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // *Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды*. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2001.
8. *Жукова Л.* Церковно-приходские школы: от Закона Божия до гимнастики. URL: <http://righod.ru/on-the-pages-of-the-history/23394> (дата обращения 18.12.2017).
9. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: АСТ; Астрель, 2003.
10. *Нуен Ву Хьонг Ти.* Обращение в русском речевом этикете с точки зрения носителей вьетнамского языка // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2009. № 1. С. 26—31.
11. *Ю Ин Ча.* Лингвокультурологическая специфика обращения в русском и корейском языках / *Вестник ИГЛУ*, 2010. С. 77—81.
12. *Лим Э.Х.* Тенденции развития общеобразовательной школы Республики Корея: 1945—2005 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006.
13. *Алпатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. М.: УРСС: Либроком, 2009.
14. *Григорьева Т.П.* Диалог и коммуникация — философские проблемы (Материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1989. № 7. С. 11—23.

15. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
16. *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. М.: Наука, 1985.

© Владимирова Т.Е., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 16.05.2018

Принята к публикации: 22.09.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Владимирова Т.Е. Этнокультурная компетентность преподавателя как актуальная методическая проблема // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 573—583. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-573-583

Сведения об авторе:

Владимирова Татьяна Евгеньевна — профессор кафедры межкультурной коммуникации Института русского языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: yusvlad@rambler.ru

Ethno-Cultural Competence of Teachers as a Current Methodical Problem

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The training of foreign students in the Russian language as a means of obtaining higher education in Russian universities presumes the consideration of values, norms and rules of speech behavior that distinguish speakers of different languages and cultures. For this purpose, the article reveals the peculiarity of interpersonal discourse and pedagogical traditions that have developed in the countries of the so-called Confucian area: China, Vietnam, Korea and Japan. On this basis, the conclusion is made about the importance of developing the ethno-cultural competence of teachers, which is necessary for joint educational activities in this audience. In the developing of the polylingual educational space, the ethno-cultural competence of the teacher becomes one of the “points of growth” in the methodology of teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language, ethno-cultural competence, speech behavior, pedagogical tradition

References

1. Obshcheevropejskie kompetencii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, oцена [Common European competencies in foreign language skills: Study, Training, Evaluation]. Strasburg — Moscow: Departament po yazykovoj politike, 2003. Print. (in Russ.)
2. Poshtaryova, T.V. 2009. “Formirovanie ehtnokul’turnoj kompetentnosti uchashchihsya v poliehtnicheskoy obrazovatel’noy srede” [Formation of Ethno-Cultural Competence of Students in Polyethnic Educational Environment]: abstr. dis... Doctor of Ped. Science. Vladikavkaz. Print. (In Russ.)
3. Bahtin, M.M. 1997. Sobr. soch. v 7 t. T. 5. Raboty 1940-h — nachala 1960-h godov [Coll. Op.: 7 vols. Vol. 5. Works. 1940 — the beginning of the 1960]. Moscow: Russkie slovari. Print. (In Russ.)
4. Voloshinov, V.N. 2000. Marksizm i filosofiya yazyka / Bahtin pod maskoj [Marxism and the Philosophy of Language / Bakhtin under the Mask]. Moscow: Labirint. Print. (In Russ.)
5. Kunicyna, V.N., N.V. Kazarinova, and Pogol’sha V.M. 2001. Mezhlichnostnoe obshchenie [Interpersonal Communication]. St. Petersburg: Piter. Print. (In Russ.)
6. Leont’ev, A.A. 2001. Yazykovoie soznanie i obraz mira. Yazyk i rechevaya deyatel’nost’ v obshchej i pedagogicheskoy psihologii: Izbrannye psihologicheskie trudy [Language Consciousness and the Image of the World in Language Consciousness and the Image of the World: Selected Psychological Works]. Moscow: Izd-vo Mosk. psihologo-social’nogo in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODEHK». Print. (In Russ.)
7. Vladimirova, T.E. 2017. “Russkij mezhlichnostnyj diskurs v sisteme social’noj kommunikacii” [Russian Interpersonal Discourse in the System of Social Communication]. *Metafizika* 2 (24): 42—57. Print. (In Russ.)
8. Zhukova, L. Cerkovno-prihodskie shkoly: ot Zakona Bozhiya do gimnastiki [Church Parochial Schools: from the Law of God to Gymnastics]. URL: <http://prichod.ru/on-the-pages-of-the-history/23394> (date of the application: 18.12.2017).
9. Malyavin, V.V. 2003. Kitajskaya civilizaciya [Chinese Civilization]. M.: AST. Print. (In Russ.)
10. Nguen, Vu Hyong Ti. 2009. “Obrashchenie v russkom rechevom ehtikete s tochki zreniya nositelej v’etnamskogo yazyka” [Appeal in Russian Speech Etiquette from the Point of View of Vietnamese Speakers]. *Vestnik RUDN. Ser. Inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* 1: 26—31. Print. (In Russ.)
11. Yu, In Cha. 2010. “Lingvokul’turologicheskaya specifiika obrashcheniya v russkom i korejskom yazykah” [Linguistic and Cultural Specifics of Treatment in Russian and Korean Languages]. *Vestnik IGLU*: 77—81. Print. (In Russ.)
12. Lim, E.Kh. 2006. “Tendentsii razvitiya obshcheobrazovatel’noy shkoly Respubliki Koreya: 1945—2005 gg.” [Tendencies of the Development of the General Education School of the Republic of Korea: 1945—2005]: PhD Thesis in Pedagogical Sciences. Print. (In Russ.)
13. Alpatov, V.M. 2009. Kategorii vezhlivosti v sovremennom yaponskom yazyke [Categories of Courtesy in Modern Japanese]. Moscow: URSS: Librokom. Print. (In Russ.)
14. Grigor’eva, T.P. 1989. “Dialog i kommunikaciya — filosofskie problemy (Materialy “kruglogo stola”)” [Dialogue and Communication — Philosophical Problems (Materials of the “Round Table”)]. *Voprosy filosofii* 7: 11—23.
15. Vezhbickaya, A. 2001. Ponimanie kul’tur cherez posredstvo klyuchevyh slov [Understanding Cultures through the Medium of Keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury. Print. (In Russ.)
16. Pronnikov, V.A., and I.D. Ladanov. 1985. Yaponcy [Japanese]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)

Article history:

Received:16.05.2018

Accepted:22.09.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Vladimirova, T.E. 2018. Ethno-Cultural Competence of Teachers as a Current Methodical Problem. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 573—583. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-573-583

Bio Note:

Tatiana E. Vladimirova is a PhD, Professor of the Department of Cultural Studies of Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University. E-mail: yusvlad@rambler.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-584-595

Региональный проект «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ»

С.О. Драчева, Е.В. Тумакова

Тюменский государственный университет
Российская Федерация, 625003, Тюмень, Володарского, д. 6

В статье описывается положительный опыт Тюменского государственного университета по реализации в системы взаимосвязанных мероприятий, направленных на постепенное, планомерно организованное включение в российское образовательное пространство детей из семей мигрантов, обучающихся в учреждениях среднего общего образования. Авторы представляют концепцию проекта, актуальность которого обусловлена систематическим ростом миграционных потоков в Тюменском регионе. Описываемый проект прошел апробацию и продемонстрировал эффективность избранной стратегии аккультурации мигрантов. Комплексный подход к проблеме адаптации детей мигрантов в новых социокультурных условиях, положенный в основу проекта, доказал, что функциональность интеграционных мероприятий увеличивается при охвате разных целевых групп: учащихся, их родителей-иностранцев, педагогов, работающих с гетерогенными по составу детскими коллективами, представителей государственных структур и диаспор. Технологии и инструменты, использованные в ходе реализации проекта, могут применяться в регионах, являющихся точками притяжения миграционных потоков.

Ключевые слова: федеральная целевая программа, дети мигрантов, адаптация, образовательное пространство, гетерогенный коллектив

1. Введение

Повышение качества и престижа образования на русском языке является целью Федеральной программы развития образования на 2016—2020 гг. Среди ее ключевых мероприятий в сфере модернизации школьного обучения повышение качества образования в школах с низкими результатами обучения и в школах, функционирующих в неблагоприятных условиях; повышение профессионального уровня педагогических и руководящих кадров общего образования; развитие механизмов вовлеченности родителей в образование [1].

Данные мероприятия особенно актуальны в свете увеличивающегося числа детей из семей мигрантов, обучающихся в школах Российской Федерации. Как свидетельствуют данные мониторинга, проведенного исследователями НУЛ СОН НИУ ВШЭ, существует множество проблем, связанных с таким контингентом обучающихся вследствие концентрации в городских районах определенных этнических групп, повышением нагрузки и профессиональной ответственности учителей, работающих в гетерогенных детских коллективах, этническая дискриминация в отношении учащихся и др. [2].

2. Обсуждение

В 2017 году Тюменский государственный университет (ТюмГУ) выступил с региональным проектом «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ», направленным на интеграцию школьников из семей мигрантов в российскую социокультурную среду и образовательный процесс. Своевременность реализации подобного проекта не вызывает сомнений. В настоящее время концентрация детей-мигрантов в школах региона невелика по сравнению, например, со школами мегаполисов — Москвы, Санкт-Петербурга или Екатеринбурга. Однако численность иностранных граждан, находящихся на территории Тюменской области по разрешению на временное проживание или виду на жительство, а также получающих российское гражданство, ежегодно возрастает. Многие из них приезжают в Тюменскую область с детьми. По данным Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области, в 2017 году несовершеннолетние члены семей мигрантов составили до 5% от всех иностранцев, поставленных на миграционный учет. Поскольку дети мигрантов наряду с российскими сверстниками не только посещают учреждения дошкольного и дополнительного образования, но и зачисляются в школы, то в ближайшее время их присутствие в региональных муниципальных общеобразовательных учреждениях будет увеличиваться.

Одна из ключевых проблем обучения ребенка-инофона в российской школе заключается в том, что неспособность к коммуникации на русском языке не является основанием для отказа в зачислении. В соответствии с п. 4 ст. 67 Федерального закона от 20.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию может быть отказано только по причине отсутствия в ней свободных мест» [3]. Тем не менее на основании п. 2 ст. 14 того же закона «в образовательных организациях образовательная деятельность осуществляется на государственном языке Российской Федерации» [3]. Более того, дети мигрантов часто не имеют возможности развивать свою коммуникативную компетенцию, так как за пределами школы они снова погружаются в национальную среду: общаются с людьми своей этнической группы, разговаривают на родном языке в семье, в которой один или оба родителя не говорят или плохо говорят по-русски. Сегодня около трети детей мигрантов (270 человек) из 83 учреждений Тюменской области посещают дополнительные бесплатные занятия по русскому языку, так как их уровень языкового владения не достаточен для успешного освоения общеобразовательной программы. Остальная часть школьников лишена такой возможности в силу ряда причин: отсутствие подобных курсов в учебном заведении и невозможность оплачивать услуги репетитора из-за финансовых трудностей в семье, необходимость помогать родственникам в быту, недостаточная мотивация к учебе и т.д. Ребенок оказывается за рамками учебной и внеучебной деятельности, а ответственность за его низкую академическую успеваемость ложится на учителя.

В свою очередь, учитель-предметник также испытывает трудности в профессиональной деятельности, поскольку невозможно качественно учить ребенка-инофона по учебникам и другим учебно-методическим материалам, предназна-

ченным для носителей русского языка. Особого внимания со стороны руководителей образовательных учреждений требует контроль за соблюдением миграционного законодательства [4]. Ситуация также усугубляется уклонением (намеренным или ненамеренным) родителей от участия в школьной жизни ребенка. Причиной этому может быть как неспособность родителя коммуницировать в русскоязычной среде на базовом уровне или незнание особенностей российской образовательной системы, так и сознательное пренебрежение языком, традициями и социальными нормами принимающей страны. Однако, как отмечается исследователями из Института развития ребенка им. Фрэнка Портера Грэхема Университета Северной Каролины в Чапел-хилл (США), аккультурация всегда носит коллективный характер: дети и родители-мигранты совместно участвуют в процессе перехода к новой социальной и образовательной среде [5].

Исходя из назревших проблем, а также задач Федеральной целевой программы «Развитие образования» разработчики проекта «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ» предложили комплекс связанных между собой мероприятий, реализуемых параллельно и адресованных разным участникам адаптационно-образовательного процесса: детям мигрантов, их родителям, учителям школ и педагогам дополнительного образования, работающим с полиэтническими детскими коллективами с неодинаковым уровнем владения русским языком, руководителям образовательных учреждений, а также представителям государственной и местной власти и правоохранительных органов, взаимодействующих с иностранными гражданами.

Программа работы с детьми — школа выходного дня «Мы — вместе!» — начинается в первые месяцы учебного года сразу после того, как ребенок более или менее освоился в школьной среде и привык к режиму дня. В этот же период проявляются и сложности в адаптации. Поэтому программа носит прежде всего коррекционный характер, вследствие чего она является достаточно гибкой и позволяет учитывать потребности каждого конкретного ребенка. Тематическое планирование курса разработано с учетом следующих учебных целей:

- 1) определение уровня языковой компетенции учащихся: «Давай дружить!» (входное тестирование);
- 2) формирование единого с российскими учащимися культурного бэкграунда через изучение традиций русского народа («Праздник к нам приходит»), анимационных фильмов («Занимательная мультипликация»), произведений русских писателей («Испокон века книга растит человека»), жанров русского фольклора («О бедном Кощее замолвите слово»), песен («Караоке-бар “Тихий час”»);
- 3) закрепление норм русского речевого этикета («Здравствуйте, спасибо и до свидания!»);
- 4) усвоение норм социального поведения и профилактика противоправных действий («Дети не должны вести себя агрессивно по отношению к одноклассникам», «Нельзя воровать», «Разные люди — равные права» и т.д.);
- 5) преодоление трудностей, связанных с выполнением домашнего задания по школьным дисциплинам («В стране невыученных уроков»).

Преподаватели школы — специалисты в области обучения РКИ с многолетним стажем — реализуют параллельно три варианта программы дополнительного образования для 70 слушателей из числа детей мигрантов.

1. Курс обучения русскому языку «с нуля» предназначен главным образом для учащихся начальной школы, ранее воспитывавшихся в иноязычной среде и недавно вместе с родителями — трудовыми мигрантами переехавших жить в Россию. У таких детей отсутствовала возможность предварительной языковой и культурной адаптации, например, в детском саду. Следовательно, они неудовлетворительно учатся, имеют проблемы с дисциплиной, так как не говорят и не понимают по-русски. Преподаватели, занимающиеся с такими группами, совмещают индивидуальные и коллективные формы работы, активно применяют игротехники, вырабатывая у школьников навыки элементарного общения, которые в дальнейшем позволят школьному учителю и ребенку вступать в учебную коммуникацию.

2. Курс культурной адаптации востребован у разновозрастной аудитории, но главным образом у подростков, которые неплохо владеют русским языком (изучали на родине, хорошее знание языка родителями), однако или испытывают поведенческие затруднения, связанные с разницей в национальном мировосприятии, или хотят познакомиться с традициями страны, в которой живут и учатся. Такие занятия направлены на приобщение школьников к российской культуре за счет изучения ими прецедентных произведений: мультфильмов, детского и юношеского кино, русских народных песен и песен времен Великой Отечественной войны, фрагментов из опер и балетов, текстов классиков русской детской литературы. Занятия носят интерактивный характер: в работе активно используется дистанционный образовательный ресурс «Лесная академия», разработанный Российским университетом дружбы народов [6].

3. Курс углубленного изучения русского языка пользуется спросом у тех учащихся средней (основной) школы, которые показывают достаточно высокие результаты в освоении программы по русскому языку, однако имеют отдельные затруднения или хотят овладеть языком на уровне грамотного носителя. Как правило, такие дети связывают свое будущее с Россией: они либо находятся на территории Тюменской области в соответствии с видом на жительство родителя, либо уже получили (или будут получать) российское гражданство, а в перспективе собираются продолжать обучение в российских средних профессиональных или высших учебных заведениях. Работа с такими детьми организуется в формате репетиторских занятий, часто — с решением лингвистических задач, выполнением упражнений повышенной сложности, олимпиадных заданий. Поскольку эти курсы посещаются в основном восьми- и девятиклассниками, значительная часть времени отводится на подготовку к предстоящему ОГЭ.

С целью повышения интереса к изучению русского языка и культуры среди детей мигрантов в середине второй четверти для них организуется областная олимпиада по русскому языку как неродному. Олимпиада приурочена к окончанию первого цикла занятий школы выходного дня, с тем чтобы школьники, которые ранее чувствовали себя неуверенно, могли испытать свои силы наряду с другими участниками конкурсного отбора. В 2017 году в олимпиаде приняло участие 350 учащихся из школ Тюменской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов.

Задания олимпиады не соотносятся со школьной программой по русскому языку и направлены на проверку исключительно социокоммуникативных компетенций учащихся, что делает возможным одновременно привлекать к участию в мероприятии разновозрастную аудиторию — с 5 по 10 классы.

Олимпиада состоит из двух этапов. Заочный этап проводится в школах: задания разрабатываются вузом-организатором и проверяются учителями русского языка и литературы по предоставленным ключам. В заданиях отборочного тура олимпиады 2017 года, тематика которого была связана с традициями русской кухни, школьники должны были выполнить, например, такие задания:

Исходя из перечня ингредиентов, написать названия русских блюд:

1. Вареный картофель, колбаса, яйца, огурец, майонез (салат) — ...
2. Чёрный хлеб, сахар, вода (напиток) — ...
3. Тесто, изюм, цукаты (выпечка на религиозный праздник) — ...

Определить значения русских устойчивых выражений:

1. *Кашу маслом не испортишь.* А. (о чём-то полезном для дела)
2. *Хрен редьки не слаще.* Б. (вкусы и желания разных людей могут сильно отличаться)
3. *На вкус и цвет товарища нет.* В. (о чем-то сильно надоевшем)
4. *Когда я ем, я глух и нем.* Г. (что-то не лучше другого)
5. *Надоел хуже горькой редьки.* Д. (нельзя разговаривать за столом)

Победителями признаются учащиеся, давшие не менее 66% правильных ответов на задания заочного этапа.

Очный этап проводится на базе вуза-организатора в течение трех дней. В первый день школьники проходят конкурсные испытания. В заданиях 2017 года предлагалось выполнить такие, например, задания:

Отгадать шараду:

В списке вы мой обнаружите корень,
Суффикс в собрании встретите вскорее,
В слове рассказ вы приставку найдете,
В целом — по мне на уроки пойдете.

Придумать продолжение истории:

В воскресенье мы пили чай и слушали радио. Как всегда, в это время радиослушатели в прямом эфире поздравляли своих знакомых или родственников с днём рождения или ещё с чем-нибудь; рассказывали, какие те расчудесные, и просили исполнить для них хорошие песни.

— Ещё один звонок! — в очередной раз ликующе провозгласил диктор. — Алло! Мы слушаем вас! Кого будем поздравлять?

И тут... Я ушам своим не поверил! Раздался голос моего одноклассника Владьки: ... (по рассказу М. Дружининой «Звоните, вам споют!»).

Следующие два дня занимает обширная культурная программа: городские экскурсии, посещение выставок, музеев и фондов, психологические тренинги и командные игры, направленные на коллективное сплочение через формирование толерантного отношения к представителям другой культуры.

Одновременно со школой выходного дня и олимпиадой организуются бесплатные курсы для 200 родителей-мигрантов «Механизмы адаптации в российской школе». Курсы, рассчитанные на 100 академических часов, проводятся ежедневно в вечернее время. Для удобства самих мигрантов по будням занятия проходят на территории Единого миграционного центра, а по субботам — в здании университета, где работает детская школа выходного дня. Это дает возможность посетить занятия тем родителям, которые не могут приехать в течение недели в центр, но приводят детей на дополнительные уроки. Программа курсов для родителей-мигрантов включает несколько тематических блоков:

1) «Проблема интеграции детей мигрантов в социокультурное пространство школы и их психолого-педагогическая поддержка»;

2) «Пути преодоления сложностей интеграции детей мигрантов в российскую школьную действительность»;

3) «Методические рекомендации для родителей детей мигрантов — учащихся средней и старшей школы»;

4) «Правовое сопровождение родителей — иностранных граждан и членов их семей в поликультурном регионе».

В рамках курсов проходит знакомство с российской (школьной) образовательной системой: структурой образовательной организации, нормативно-правовой базой, контролирующими органами, классно-урочной системой, принципами оценивания и т.д.; разъясняются правовые аспекты обучения детей из семей мигрантов в российской школе: условия приема ребенка в школу (минимальный пакет документов), основания для отказа в зачислении, наличие/отсутствие социальных льгот для детей иностранных граждан (бесплатный проезд в общественном транспорте, бесплатное медицинское обслуживание, питание в школе), (не) возможность продолжать обучение в случае окончания у родителя срока действия регистрации или разрешительных миграционных документов, регулирующих пребывание на территории Российской Федерации. Отдельно обсуждаются и прорабатываются на примере кейсов вопросы подготовки детей к школе (помощь в выполнении домашних заданий, организация рабочего места школьника дома, посещение кружков и секций, распорядок дня семьи) и психолого-педагогической поддержки детей, интегрирующихся в новую культурную и образовательную среду. На занятиях с преподавателями ТюмГУ родители-мигранты тренируются в заполнении заявлений, анкет, дневников, выполняют письменные задания (пишут сочинения, изложения, диктанты, творческие работы), разбирают формулировки упражнений из школьных учебников по разным предметам. На консультациях с юристами и психологами решаются конкретные проблемы, связанные с правовым и психолого-педагогическим сопровождением. Содержание наиболее часто задаваемых родителями-мигрантами вопросов в основном сводится к следующему: может ли иностранный гражданин пользоваться услугами МФЦ; может ли иностранный гражданин получить материнский капитал; предоставляются ли социальные льготы, если семья иностранного гражданина является малоимущей или многодетной; если несовершеннолетний иностранный гражданин совершил правонарушение (кража, драка), что ему грозит; если ребенок рожден на территории России, получает ли он гражданство Российской Федерации или имеет

преференции при его получении; если в школе нарушаются права ребенка (бьют одноклассники, возникают проблемы с учителем, директор не реагирует на конфликт), куда следует обратиться; если в законе об образовании сказано, что учебное заведение обязано обеспечить учебный процесс, значит ли это, что ребенку должны предоставляться бесплатно учебники, ручки, тетради?

Важнейшей формой работы, проводимой ТюмГУ в партнерстве с Департаментом образования и науки Тюменской области, является организация курсов повышения квалификации «Технологии адаптации детей мигрантов в образовательной среде», предназначенных для учителей школ, руководителей средних образовательных учреждений и педагогов дополнительного образования. Цель курсов — преодоление разрыва между спонтанно складывающейся в школах Тюменской области практикой обучения детей из семей мигрантов и международным опытом в области технологий социокультурной адаптации. В рамках курсов описываются как успешные, так и не оправдавшие себя стратегии в аккультурации мигрантов [5; 7—12]), возможности внедрения отдельных адаптационных программ в российскую образовательную среду, представляются результаты исследования положения детей из семей мигрантов, проживающих в разных регионах Российской Федерации [2; 13—15]. Особый акцент делается на разъяснении принципиально иного подхода в организации учебного процесса для учащихся, которые не владеют русским языком как родным: упор на развитие именно коммуникативных компетенций, а не на формальное знание языка, необходимость обращения к специализированным учебникам, учебно-методическим пособиям и материалам, в том числе по РКИ [6; 16—18]. Учитывая тот факт, что значительная часть слушателей курсов — учителя небольших сельских школ, испытывающие затруднения в доступе к такого рода обеспечению, преподаватели курсов уделяют внимание знакомству учителей-предметников с инновационными сетевыми и электронными ресурсами, разработанными специально для детей мигрантов. Освоение современных методик обучения иностранцев русскому языку проводится в формате мастер-классов при участии как иностранных студентов, обучающихся в ТюмГУ на подготовительном отделении или по программам академического обмена, так и юных слушателей школы выходного дня. Как и родителей-мигрантов, слушателей курсов часто интересуют правовые аспекты адаптации детей, являющихся гражданами других государств. Особое внимание уделяется вопросу о способах работы с родителями, которые открыто демонстрируют неуважение к учителю или, прикрываясь национальными традициями, поощряют у своих детей плохое знание русского языка, низкую успеваемость или не соответствующее правилам образовательной организации поведение.

Объединяющим для всех четырех мероприятий — школы выходного дня для детей мигрантов, олимпиады по русскому языку как неродному, открытого лектория для родителей-мигрантов, курсов повышения квалификации для педагогов и руководителей образовательных учреждений — стала организация в 2017 году круглого стола «Русский язык как фактор стабильности в мультикультурном обществе региона». Запланированный как коммуникативная площадка круглый стол прошел с участием не только учителей и родителей, но и представителей

Департамента образования г. Тюмени, УМВД России по Тюменской области, национальных диаспор. Собранные обсудили текущую миграционную ситуацию в Тюменской области, региональный опыт в приобщении иностранных граждан к отечественной культуре, пробелы в миграционном законодательстве в отношении детей мигрантов, конкретные проблемы в школьной системе, не позволяющие эффективно работать с детьми-инофонами. Как показала развернувшаяся дискуссия, ситуация с детьми мигрантов «на местах» и с точки зрения официальных властей видится совершенно по-разному (например, в отношении количества школьников, нуждающихся в постоянных дополнительных занятиях по русскому языку, свободы доступа учителя к специализированным образовательным ресурсам, оценки качества работы педагога и т.д.).

3. Выводы

Работа с детьми иностранных граждан является важной стратегической задачей, неразрывно связанной как с государственной безопасностью, так и с престижем России на международной арене.

Опыт реализации регионального проекта «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ» показал необходимость комплексного подхода к решению проблем, возникающих в процессе вхождения иностранных граждан в российскую социокультурную среду.

Список литературы

1. Федеральная целевая программа развития образования на 2016—2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://фцпро.рф> (дата обращения: 01.12.17).
2. Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К.А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012. 168 с.
3. Федеральный закон от 20.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.12.17).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ред. от 07.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.12.17).
5. FPG Child Development Institute [Электронный ресурс]. URL: <http://fpg.unc.edu/> (дата обращения: 01.12.17).
6. Лесная академия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dporudn.ru/learning/wooden-academy/> (дата обращения: 01.12.17).
7. Hispanic Institute — Child Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://www.childtrends.org/hispanic-institute/> (дата обращения: 01.12.17).
8. Lou C., Hanson D., Fortuny K., Simms M. Visualizing Trends for Children of Immigrants [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.urban.org/features/children-of-immigrants/> (дата обращения: 01.12.17).
9. Madziva R., McGrath S., Thondhlana J. Communicating Employability: the Role of Communicative Competence for Zimbabwean Highly Skilled Migrants in the UK // *Journal of International Migration and Integration*. 2016. Issue 1. Vol. 17. Pp. 235—252. doi: 10.1007/s12134-014-0403-z
10. Doe Ch. Diagnostic English Language Needs Assessment (DELNA) // *Language Testing*. 2014. Vol. 31(4). Pp. 537—543. doi: 10.1177/0265532214538225

11. *Sbertoli G., Arnesen H.* Language and Initial Literacy Training for Immigrants: the Norwegian Approach // Language Issues in Migration and Integration: Perspectives from Teachers and Learners. London: British Council, 2014. Pp. 123—134.
12. *Kobayashi Y.* Language Education for Migrant Workers and their Social Integration in Japan // Global Migration Research Paper. 2014. Vol. 8. 65 p.
13. *Дудко С.А.* К вопросу об обучении детей мигрантов в России // Среднее образование в России. 2014. Т. 3. С. 221—224.
14. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А., Засыпкин В.П.* Образовательные и адаптационные практики детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1. С. 70—83.
15. Научно-учебная лаборатория «Социология образования и науки» («Слон») [Электронный ресурс]. URL: <https://slon.hse.ru/> (дата обращения: 01.12.17).
16. *Гусева Е.Ю., Дворкина Е.А., Полякова Ю.Д.* Физика — 7: учеб. пособие по русскому языку для школьников с родным нерусским. СПб.: Златоуст, 2016.
17. *Кулибина Н.В.* Зачем, что и как читать на уроке: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015.
18. Русский язык для наших детей: учебно-тренировочный контент и методические материалы для поддержки образовательной деятельности на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/> (дата обращения: 01.12.17).

© Драчева С.О., Тумакова Е.В., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.04.2018

Принята к публикации: 09.08.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Финансирование:

Проект осуществляется при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации и Правительства Тюменской области (грант в форме субсидии в рамках реализации мероприятия 5.4 ФЦП развития образования на 2016—2020 годы «Поддержка инноваций в области развития и мониторинга системы образования», лот 3: Интеграция школьников из семей мигрантов в образовательный процесс).

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Драчева С.О., Тумакова Е.В. Региональный проект «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 584—595. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-584-595

Сведения об авторах:

Драчева Светлана Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета. E-mail: s.o.dracheva@utmn.ru

Тумакова Елена Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета. E-mail: e.v.tumakova@utmn.ru

The Regional Project “Technologies in Language and Cultural Adaptation of Children of Immigrants from the CIS Countries”

S.O. Dracheva, E.V. Tumakova

University of Tyumen
6, Volodarskogo str., Tyumen, 625003, Russian Federation

The article deals with the positive practice of introducing the system of interconnected adaptive events in Tyumen region. The events target at including children of immigrants, who study at local schools, in Russian educational space. And this including should be gradual and consistently organized. The authors of the paper describe the project concept. Its topicality is due to migration flows, which are constantly increasing in Tyumen region. The project has been successfully tested. It proves that the strategy in acculturation of immigrants has been correctly chosen. The basis of the project is a multipurpose approach to the problem of adopting children of immigrants in Russian social and cultural situation, which is new and unfamiliar for them. It shows that integration events are more effective, if various target groups are covered. Among them there are school children themselves, adult immigrants, who are their parents, school teachers, working in heterogeneous classes, and representatives of Government bodies and diasporas. The technologies and methods, which are used during the project, can be reproduced in the regions with significant migration flows.

Key words: Federal Target Program, children of immigrants, adaptation, educational space, heterogeneous class

References

1. Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2016—2020 gody [Federal Target Program of Education Development in 2016—2020]. Web. URL: <http://фцпрп.рф> (Access date: 01.12.17). (In Russ.)
2. Aleksandrov, D.A., V.A. Ivanyushina, Kostenko V.V., S.S. Savel'eva, and Tenisheva K.A. 2012. Polozhenie detei migrantov v Sankt-Peterburge [The Situation of Children of Immigrants in St. Petersburg]. Moscow: The United Nations Children's Fund (UNICEF). Print. (In Russ.)
3. Federal'nyi zakon “Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii” ot 20.12.2012 № 273-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law “On Education in the Russian Federation” from 20.12.2012 No. 273-FZ (last version)]. Web. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Access date: 01.12.17). (In Russ.)
4. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh (red. ot 07.03.2018) [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (Version from 07.03.2018)]. Web. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Access date: 01.12.17). (In Russ.)
5. FPG Child Development Institute. Web. URL: <http://fpg.unc.edu/> (Access date: 01.12.17).
6. Lesnaya akademiya [Wooden Academy]. Web. URL: <http://www.dporudn.ru/learning/wooden-academy/> (Access date: 01.12.17). (In Russ.)
7. Hispanic Institute — Child Trends. Web. URL: <https://www.childtrends.org/hispanic-institute/> (Access date: 01.12.17).
8. Lou, C., D. Hanson, Fortuny K., and M. Simms. Visualizing Trends for Children of Immigrants. Web. URL: <http://apps.urban.org/features/children-of-immigrants/> (Access date: 01.12.17).

9. Madziva, R., S. McGrath, and Thondhlana J. 2016. “Communicating Employability: the Role of Communicative Competence for Zimbabwean Highly Skilled Migrants in the UK”. *Journal of International Migration and Integration* 1 (17): 235—252. doi: 10.1007/s12134-014-0403-z
10. Doe, Ch. 2014. “Diagnostic English Language Needs Assessment (DELNA)”. *Language Testing* 31(4): 537—543. doi: 10.1177/0265532214538225
11. Sbertoli, G., and H. Arnesen. 2014. *Language and Initial Literacy Training for Immigrants: the Norwegian Approach*. *Language Issues in Migration and Integration: Perspectives from Teachers and Learners*. London: British Council publ. Print.
12. Kobayashi, Y. 2014. “Language Education for Migrant Workers and their Social Integration in Japan”. *Global Migration Research Paper* 8: 65. Print.
13. Dudko, S.A. 2014. K voprosu ob obuchenii detei migrantov v Rossii [Concerning the Question of Teaching Children of Immigrants in Russia]. *Secondary Education in Russia* 3: 221—224. (in Russ.)
14. Zborovskii, G.E., E.A. Shuklina, and Zasyppkin V.P. 2015. “Obrazovatel’nye i adaptatsionnye praktiki detei migrantov v usloviyakh mezhnatsional’noi intolerantnosti” [Educational and Adaptation Practices of Migrants Children in the Conditions of International Intolerance]. *Ural Federal University Journal of Issues in Education, Science and Culture* 1: 70—83. (In Russ.)
15. Nauchno-uchebnaya laboratoriya “Sotsiologiya obrazovaniya i nauki” (“Slon”) [Scientific and Educational Laboratory “Sociology of Education and Science” (“Slon”)]. Web. URL: <https://slon.hse.ru/> (Access date: 01.12.17). (In Russ.)
16. Guseva, E.Yu., E.A. Dvorkina, and Polyakova Yu.D. 2016. *Fizika — 7: uchebnoe posobie po russkomu yazyku dlya shkol’nikov s rodnym nerusskim*. [Physics — 7. A Tutorial on Russian for School children with their Native non-Russian Language]. St. Petersburg: Zlatoustpubl. Print. (In Russ.)
17. Kulibina, N.V. 2015. *Zachem, chto i kak chitat’ na uroke. Metodicheskoe posobie dlya prepodavatelei russkogo yazyka kak inostrannogo* [Why, What and How to Read at the Lesson. A Methodical Guide for Teachers of the Russian Language as a Foreign Language]. St. Petersburg: Zlatoust publ. Print. (In Russ.)
18. *Russkii yazyk dlya nashikh detei. Uchebno-trenirovochnyi kontent i metodicheskie materialy dlya podderzhki obrazovatel’noi deyatel’nosti na russkom yazyke* [Russian Language for Our Children. Training Content and Methodological Materials to Support Education in Russian]. Web. URL: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/> (Access date: 01.12.17). (In Russ.)

Article history:

Received: 02.04.2018

Accepted: 09.08.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Funding:

The project is carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Government of the Tyumen Region (grant in the form of a subsidy as a part of implementation of 5.4 Federal Program of Education Development for 2016—2020 “Support for Innovation in the Development and Monitoring of the Education System”, Lot 3: Integration of Schoolchildren from Migrant Families to the Educational Process).

Conflict of interests: none

For citation:

Dracheva, S.O., and E.V. Tumakova. 2018. “The Regional Project “Technologies in Language and Cultural Adaptation of Children of Immigrants from the CIS Countries”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 584—595. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-584-595

Bio Notes:

Svetlana O. Dracheva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University. E-mail: s.o.dracheva@utmn.ru

Elena V. Tumakova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University. E-mail: e.v.tumakova@utmn.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-596-604

Культурная идентичность будущего учителя-филолога в билингвальных условиях

Н.В. Медведева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

В статье исследуется понятие «культурная идентичность» студента-филолога национально-коми-пермяцко-русского отделения педагогического университета с позиции родного и русского языков. На этой основе определяется позиция русского языка как ценностного ориентира развития личности билингва для успешной его социализации и адаптации в условиях русской учебной коммуникации в вузе и в русскоязычном пространстве города Перми. Наряду с родным языком студент-билингв должен успешно овладевать русским языком как государственным, языком специальности, языком профессии (учитель русского языка и русской литературы) для обучения учащихся коми-пермяков в билингвальных условиях Коми-Пермяцкого автономного округа. В этой связи актуализируются языковые маркеры культурной идентичности билингва в коми-пермяцко-русской языковой среде с позиции русского языка.

Ключевые слова: культурная идентичность, родной язык, русский язык, ценностный ориентир, коми-пермяцко-русский билингвизм, билингвальное обучение

1. Введение

В последнее время феномен идентичности становится объектом активного научного осмысления ряда гуманитарных наук. Трактовки понятия идентичности и идентификации личности рождают зачастую прямо противоположные суждения: от ставших традиционными и закрепившихся в научном дискурсе, таких как идентичность — самоотождествление личности с социальной, этнической, культурной, языковой, гендерной и другими группами на основе принятия ценностей и ценностных ориентаций этих групп, до отрицания феномена идентичности. В статье Е.С. Ощепковой, В.П. Синячкина «Роль ценностей в формировании идентичности» ставится вопрос о том, есть ли идентичность вообще. По мнению авторов, в традиционных замкнутых культурах бессмысленно ставить вопрос об идентичности, поскольку самоотождествление определено этнической группой; кроме того, в современных мультикультуральных обществах индивиды постоянно примеряют на себя различные идентичности, играя различные социальные роли. Это же приводит и к постоянной смене ценностных ориентиров, к их довольно беспорядочной иерархии. В таких сообществах человек может менять все: место жительства, конфессию, национальность, гендер. В этом случае встает вопрос о том, можно ли говорить в таких условиях о какой бы то ни было идентичности или устоявшейся ценностной шкале [1. С. 202].

Понятие «культурная идентичность» определяется в разных научных исследованиях. Дефиниция, данная Т.Г. Грушевицкой, А.П. Садохиним следующая: «Культурная идентичность — это осознанное принятие человеком соответствующих культурным норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего “я” с позиций тех характеристик, которые приняты в данном обществе, самоотождествление себя с культурными образцами именно этого общества» [2. С. 54].

Целью настоящего исследования является определение роли русского языка как ценностного ориентира в формировании культурной идентичности билингвальной личности будущего учителя-филолога в процессе обучения в педагогическом университете на основе диагностики показателей динамики ценностей и ценностных ориентаций с позиции родного и русского языков.

Материалы и методы. Для решения поставленной проблемы используются методы диагностики ценностей и ценностных ориентаций студентов-билингвов коми-пермяков: анкетирование и интервьюирование, а также обработка эмпирических данных. В этой связи подчеркивается осознание ценности русского языка как инструмента обучения в вузе, как учебного предмета для обучения школьников в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма, как ресурса социализации и коммуникации вне территории бытования родного этноса в изменяющихся жизненных и профессиональных условиях, что позволит определить траектории развития для личности будущего учителя-филолога в условиях коми-пермяцко-русского двуязычия.

2. Обсуждение и результаты

Думается, понятие идентичности личности национально-русского билингва должно быть уточнено следующим положением: это самоидентификация в двойной парадигме характеристик: этнического и русского.

Необходимо констатировать: культурная идентичность национально-русского билингва является многослойной, поскольку фиксируется не только с позиций «моего» этносоциального, этнокультурного, этноязыкового, но и с позиций «другого» — общегосударственного, русского культурного, русского языкового.

Нам кажется обоснованным утверждение, принятое в науке, о том, что идентичность как феномен всегда связана с культурой, следовательно, изучение любой идентичности невозможно вне вопросов культуры социума, с одной стороны, и культуры личности — с другой. Такое широкое понимание культурности поддержано рядом научных исследований в области социологических и культурологических наук. Е.П. Матузкова пишет: «Это и есть тот “каркас”, тот “иммунитет”, которые вырабатывает каждая из культур в процессе диалога с другими культурами и “метакультурой” в целом» [3. С. 62]. Определяя такое широкое понимание «культурности» идентичности, мы считаем целесообразным рассмотрение этого феномена в системе более широкого контекста: этно-, социо-, лингвокоординат билингва.

Динамика языковых характеристик в системе культурной идентификации коми-пермяков обоснована общими историческими и социокультурными законо-

мерностями жизни финно-угорских этносов: «Коми, коми-пермяки, удмурты, мари́йцы, мордва — преимущественно аграрные этнические сообщества и на селе в своих регионах обычно численно доминируют, а потому тут роль финно-угорских языков остается весомой. Иная ситуация наблюдается в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах, в том числе в семейном общении представителей этнических меньшинств. Ныне же финно-угры в составе городского населения республик и округов ... стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду...», — отмечают Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко, Н.В. Шилов [4. С. 93—94].

В кругу педагогических исследований, касающихся диагностики идентичности личности в русле полиэтнического и би-, полилингвального образования, известны работы И.В. Кожанова по диагностике формирования гражданской идентичности у студентов в процессе непрерывного образования [5]; Н.А. Евгеньевой по развитию и диагностике культурной идентичности личности в процессе лингвистического образования (на примере иностранных языков) в условиях высшей школы [6]; Д.С. Батарчука по диагностике социологического компонента российской гражданско-культурной идентичности студенческой молодежи на основе когнитивного, эмоционально-ценностного, мотивационно-ценностного, регулятивно-поведенческого компонентов [7]; М.В. Шуклиновой по диагностике студентов провинциальных вузов на основе индикаторов национально-культурной идентичности с позиции ценностей национального государства и культуры своего этноса [8].

Мы обратимся к анализу ценностных ориентаций билингва коми-пермяка с позиции русского языка как составляющей его культурной идентичности. В подготовке будущего учителя циклы учебных дисциплин лингвистического и лингвометодического характера имеют важное значение. От нового поколения выпускников национальных отделений педагогических университетов требуется не только освоение предметного содержания, но и способность выходить за рамки очерченной педагогическим процессом ситуации, а следовательно, оперативно адаптироваться к новым условиям коммуникации в профессии и жизни. Такую свободу в условиях билингвального социума молодому специалисту, безусловно, может дать сформированная культурная идентичность, сердцевину которой составляют укорененность в родной и русской культуре, владение родным и русским языком.

Нам представляется очень важным утверждение Н.Л. Смакотиной, Н.А. Хвля-Олинтер о том, что именно языковой компонент, маркирующий культурную идентичность личности, позволяет ей не только успешно реализовываться в коммуникации, но и определять свои роли в социуме на основе осознания ценности языка на когнитивном, ментальном, функциональном и эмоциональном уровне [9. С. 59—79].

Таким образом, культурная идентичность личности национально-русского билингва — это самоидентификация в двойной парадигме характеристик — родного и русского — социумов, культур, языков. В связи с этим необходимо определить, насколько функционален потенциал билингвальной личности, который

является более объемным, чем у монолингва, за счет «спаянности» языков, насколько пластично «сопряжение» родного и русского языков в русской речевой коммуникации, как это помогает студенту-билингву ощущать язык как ценность, определять ценностные ориентации с позиции языка для жизни и будущей профессии.

В ходе исследования была осуществлена диагностика динамики языковых показателей культурной идентичности (родного и русского языков) студентов-билингвов коми-пермяцко-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. В диагностике участвовало 63 студента (1–5 курс). Все они приехали на учебу в основном из сельской местности, получили образование в школах Коми-Пермяцкого федерального округа, идентифицируют себя как коми-пермяки. Диагностика осуществлялась в системе этно- и социохарактеристик.

Целью диагностики было выявление языковых предпочтений личности с позиции русского или родного языка. Формирование культурной идентичности определялось через показатели ценности языков для социализации и ценностных языковых ориентаций для будущего учителя-филолога в условиях коми-пермяцко-русского двуязычия.

Методами диагностики было шкалирование, предполагающее оценить баллами (от 0 до 8) каждый из предложенных критериев, и уточняющее интервьюирование, позволяющее получить развернутые суждения, репрезентирующие цифровые данные.

Критерии представлены в виде диаграмм, в которых синим цветом (светлым фоном) отмечены показатели родного коми-пермяцкого языка, красным цветом (темным фоном) — русского языка (рис. 1, 2).

Критерий 1. Насколько ценен для Вас: а) родной язык; б) русский язык?

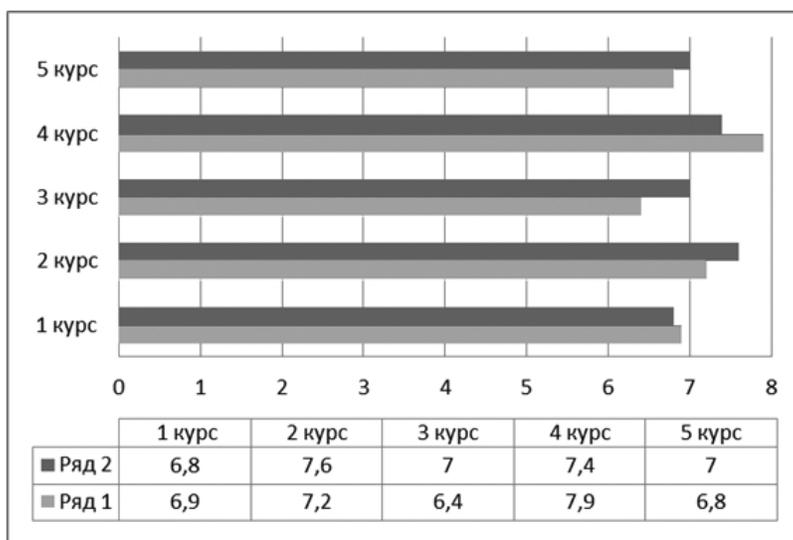

Рис. 1. Показатели родного и русского языков как ценностных составляющих культурной идентичности студентов коми-пермяков

[Fig. 1. Indices of Russian and native language as value guidelines of Komi-Permyak students cultural identity]

Критерий 1 отражает динамику культурной идентичности с позиции осознания ценности родного и русского языков студентами от первого к пятому курсу обучения. Показатели позволяют констатировать, что на разных курсах студенты по-разному репрезентируют маркеры языковой ценности: можно заметить незначительное увеличение показателей с позиции русского языка (от 6,8—7 баллов) от первого к пятому курсу; показатели с позиции коми-пермяцкого языка остаются примерно на одном уровне (6,9—6,8 балла). Ответы на аналогичный вопрос в интервью подтверждают показатели рис. 1.

Респонденты не исключают ценности обоих языков и хотели бы, чтобы языки были равноценными в их коммуникации.

Пример утверждения с позиции родного языка

Коми-пермяцкий язык ценен, потому что он мой родной, он связывает меня с моими близкими, моими друзьями, это мой первый язык, который я освоила. А сейчас — это язык, который помогает мне осваивать еще и профессиональное пространство; жаль только, что коммуникация на родном языке существенно сократилась.

Пример утверждения с позиции русского языка

Ценность русского языка и русской культуры в том, что я принадлежу к русскому народу, что живу в России, здесь мой дом.

Пример утверждения с позиции родного и русского языков

Родной язык и русский язык сейчас находятся в равных позициях. Я думаю, что когда я жила дома, коми-пермяцкий язык я меньше любила. Сейчас к коми-пермяцкому языку сменилось отношение: появился интерес его изучать в университете, раньше я думала, что в коми-пермяцком языке нечего изучать, а сейчас вижу, что его интересно изучать в научном смысле.

Критерий 2. Насколько перспективен для Вас: а) для вас родной язык; б) русский язык?

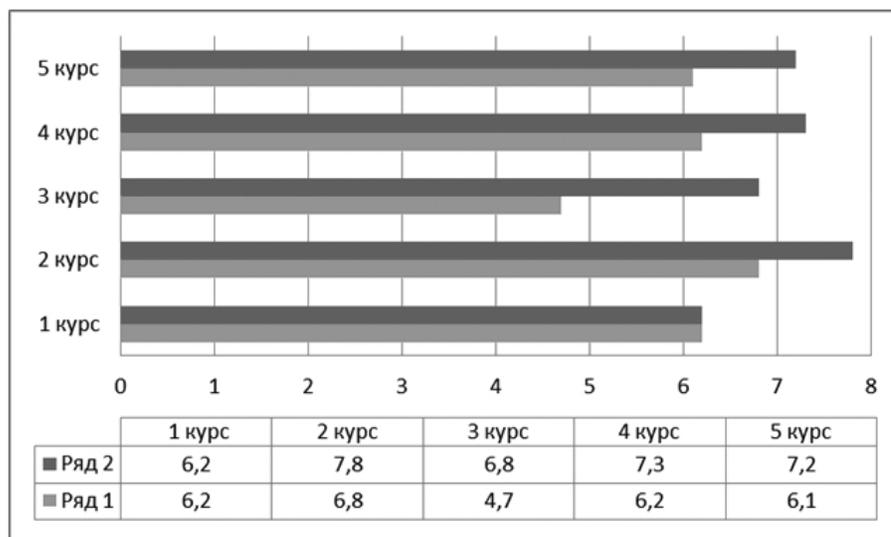

Рис. 2. Показатели родного и русского языков как ценностных ориентиров в системе культурной идентичности студентов коми-пермяков
[**Fig. 2.** Indices of Russian and native language as value guidelines in the system of Komi-Permyak students cultural identity]

Критерий 2 отражает ценностные ориентации личности билингва с позиции родного и русского языка. На первом курсе студенты-билингвы определяют равные ценностные ориентации для родного и русского языка. В процессе обучения в вузе и «вживания» в почву города показатели ценностных ориентаций перемещаются к предпочтениям русского языка (зафиксированы на диаграмме красной шкалой). Ответы респондентов в уточняющем интервью подтверждают данные диаграммы.

Пример утверждения с позиции русского языка

В дальнейшем планирую работать в русской школе. Скорее всего, не в округе. Планирую остаться в Перми, поэтому развиваю все-таки больше русский язык.

Приоритетен русский язык и для педагогической деятельности в школе, и для жизни, но хотелось бы, чтобы языки были наравне востребованы, хотелось бы иметь качественную коммуникацию на родном и русском языках.

Однако респонденты выражают и особые мнения, например:

Родной язык перспективен в том случае, если я буду заниматься научной деятельностью, если буду что-то исследовать в родном языке, а это очень интересно... Продолжение обучения на родном языке и работа преподавателем вуза, например, в Финляндии, меня привлекает.

В приоритете коми-пермяцкий язык. Я собираюсь в деревню, в свою родную школу, и буду преподавать родной и русский языки.

Языки, родной и русский, в процессе билингвального высшего образования имеют для студентов-филологов, которые готовятся стать учителями, самостоятельную ценность, ими осознаваемую, и рассматриваются не только как средство коммуникации, но и как интеллектуальный, нравственный и эстетический ресурс, позволяющий личности развиваться, уверенно чувствовать себя в билингвальном социуме и осознавать языковые стороны культурной идентичности как свои сильные позиции.

По словам А.Д. Дейкиной, «билингвальное образование расширяет границы образованности, делает человека коммуникативно более свободным, открывает новые интеллектуальные возможности, меняет способ мышления (однолинейное на мультимедийное и объемное), переводит механические пути на осознанные, усиливает ресурсы диалога. Языковая среда учащихся в современной образовательной ситуации все чаще представляется как полиязыковая (поликультурная). Билингвальная личность, владеющая русским языком и другим языком, русским как государственным и другим как родным, русским и другим как государственными и родными языками, характеризуется лингвистической активностью, позволяющей легко переходить с одного языка на другой» [10. С. 1168].

3. Выводы

Культурная идентичность будущего учителя-филолога билингва формируется комплексом характеристик и имеет два контура: контур родного и русского. Культурную идентичность с позиции языковых маркеров билингва целесообразно

рассматривать в контексте этно-, социокультурных составляющих; она проявляется в деятельности, маркирует деятельность, в том числе и коммуникативную.

Динамика культурной идентичности с позиции языков репрезентируется предпочтениями выбора языковых кодов в пользу родного или русского языка в зависимости от условий коммуникации и ситуации общения.

Для билингвальной личности студента — коми-пермяка характерно осознание ценности каждого языка, владение им он совершенствует в процессе филологического образования на коми-пермяцко-русском отделении педагогического университета, а вот ценностные ориентации личности будущего учителя, формирование траекторий развития билингва, его будущая социализация связаны прежде всего с выбором русского языка, предпочтениями коммуникации на русском языке как более перспективном для реализации собственных целей и задач.

Список литературы

1. *Ощепкова Е.С., Синячкин В.П.* Роль ценностей в формировании идентичности // Вестник ЧГПУ. 2013. № 2. С. 199—206.
2. *Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П.* Культурология. М.: Юнити-Дана, 2010.
3. *Матузкова Е.П.* Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 62—68.
4. *Шабает Ю.П., Денисенко В.Н., Шилов Н.В.* Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров РФ // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 92—106.
5. *Кожанов И.В.* Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования // Интернет-журнал Науковедение. 2015. № 5 (30). С. 200.
6. *Евгеньева Н.А.* О развитии культурной идентичности личности студента университета в процессе лингвистического образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 3. С. 38—49.
7. *Батарчук Д.С.* Специфика формирования российской гражданско-культурной идентичности студенческой молодежи // Акмеология. 2014. № 2. С. 60—69.
8. *Шуклинова М.В.* Национально-культурная идентичность студентов провинциальных вузов: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
9. *Смакотина Н.Л., Хвьяля-Олинтер Н.А.* Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки // Вестник Московского университета. 2010. № 2 (18). С. 59—79.
10. *Дейкина А.Д.* Русский язык в современной образовательной модели билингвизма: когнитивность — коммуникативность — креативность // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы V Конгресса РОПРЯЛ (Казань, 4—8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С. 1167—1170.

© Медведева Н.В., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 24.02.2018

Принята к публикации: 09.08.2018

Модератор: С.В. Дмитриук

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Медведева Н.В. Культурная идентичность будущего учителя-филолога в билингвальных условиях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 596–604. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-596-604

Сведения об авторе:

Медведева Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: basha_n@mail.ru

Future Teacher-Philologist's Cultural Identity in Bilingual Environment

N.V. Medvedeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russian Federation

'Cultural identity' concept of a student-philologist at national Komi-Permyak-Russian department of pedagogical University from the perspective of native and the Russian languages is examined in the article. The position of the Russian language as a value guideline for the development of bilingual personality for his/her successful socialization and adaptation in conditions of Russian educational communication at the university and in the Russian-speaking environment of Perm city is determined. Along with native language, student-bilingual should successfully master the Russian language as official one, the language of major, profession (teacher of Russian and Russian literature) to teach Komi-Permyak students in bilingual environment of Komi-Permyak National Okrug. Linguistic markers of bilingual cultural identity in Komi-Permyak-Russian linguistic environment are foregrounded from the perspective of the Russian language.

Key words: cultural identity, native language, the Russian language, value guideline, Komi-Permyak-Russian bilingualism, bilingual education

References

1. Oschepkova, E.S., and V.P. Sinyachkin. 2013. "Rol' cennostey v formirovanii identichnosti" [The Role of Values in the Formation of Identity]. *Vestnik ChGPU*. 2: 199–206. Print. (In Russ).
2. Grushevickaya, T.G., and A.P. Sadokhin. 2010. *Kul'turologiya* [Culturology]. Moscow: Yuniti-Dana. Print. (In Russ).
3. Matuzkova, E.P. 2014. "Kul'turnaya identichnost': k opredeleniyu ponyatiya" [On "Cultural Identity" Term]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* 2: 62–68. Print. (In Russ).
4. Shabayev, Yu.P., V.N. Denisenko, and Shilov N.V. 2009. "Yazyk I etnichnost': discussii o yazykovoy politike v regionakh prozhivaniya finno-ugrov RF" [Language and Ethnicity: Discussions on Language Policy in the Finno-Ugric Regions of the Russian Federation]. *Etnograficheskoye obozreniye* 2: 92–106. Print. (In Russ).
5. Kozhanov, I.V. 2015. "Formirovaniye grazhdanskoi identichnosti lichnosti v processe etnokul'turnoi socializacii v sisteme nepreryvno oobrazovaniya" [Formation of the Civic identity of the individual in the Process of Ethnocultural socialization in the system of Continuous Education]. *Internet-zhurnal Naukovedeniye*. 5 (30): 200. Web. (In Russ).

6. Evgenyeva, N.A. “O razvitii kul’turnoy identichnosti lichnosti studenta universiteta v processe lingvisticheskogo obrazovaniya” [On the Development of the Cultural Identity of a Student in the Process of Linguistic Education]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 3: 38—49. Print. (In Russ).
7. Batarchuk, D.S. 2014. “Specifika formirovaniya grazhdansko-kul’turnoi identichnosti studencheskoi molodezhi” [The Specifics of the Formation of the Russian Civil and Cultural Identity of Students]. *Akmeologiya* 2: 60—69. Print. (In Russ).
8. Shuklinova, M.V. 2010. “Nacional’no-kul’turnaya identichnost’ studentov provincial’nykh vuzov” [National and Cultural Identity of Students from Provincial Universities]. PhD in Sociology Thesis. 22.00.06, Moscow. Print. (In Russ).
9. Smakotina, N.L., and N.A. Khvylya-Olinter. 2010. “Nacional’no-kul’turnaya identichnost’ molodezhi: sociologicheskii metod ocenki” [National-Cultural Identity of Youth: a Sociological Method of Assessment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 2 (18): 59—79. Print. (In Russ).
10. Deikina, A.D. 2016. *Russkiy yazyk v sovremennoi obrazovatel’noi modeli biligvizma: kognitivnost’ — kommunikativnost’ — kreativnost’* [Russian language in the Modern Educational Model of Bilingualism: Cognitiveness — Communication — Creativity] in *Dinamika yazykovykh I kul’turnykh processov v sovremennoi Rossii Proceedings*. (Kazan’, October 4—8, 2016). St. Petersburg: ROPRYAL. Print. (In Russ).

Article history:

Received: 24.02.2018

Accepted: 09.08.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Medvedeva, N.V. 2018. “Future Teacher-Philologist’s Cultural Identity in Bilingual Environment”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 596—604. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-596-604

Bio Note:

Natalia V. Medvedeva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Russian at Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: basha_n@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-605-617

Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова

К.Б. Уразаева, Ш.К. Жаркынбекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва
Республика Казахстан, 010000, Астана, ул. Сатпаева, 2

Статья посвящена изучению художественного билингвизма — его природы, структуры — с учетом способов создания национальной картины мира. Исследование проблемы на материале лирического сборника Бахытжана Канапьянова «Векзамеры» создает возможность установления связи между жанровым синтезом его поэзии и традициями казахской мифологии, казахского фольклора, русских литературных традиций, в том числе футуризма и социалистического реализма, военной лирики и оттепельной культуры.

С использованием методов филологического, формального и комплексного анализа лирического текста описана модель художественного билингвизма, рассмотрена специфика философско-мировоззренческой системы мышления двуязычного поэта.

Исследование художественного билингвизма Канапьянова позволило выявить источники жанрового синтеза, базирующиеся на системе оригинальных авторских стратегий: синтез символических образов, метафорики казахской мифологии и героико-романтического эпоса, силлабической метрики с поэтикой русского футуризма и тенденциями соцреалистического плана. Обобщены преобладающие мотивы, темы и лирические сюжеты поэзии Канапьянова. Выявлены признаки автобиографического жанра в сочетании с формой монолога и диалога с имплицитным читателем и миром. Охарактеризован хронотоп лирического мира Канапьянова. Исторические и культурные мифологемы в поэзии Канапьянова показаны с точки зрения социальных и национальных резонансных событий, установлена связь со стилизацией восточной традиции и гиперболой соцреалистического канона.

Полученные в работе результаты представляют практическую и теоретическую ценность для применения методик анализа художественного текста, изучения современной казахской русофонной литературы, для понимания специфики процессов межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: казахская русофонная поэзия, художественный билингвизм, национальная картина мира, Бахытжан Канапьянов, жанровый синтез

1. Введение

Известный казахстанский поэт, пишущий на русском языке, издатель, автор книг поэзии и прозы, вышедших в издательствах Казахстана, России, Украины, США, Великобритании, Канады, Кореи и Малайзии на более чем 20 языках мира, Бахытжан Канапьянов пишет: «Я — сторонник рафинированного восприятия культуры, языка. Каждый должен нести свой крест. Мой крест как поэта, издателя — нести зерна культуры, зерна взаимопонимания. Мне здесь ближе принцип Иосифа Бродского: “Поэт должен быть космополитом. Для него родина — вся

земля» [1. С. 8]. Это признание поэта объясняет присутствие в его книгах языков знаковых понятий, образов, мотивов, эмблематики культур народов мира. Но наиболее последовательно на мироощущении и поэтическом словаре Канапьянова сказался синтез двух культур: родной, казахской — с ее силлабикой, фольклорно-мифологической поэтикой и русской — с ключевыми концептами, архетипами, прецедентными именами. Для произведений Канапьянова характерен жанровый синтез. Его художественные тексты могут совмещать жанровые стратегии эпистолярного письма и документальной прозы, элегии и философской оды, высокого книжного слога и романтической ностальгии, социальную патетику плаката и пронзительное откровение исповеди.

Литературная судьба Канапьянова уже несла в себе предпосылки билингвизма. Первые поэтические произведения Бахытжана Канапьянова увидели свет на страницах республиканского журнала «Простор» в 1975 году. Окончание Литературного института было ознаменовано выходом трех поэтических сборников — «Ночная прохлада» (1977), «Отражения» (1979) и «Чувство мира» (1982). Другие его известные сборники: «Ветвь» (1985), «Линия судьбы» (1987) [9], «Аист над Припятью: стихи и проза» [2], «Кочевая звезда: стихи и поэмы» [6], «Горная окраина» (1995), «Время тишины» (1995), «Над уровнем жизни» (1999), «Тикшырау» (дословно: взлет, устремление) (2001), «Каникулы кочевья» (2003), «Плывут облака» (2003), «Смуглая Луна» (2006).

Канапьянов известен и как прозаик, сценарист и режиссер. Его проза представлена произведениями «Бахчисарай» [3; 4]; «Кофе-брейк» [5]; рассказом «Летний кинотеатр» и повестью «Светлячки» [1]. Не менее известен Канапьянов — переводчик казахского фольклора [6], поэзии средневековых поэтов-сказителей жырау казахской и восточной классики — А. Кунанбаева, Ш. Кудайбердиева, М. Утемисова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева, С. Сейфуллина, Д. Джабаева, К. Азербаяева, С. Муканова, Н. Байганина, Кашагана, Н. Хикмета, И. Искандерова, О. Султанова.

Стихотворения Б. Канапьянова легли в основу музыкальных произведений: «Элегия» (муз. Насера Кульсариева); «Астана» (муз. Давида Тухманова). В 1995 году в Америке была опубликована книга Б. Канапьянова в переводе Петера Оресика «Время тишины» (1995 г.). Поэт пришел к английскому читателю благодаря Ричарду МакКейну, известному переводчику Н. Гумилёва, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Абая (через русские переводы).

Результатом общественной деятельности Канапьянова стало создание литературных объединений «Литературная Азия» и «Литературная Алма-Ата».

Поворотным в судьбе поэта было стихотворение «Позабитый мной с детства язык» (1986), ставшее причиной его гонений в последние годы Советской власти. О преследованиях поэта после опубликования в журнале «Простор» этого стихотворения повествуют статья Валерии Маричевой «Пусть это будет нашим секретом» в «Казахстанской правде» и книга В. Бадикова «Линия судьбы» [7] о поддержке поэта сотрудниками журнала «Простор».

Стихотворение посвящено известному казахстанскому скульптору, одному из авторов государственного герба Республики Казахстан Шоте Валиханову. Тема национальной идентичности, рожденная прозрением, осознанием прерванной/

утраченной связи с предками, народом и национальной культурой, когда родной язык осознается как ствол, соединяющий личность с ее корнями, не случайно зазвучала с особой остротой в годы перестройки.

В жанровом отношении стихотворение приняло форму обращения к имплицитному собеседнику. А поводом стало осознание происходящей национальной катастрофы, когда под флагом билингвизма, политизации вопросов этноса происходило размывание чувства гордости, этнической принадлежности. Знаковой является фигура имплицитного собеседника лирического героя, ведь Шота является потомком Чокана Валиханова, первого казахского путешественника, этнографа, философа, друга Ф. Достоевского. Шота Валиханов генетически принадлежит к той ветви казахов, представители которой генеалогией, судьбой, устремлениями, деятельностью воплощают идеи естественного интернационализма.

Лирический герой Канапьянова повествует о драме вынужденного отрицания корней, когда утрата родного языка становится символом утраты собственного лица, личностной идентификации.

Позабывтый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.

Многоличие как следствие двуязычия и проявление нивелировки личности, сомнительное с точки зрения этических и духовных ценностей приобретение, становится фактом личной, частной и вместе с тем общей трагедии казахов.

Я пойму неизвестного мне
Уходящего аборигена,
Но, когда среди ночи во сне
Перед предком склоняю колено ...

Понимание как антиценность, выявившая для лирического героя его духовное и экзистенциальное одиночество, оборванную связь с предками, ставит героя перед дилеммой, требующей осознания истины и прозрения. Мифологический подтекст, структурированный мотивом сна, усиливает символику тишины как беспощадного времени откровения. Уподобление человека, отринувшего корни, «пришельцу из тяжкого плена», равнозначно враждебности, сниженной «усмешкой» предка: «Ты меня недостойная смена». Такой потомок недостойн доверия и веры. Произошедший распад личности — это приговор предка потомку, тишина словно метафоризирует невозможность оправдания для героя, делая очевидным признание его вины. Сознание и вера как оппозиционные категории, разделившие предка и потомка, — основание для метафизического приговора предка потомку.

В научном отношении инвективу стихотворения с явным политическим подтекстом можно сопоставить с теорией принципа кооперации и сопутствующей максимы, которые вместе регулируют обмен информацией между лицами, участвующими в коммуникативном процессе. Так, Грайс в контексте данной теории

разработал систему максимумов и условий, при которых эти максимумы могут быть нарушены [8]. По убеждению ученого, эти нарушения объясняют появление импликатур в коммуникативном событии. Например, когда говорящий говорит о том, что кажется несущественным, можно предположить что, если говорящие продолжают наблюдать за коммуникативным событием, он действительно намерен сообщить что-то важное, но делает это неявно, т.е. имплицитно. Целью Грайса было установить набор общих принципов с целью объяснить, как пользователи языка передают косвенные (indirect) значения в коммуникативном событии (так называемые диалоговые импликатуры, т.е. подразумеваемые значения, которые должны быть выведены из того, что сказано явно, на основе логического вывода). Не случайно стихотворение Канапьянова стало причиной его отстранения от общественной и литературной деятельности на какой-то период.

Актуальность настоящей работы обусловлена возможностью изучения природы и структуры художественного билингвизма на материале поэзии Бахытжана Канапьянова, позволяющей выделить закономерные для жанрового синтеза явления. Изучение философско-эстетических стратегий поэта создает возможность систематизации жанровых форм в лирике казахского поэта, выявление национального своеобразия и влияния русской литературной традиции на способы создания картины мира.

Целью статьи является выработка модели художественного билингвизма путем описания философско-мировоззренческих координат мышления, форм воплощения мышления и сознания двуязычного поэта. В связи с этим были использованы методы филологического, формального и комплексного анализа лирического текста.

Полученные результаты можно применить в курсах по истории анализа художественного текста, истории казахской литературы, межкультурной коммуникации. Предложенные выводы исследования заявленной проблемы способствуют восполнению лакунов в истории русской двуязычной литературы.

Особо следует выделить преимущества прагмалингвистического подхода, выработавшего механизм изучения аргументации. Так, в прагматодialeктическом подходе аргументация рассматривается как средство решения различия во мнениях о средствах критического обмена аргументационными действиями между двумя сторонами. В теоретической модели критического обсуждения указывается, какие аргументы на разных этапах обсуждения могут способствовать разрешению спора [10. С. 367—383]. Характер модели критического обсуждения объясняется следующим образом: «Теоретическая модель критического обсуждения диалектична, поскольку она основана на двух сторонах, которые пытаются разрешить разницу во мнениях средствами методического обмена дискуссионными движениями. Модель является прагматичной, потому что ход обсуждений описываются как речевые акты, так как высказывания формируются в конкретной ситуации и контексте» [9. С. 368]. Не случайно упомянутые работы ([9; 10]) в современной научной традиции являются основополагающими для изучения аргументативного дискурса [10].

Общественный резонанс стихотворения обусловлен верно выбранной поэтом стратегией иллюкативного воздействия на реципиента. В высказываниях с диа-

лектической аргументацией говорящий намеревается сделать свой тезис приемлемым по отношению к собеседнику в противовес демонстративным, где на первый план выходит достоверность информации. Поэтому такие доказательства относятся к неформальной аргументации, в отличие от формальной логической, так как воздействуют на мировосприятие реципиента. Таким образом, риторическую аргументацию следует относить к неформальной аргументации в персуазивном или убеждающем коммуникативном процессе, воздействующем на сознание реципиента [11. С. 1077—1115]. Так, риторическую аргументацию можно определить как коммуникативное умение доказательства, которое основывается на оценке картины мира реципиента и направляется на восприятие аудиторией.

2. Обсуждение

Лирика Канапьянова — это урбанистическая поэзия, испытавшая влияние номадического мышления. Если от казахского стихосложения в поэзии Канапьянова восприняты ритмический строй силлабики, то от русского футуризма унаследована четкость и плакатность акцентного стиха.

Категории памяти и совести приобрели у Канапьянова характер этических оценок времени. Устойчивость повторяющихся образов ребенка, сна, тропы (дороги), души, птицы, коней, отары, кобылицы, домбры объясняется национальными стереотипами, создающими чувство причастности автора к родной культуре. Определяющая роль фольклорно-мифологической символики, вызвавшей доминирование силлабических решений, типичных для казахского стихосложения, становится для поэта способом выражения национальной картины мира, мировоззренческих доминант, определяющих диалог лирического героя с миром. Вместе с тем открытость русской литературной традиции, культурному опыту мира обусловили в лирике Бахытжана Канапьянова жанровый синтез, симбиоз разных художественных стратегий.

Одно из проявлений билингвизма поэта, обусловившего его приверженность силлабике как эстетической стратегии выражения национального мироощущения, конструирования художественного мира, создания новых жанровых форм, привело к созданию понятия, ключевого для художественной системы Канапьянова. Это *векзаметры*, давшие название одноименному сборнику. Соединив стиховедческое понятие «гекзаметр» с многозначным «век», поэт создает оригинальный способ измерения отношений лирического героя, наделенного автобиографическими чертами, с миром. Форма личностного самоопределения в бытии коррелирует у поэта с масштабом и значимостью переживаемых им событий и переживаемого человеком кризиса, наступившего прозрения и понимания того, какова цена духовного спасения личности. Написанное силлабическим стихом произведение, программное для сборника, определило сквозной для книги образный ряд кочевников, батыров, романтизированных координатами номадического мышления.

Из хаоса в космос уходит векзаметр — вектор Вселенной.
Миф вплетается в явь — не раз угрожала Галлея хвостом,
Беспечность толпы на время сметала она. Исчезала... [12. С. 5].

Синтез воспоминания и философской лирики, использование анафоры создают идею исчерпанности времени, завершенности событий в стихотворении «Мальчик». Архетипы детства, дороги вводят типичный для всего творчества Канапьянова мотив диалога с двойником героя, его детством.

Высохли слезы, сгнил лист пожелтевший, а мальчик остался.
Птицы исчезли, скрылась лошадка, а мальчик в матроске
Стоит на обочине детства, взглядом меня провожая [12. С. 6].

Лирическая исповедь-монолог, социальная патетика и философское откровение обусловили жанровую стихию произведения «Мы на четверть видны были в жизни, на три четверти погружены». Итоговое произведение с выраженной социальной проблематикой тяготеет к онтологической лирике:

Ломка судеб, характера, голоса, ломка взглядов на время свое.
То, что было вне нашего возраста, заполнит все наше житье [12. С. 7],

вводит интонацию обобщения, автобиографическую откровенность монолога, когда слияние лирического героя, поэта с его временем и поколением — это знак его мира.

Для композиционной организации стихотворения «Черный ворон» характерна функция повтора. Иерархия смыслов: черный ворон как символ несвободы (с точки зрения реалий советской действительности), выстраивающийся в один ряд со звуковым образом («эхо мертвых площадей») и в аспекте фольклорно-мифологической семантики (как символ беды) противостоит метафоре коня. Этот образ из разряда номадического символического корпуса создает дополнительный смысл символически осмысленной свободы. Собираемость образа (косяк) реконструирует типичный для поэтики Канапьянова композиционный прием, основанный на оппозиции образов с положительной и негативной экспрессией. Образы «адовой метели» и «маленьких людей» сопоставимы с черным вороном, они определяют неявленный, неназванный круг несвободы и трагическую дихотомию, способ создания реминисценций — архетипа метели, трансформации ключевого концепта русской литературы, придания негативной коннотации понятию «маленькие люди». «Жажда мессы», «орган души» не очень удачные образы с еще менее удачными топонимами Одесса и Магадан — как полярными образами свободы/несвободы — усиливают социальную патетику текста, выявляя неслучайность перехода лирического «мы» к «я», выравнивая их семантическое тождество.

В стихотворении «За Садовым кольцом горизонт расширяется мой» имплицитные герои создают коллективный портрет, в котором четко различимы следующие образы: отец-фронтвик, лирический герой, ночной прохожий, таксист, участковый, неизвестный малыш в окне. Так создается лирическое полотно повествования.

Обстоятельная среда лирического повествования создается особым хронотопом, несущим печать номадического стиля Канапьянова. Это решение хронотопа, когда прошлое, актуальное настоящее и грядущее фиксируют границы времени и вместе с тем его целостность — один из факторов жанрового синтеза,

слома, трансформации в поэзии казахского автора. Здесь военный текст заключен в рамку московского текста. Отсюда такой способ снятия лирического напряжения: поэтический синтаксис с его «рваной», прерывистой строкой использование функции многоточия как способа организации текста с подразумеваемым продолжением, риторическим в своей основе, оформленным в сакраментальной формулировке:

Ну, так заполняй многоточье!
За это,
За то,
И за то, что...

Поэт возвращает нас к началу текста, вводя философию горизонта. Горизонт становится знаковым понятием, символизируя судьбу, перспективу.

Особая жанровая группа рассматриваемого сборника обусловлена греческой темой. Античность не только линия жанра путешествий, путевых заметок в лирике Канапьянова, но и ракурс измерения и осмысления вечности. Эту группу можно назвать условно эмблематичной, поскольку эмблематика европейской античности (Гомер, Эллада, Акрополь) создает не только греческий слой в стихах казахского поэта, но и герметичный пласт метафорической образности, задающий импульс постоянству Вечности как философской, онтологической, мировоззренческой категории. На другом полюсе Вечности — как закона смены эпох — категория, измеряющая не только пространственно-временные отношения лирического героя с миром, но и этическая категория, базовая для поэта ценность, ориентир в потоке бытия. Так, в стихотворении «Даже если душа прикорнула, как спящий ребенок» [12. С. 14] антагонизм двух пространств: *вдаль* и *где-то там* трансформируется в полярные чувства: «тихое чувство» и «нелегкие заботы». В настоящем акцентирована оценочная экспрессия: «смутные дни» с их «политикой», «демонстрациями», «митингами». Социально мотивированным реалиям противопоставлена романтическая эстетика «серебряной нити», «одичалой листвы», «раскрытого окна».

Ключевое для поэтики сборника понятие гекзаметра, синтезирующего для поэта стиховедческий смысл с философским понятием «век» вызвало к жизни дистих «Летописец»:

Где гекзаметр жизни пролегал, спотыкаясь о запятые,
Там камень точкой предстанет — и строку навсегда оборвет [12. С. 15].

Поэтика заглавия также симптоматична для определения кредо поэта как свидетеля эпохи, фиксирующего для потомков и будущего историю настоящего. Мотив летописца советской истории возрождает и стихотворение «Метаморфозы» [12. С. 25]. В строках «По дневникам отца я букв латинских горечь ощущал», ставших ключевыми для воссоздания духа «первых пятилеток», очевидна ложная романтика соцреализма. Обличением героя становятся бараки, АЛЖИР, Карлаг, образы деда, родных, исчезнувшей половины аула. Орнаментальная поэтика стихотворения «Метаморфозы» словно повторяет декоративный узор ковра. Визуально прочерченная арабская вязь: «В орнаменте ковра есть что-то от арабской

книжной вязи» — условная картография Великого шелкового пути и городов, дервиша у костра и отражения звезды в его глазах — способы создания восточного колорита. Восточная орнаментальная поэтика и соцреалистический канон выявляют сущность исторических и ментальных метаморфоз.

Одно из программных стихотворений «Плач смуглой луны» [12. С. 26] создает исключительно напряженный драматизм ночи перед взрывом, картину атомного века. Плач смуглой луны с ее золотыми слезами и радиоактивного столба выливается в карту ядерных испытаний — Чернобыль, Дегелен не только знаки человеческой катастрофы, но и плоды человеческого преступления, безумия, провоцирующего личное безумие героя как отрицание жизни.

Чабанскую псиною взвить бы на звезды с родного холма
И — не сойти с ума.

Тема полигона, облаченная в диалог с Абаем, еще одно проявление жанрового синтеза (стихотворение «К Абаю») [12. С. 27].

Поэтика дискретных единиц, запечатлевающих основные ценности мироздания для степняка, характеризует стихотворение «Степь» [12. С. 28]. «Степь поила меня молоком кобылицы / Помню, полынью горчило оно» — здесь синтезируются вкусовые, зрительные ощущения героя. Следующее стихотворение «Поезд в степи. Тамбур. Я и окно» воспроизводит цепь слуховых и зрительных ассоциаций, рожденных темой степи. Жанровый синтез проявляется и в поэтике фонетических созвучий паронимов. Корреляция «планетарий/пролетарий» и рифма «гравий» задает поэтику жанровых сдвигов. Символика запятой как дискретного знака времени и точки как знака завершения определяет поэтику синтаксиса и метафору «строки» как поэтического труда и символику гекзаметра как бытийного явления.

В группе произведений, сконцентрированных вокруг темы детства, можно выделить разные жанровые векторы. Так, в стихотворении «Сквозь крыло стрекозиное мир выплыл, казалось, из детства» вновь, как в стихотворении «Вечность прошла, что помнишь, двойник мой...», образ мальчика — двойника зрелого поэта — поднимает философскую проблему истинного и ложного, подлинных ценностей и мнимых, незамутненного взора на мир и иллюзии, заблуждений. Дилемма: «Это я или мальчик стоит? — память скрепила соседство» — способ установить мост между прошлым и будущим, лирическим героем в прошлом и в настоящем. Проблема отражения: «Здравствуй, мое отражение далекого детского года» — определяет не только симметрическую композицию текста, но и компромисс героя с двойником, их единство. Характерна цикличность обращений: стрекозиное крыло превратилось в стекло, «что не переплавится в чье-то крыло» [12. С. 16].

Мотив двойника образует и композицию стихотворения «На мотив старых часов» [12. С. 27—28]. Состоящее из трех неравномерных частей, произведение вскрывает суть заблуждения: «...приходим туда, откуда бы надо начать», реализуя мотив драматического прозрения при помощи антитезы: начала спешки жить и «после спешки». Антитеза «прошлого» и «настоящего», «прошлого» и «грядущего», «веселья» и «грусти», лирического Я и его двойника осмыслена в ключе, про-

тивоположном названию «На мотив старых часов», когда категоризм оппозиций и сентиментально-ностальгическая поэтика оппонируют друг другу, создавая неразрешимое противоречие времен.

Подгруппу стихотворений о детстве как ностальгической поре гармонии с миром представляет стихотворение «Я родом из детства, где яблоки зноем налиты» [12. С. 38–39]. Здесь билингвизм как соединение мироощущения кочевника и человека мира: «Я родом из юрты» / «Я родом из мира» — тяготеют к философской или онтологической лирике, поскольку сквозным мотивом является экзистенциальная вина: «Смотрим с виною и болью на эти закаты».

В жанровой группе философской лирики Канапьянова хронотоп чаще всего становится способом приближения к истине. Так, в стихотворении «Ласточка» лаконизм строфической организации текста (катрен) приводит к вертикали пространства, сопоставимой со ступенями познания истины. Гнездо ласточки — зерно мироздания — и балкон героя — нижний слой бытия, тень от гнезда на балконе и рассвет создают дополнительный световой пласт. Пластика луча и рассвета с импрессионистической выразительностью подчеркивает таинство познания. Зашифрованность, отсутствие прямых оценок, суггестивная поэтика недосказанности, намеков и недоговоренности оттеняют место данной группы стихотворений на фоне социально выраженной, атрибутированной лирики.

Самостоятельную жанровую группу, демонстрирующую богатство жанровых решений, образуют произведения, содержащие реминисценции. Таков «Медный всадник», где метонимическая логика героя и его создателя синтезирует Москву и Петербург как два текста русской культуры [12. С. 18]. Символика меди и белых ночей, змеиного яда становятся константами времени и поворотных моментов истории.

Московская группа стихов Канапьянова также богата вариациями жанровых форм. «Дворик» [12. С. 19] построен на контрасте «дворика затерянного» и «державной Москвы», «жильцов» и «пророков в кумирах». Жанровый синтез обусловлен сентименталистской традицией и пафосной романтики. Антиномичность хронотопа — устойчивый фактор жанрового синтеза лирики Канапьянова. В стихотворении «На мотив старых часов» [12. С. 27–28] — это непримиримость понятий миг и бесконечность.

Мифология казахского фольклора и поэтика героизма — факторы жанрового синтеза. Таковы мотив жертвоприношения (ягненок кудрявый, как «будущая жертва»), семиотика прозвищ коней знаменитых батыров (Шайкуйрык, Тайбурыл, Маникер, Кокжорга). Особую роль играют экзотизмы для русского читателя: *мазар* (погребальное сооружение), *саркыт* (гостинец, доля угощения с праздничного или поминального стола), *кумыс* (слабоалкогольный, кисломолочный напиток из кобыльего молока) как опознавательные знаки национального мироощущения в стихотворении, написанном в форме диалога с современником («Вечность прошла, что помнишь, двойник мой...»), реализует идею духовной/метафизической слепоты: «От этих поминок в долине степной на века я ослеп» — как желания прозрения у современников, противопоставленных предкам их героическому прошлому.

В группе лирико-исповедальных стихов Канапьянова можно выделить экзотизмы, образующие структуру образности, переводя сюжетную картинку в притчу с ее формулой обобщения. Например, в стихотворении «Когда солнце начнет скрываться за гору» автор отказывается от силлабики как способа создания монументального эпического повествования. Двухчастная композиция: монолог влюбленного юноши, предложение «белой горлинке» свидания — сменяется *остранением*, обобщением: «Может, так назначали встречу влюбленные / В племени саков в былом» и устанавливает связь поколений через повторяемость события любви. Сравнение длины теней с копьями неупомянутых, но подразумеваемых батыров: «Когда лягут от елей на длину копья тени» — редукция, кодирующая в экономии метафорических средств богатство способов выражения.

3. Выводы

Итак, художественный билингвизм Канапьянова, ставший источником жанрового синтеза, характеризуется системой оригинальных стратегий: 1) синтез корпуса символических образов, метафорики казахской мифологии и героико-романтического эпоса, силлабической стиха со зрелищной, активизирующей визуальные и слуховые образы поэтикой русского футуризма; 2) духовно-этический подтекст мотивики стиха; 3) автобиографический характер лирики Канапьянова оказал влияние на исповедальную форму монолога переходящего в диалог с имплицитным читателем и миром; 4) жанровая структура лирики казахского поэта конструируется синтезом лирической исповеди, социальной патетики и философских размышлений; 5) романтический хронотоп лирического мира Канапьянова — это «атрофия» границ прошлого, настоящего, будущего. И, наконец, исторические и культурные мифологемы в поэзии Канапьянова проявляют сущность социальных и национальных резонансных событий и явлений посредством стилизации восточной традиции и гиперболой соцреалистического канона.

Список литературы

1. *Канапьянов Б.* Светлячки // *Нива.* 2008. № 2. С. 89—119.
2. *Канапьянов Б.* Аист над Припятью: стихи и проза. Алматы: Жалын, 1987.
3. *Капаруанов В.* Bakhchisaray // *Dewan Sastera*, bil. 4, jilid 33. Kuala Lumpur, 2003, hlm. 51-53 (перевод на малайский В. Погадаева).
4. *Канапьянов Б.* Бахчисарай // *Нива.* 2003. № 12. С. 76—79.
5. *Канапьянов Б.* Кофе-брейк (Заметки, Эссе, Диалоги) // *Простор.* 2004. № 9. С. 57—131.
6. *Канапьянов Б.* Кыз-Жибек. Текст: лиро-эпическая поэма / пер. Б. Канапьянова. Алма-Ата, 1988.
7. *Бадиков В.* Линия судьбы: творчество Б. Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи. Алматы, 2002.
8. *Grice H.P.* Logic and conversation // *Syntax and Semantics 3: Speech arts.* New York: Academic Press, 1975.
9. *Eemeren F.H. Grootendorst van R.* Speech Act Conditions as Tools for Reconstructing Argumentative Discourse // *Argumentation*, 3. Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 367—383.
10. *Eemeren F.H. Grootendorst van R. S. Jackson. S. Jacobs.* Reconstructing argumentative discourse. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1993.

11. *Grasso F., Cawsey A., Jones R.* Dialectical Argumentation to Solve Conflicts in Advice Giving: a case study in the promotion of healthy nutrition // *International Journal of Human-Computer Studies*. Vol. 53. № 6. 2000. P. 1077–1115.
12. *Канапьянов Б.* Векзамеры: Стихи. Алматы, 2003.

© Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 27.06.2018

Принята к публикации: 22.09.2018

Модератор: У.М. Бахтиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К. Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2018. Т. 15. № 4. С. 605–617. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-605-617

Сведения об авторах:

Уразаева Куралай Бибиталыевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, декан филологического факультета. E-mail: zharkynbekova_shk@enu.kz; zharkyn.sh.k@gmail.com

Bilingualism and Genre Synthesis of Lyric Poetry of Bakhytzhhan Kanapyanov

K.B. Urazayeva, Sh.K. Zharkynbekova

L.N. Gumilyov Eurasian National University
2, Satpayev str., Astana, 010000, Kazakhstan

The article devoted to the study of an art bilingualism — its nature, structure — with the considerations of creation ways of a national world's picture. The problem research, which is based on the lyrical collection of Bakhytzhhan Kanapyanov “Vekzаметry”, gives a possibility to establishment of communication between genre synthesis of its poetry and traditions of the Kazakh mythology, the Kazakh folklore, the Russian literary traditions, including futurism and socialist realism, military lyrics and a political thaw culture.

The main aim of the article is developing a model of an art bilingualism. For this purpose it was required to describe the bilingual poet specifics of philosophical and world outlook system of thinking systemically and for the first time.

In order to solve the designated tasks, authors applied methods of the philological, formal and complex lyrical text analysis.

The research of Kanapyanov art bilingualism allows to reveal sources of genre synthesis, which is based on the original strategy system. Among them are: synthesis of symbolical images, metaphors of the Kazakh mythology and the hero-romantic epos, syllabic verse with poetics of the Russian futurism and with the tendencies of the socio-realistic plan.

The prevailing motives, subjects and lyrical plots of poetry of Kanapyanov were generalized. Signs of an autobiographical genre, combined with a form of a monologue and dialogue with the implicit reader and the world — were revealed. The chronotope of the lyrical world of Kanapyanov was characterized. Historical and cultural mythemes in Kanapyanov's poetry were shown in terms of the social and national resonant events. Connection with stylization of east tradition and a hyperbole of a socialist realism canon were established.

Obtained results introduce practical and theoretical value for application the techniques of the art text analysis, studying of modern Kazakh literature, for understanding the specifics of cross-cultural communication processes.

Key words: Kazakh poetry, art bilingualism, national picture of the world, Bakhytzhan Kanapyanov, genre synthesis

References

1. Kanapyanov, B. 2008. "Svetliachki" [Fireflies]. *Niva* 2: 89—119. Print. (In Russ.)
2. Kanapyanov, B. 1987. *Aist nad Pripiat'y: stikhi i proza* [Stork over Pripyat: Poetry and Prose]. Almaty. Print. (In Russ.)
3. Kanapyanov, B. 2003. *Bakhchisaray* [Bakhchisarai]. *Dewan Sastera* 4: 33. Kuala Lumpur.
4. Kanapyanov, B. 2003. *Bakhchisaray* [Bakhchisarai]. *Niva* 12: 76—79. Print. (In Russ.)
5. Kanapyanov, B. 2004. *Kofe-breik (Zametki, Esse, Dialogi)* [Coffee Break (Notes, Essay, Dialogues)]. *Prostor* 9: 57—131. Print. (In Russ.)
6. Kanapyanov, B. 1988. *Kyz-Zhibek. Tekst: liro-epicheskaia poema* [Kyz-Zhibek]. Alma-Ata. Print. (In Russ.)
7. Badykov, V. 2002. *Linia sud'by: tvorchestvo B. Kanapyanova v istoriko-literaturnom kontekste epohi* [The Line of Fate: the Works of B. Kanapyanov in the Historical and Literary Context of the Era]. Almaty. Print. (In Russ.)
8. Grice, H.P. 1975. "Logic and Conversation". *Syntax and Semantics* 3: Speech arts. New York. Print.
9. Eemeren, F.H. Grootendorst van R. "Speech Act Conditions as Tools for Reconstructing Argumentative Discourse". *Argumentation* 3. Netherlands: 367—383.
10. Eemeren, F.H., R.S. van Grootendorst, and Jacobs J.S. 1993. *Reconstructing Argumentative Discourse*. Tuscaloosa.
11. Grasso, F., A. Cawsey, and Jones R. 2000. "Dialectical Argumentation to Solve Conflicts in Advice Giving: a Case Study in the Promotion of Healthy Nutrition". *International Journal of Human-Computer Studies* 53 (6) 2000: 1077—1115.
12. Kanapyanov, B. 2003. *Vekzametry: Stihy* [Centurameter]. Almaty. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 27.08.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Urazayeva, K.B., and Sh.K. Zharkynbekova. 2018. "Bilingualism and Genre Synthesis of Lyric Poetry of Bakhytzhan Kanapyanov". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 605—617. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-605-617

Bio Notes:

Kuralai B. Urazaeva is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Sholpan K. Zharkynbekova is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Dean of the Faculty of Philology. E-mail: zharkinbekova_shk@enu.kz; zharkyn.sh.k@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки

Э.Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет

Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

В статье содержится презентация романа «Возвращение в Панджруд» современного прозаика Андрея Волоса. В частности, речь идет об особенностях жанра романа, о судьбе главного персонажа — персидского и таджикского поэта Джафара Рудаки, об историко-культурном фоне романа — средневековой жизни Мавераннахра, исторической области Центральной Азии. Обозначены вневременные проблемы, волновавшие Рудаки и его окружение, но представляющие интерес и для современного читателя. Андрей Волос сумел воссоздать в своем русском романе — по древним рукописям, по мифам и легендам — биографию великого поэта, у которого до выхода этого романа, собственно, биографии и не было, она осталась в веках. Тем самым современный писатель проложил мост не только во времени, но и между разными культурами.

Ключевые слова: поэт, Рудаки, Мавераннахр, Андрей Волос, ориентализм, роман-биография, травелог

1. Введение

В последнее время в русском дискурсе, а также в культуре повседневности наблюдается возрождение интереса к Средней Азии, ее истории и культуре. Публикуются тексты о Средней Азии забытых (по разным причинам) писателей [1; 2], историков, востоковедов [3—8], появляются новые исследования о культуре Средней Азии [9—11] и русской литературе о ней [12], выходят новые романы о Средней Азии [13; 14]. Среди современных авторов, пишущих о Средней Азии, — прозаик Андрей Волос. Известность ему принес первый роман «Хуррамабад» (2000), награжденный Государственной премией РФ. Все произведения Волоса, написанные и опубликованные впоследствии («Маскавская Мекка», «Победитель», «Таджикские игры» и др.), в той или иной степени также связаны с постсоветской проблематикой.

Параллельно с написанием новых романов (из тетралогии «Судные дни») создавался роман «Возвращение в Панджруд»; в ряде интервью Андрей Волос говорит, что на него ушла четверть века. Этот роман тоже получил награду — «Русский Букер» в 2013 году. Роман далек от постсоветских проблем, он о Средневековье. Главный герой — таджикский (и персидский) поэт Джафар Рудаки, живший на стыке IX—X веков.

Собственно, роман *Волоса* представляет реконструкцию биографии поэта. Реальной биографии Рудаки не существует. Неизвестны ни точные даты его рождения и смерти, ни его социальное происхождение: был ли он выходцем из богатых или бедных слоев; ни причины его слепоты: врожденная она или насильственная. Лишь в 1950-е годы антрополог М. М. Герасимов установил, что Рудаки был ослеплен в возрасте примерно шестидесяти лет. Хотя и этот факт в какой-то мере гипотетический. Таким образом, жизнь Рудаки предстает в сознании современников весьма мифологизированной.

2. Обсуждение

Этим и ценен роман *Волоса* — наконец поклонники поэзии Рудаки получили относительно полную, логически выстроенную биографию поэта, пусть и с долей художественного вымысла и условности. Ведь, скажем, о наполеоновских войнах обыватель тоже знает не по историческим источникам, а по роману Льва Толстого «Война и мир». Такую же нишу, безусловно, в читательском сознании займет и роман «Возвращение в Панджруд». Тем не менее роман не назван именем поэта — в этом одна из интриг.

Другая грань романа — травелог, путешествие из Бухары, где Рудаки служил при дворе эмира, в его родное село Панджруд (в переводе — пять ручьев), откуда он подростком отправился учиться в Самарканд, обещая деду вскоре вернуться.

Я вернусь, — сказал он, глядя в выцветшие глаза деда... Дедушка! — крикнул в его сутулую спину Джафар. — Ты что? Ну я же правда вернусь! Весной! [15. С. 64–65].

Вскоре не получилось, дед умер, не дождавшись внука. Рудаки возвращается домой покалеченным старцем.

Отличительная черта воссозданной биографии поэта в том, что она нарисована не в привычной парадигме поэта-небожителя, не в сочетании клишированных составляющих, выработанных советским биографическим дискурсом, как-то: влияние окружающего ландшафта, фольклора, дружба с простыми людьми и проч. Рудаки предстает живым, противоречивым, чем и располагает к себе, его личность не превращается в праведника или забронзовевший монумент.

Рудаки в меру тщеславен:

...Ваша речь льется свободно и плавно, как вода в большой реке... Разве по-арабски это могло звучать лучше?

Джафар хмыкнул. — Ну ладно, не стоит преувеличивать моих заслуг, — с достоинством и довольно строго сказал он (несмотря на то, что, как отметил Шеравкан, ему все же не удалось устоять перед лестью) [15. С. 350–351].

Рудаки склонен к компромиссам: на предложение служить при дворе эмира отвечает согласием, так как понимает, что достигнуть славы возможно только будучи приближенным к власти:

...У поэта нет иного пути. Если ему нет места при дворе — тогда пусть вылетит чернила и сломает калам... В противном случае нужно забыть об этой стезе [15. С. 362].

Рудаки скептически в отношении воздействия литературы на человека: ему приятно видеть рядом шарлатана и вора, представлявшего его именем, присвоившего его стихи. Однако мудрость, которую транслирует шарлатан, не добавила ему ни нравственности, ни чести.

В отношении веры Джафар Рудаки тем более не мог быть образцом. Он часто допускал вольности в рассуждениях о вере... и даже о Пророке... Он сеял смуту в сердца верующих. Распространял мысли о незначительности разницы между разными толками веры... короче говоря, он не старался отстоять истину, как это положено мусульманину [15. С. 610].

Да и в быту Рудаки был далек от праведности:

...Джафар вел праздную жизнь всем известного в Самарканде гуляки [15. С. 370].

С глухим раздражением понимал, что не выпался, что его томит похмелье, что на бейты эти, будь они неладны, смотреть он не хочет, а хочет, напротив, вернуться в спальню, завернуться в чистую, пахнущую речной водой курпачу и крепко уснуть... [15. С. 375].

Уже слепой, он с гордостью в душе носит титул Царя поэтов, и когда скомоорох-масхарабоз разыгрывает сцену его ослепления (см. [15. С. 415—416]), он скептически принимает это карнавальное обыгрывание его личной трагедии.

Рудаки критичен в отношении человека:

...В подлунном мире вообще нечасто встречаются люди, способные разделить чужую радость... может быть, где-нибудь там, за мостом Сират... или за рекой из расплавленного металла... а здесь — по пальцам перечесть [15. С. 471—472].

Джафар Рудаки предстает в романе Волоса агностиком. Таковы его суждения:

...Люди косны и невеликодушны. И никогда не станут другими. На сотню найдется один, способный взглянуть на вещи с такой высоты, что уже нельзя отличить одну веру от другой [15. С. 461].

У простого мусульманина спроси, чем суннит от шиита отличается, долго будет затылок чесать, да так и не разродится. По ходу дела может и того не понять, что и сам из суннита давно шиитом сделался [15. С. 518—519].

Тут-то Джафар и осведомился — довольно желчно — насчет того, какую именно веру их новый друг называет «истинной» — не ту ли, что позволяет молящемуся увидеть свет и услышать голоса?.. Да, сказал он, именно такую веру он и называет «истинной» — именно ее, веру мусульманскую, заповеданную Пророком... Однако существуют совершенно достоверные сведения, что христианские аскеты с помощью поста и молитвы достигают того же самого: видят свет и слышат голоса [15. С. 567—568].

...Что касается ада, то в какого бога ни верь, дорога одна. Если способен думать, чувствовать, быть великодушным и не гневаться — ты и так в раю, и будущее не должно тебя пугать. А если нет, то и ад тебе не страшен, потому что ты и без того в нем [15. С. 636].

Эпоха зороастрийцев не так далека от времени, в которое жил Рудаки, память о предках еще была свежа. Не только Рудаки чтит предков, но и эмир, которому он служил.

Мы — правоверные мусульмане, — любил повторять эмир. — Но над могилой моего деда, великого эмира Исмаила Самани, сооружен мавзолеем в виде храма зороастрийцев... Аллах велик, но стоит ли нам забывать о своих предках? [15. С. 206].

Выдержками из Авесты — говоря о священных животных зороастрийцев (кабане, собаке) — Рудаки смущает своего юного поводыря:

Люди Согда — а мы, в сущности, потомки людей Согда, согдийцев — поклонялись огню... Но уж у твоего прадеда в доме наверняка был особый очаг, где всегда горел огонь... [15. С. 280—281].

Эта склонность Рудаки к диалектике и стала одной из причин его мучительной казни — ослепления.

И все же «Возвращение в Панджруд» не роман-биография, не роман-путешествие. Его жанровая природа много сложнее. Скорее, роман можно считать исторической реконструкцией: читатель погружается в повседневность эпохи Мавераннахра. Андрей Волос попытался создать полноцветную картину жизни рубежа IX—X столетий. Множество персонажей, исторических и вымышленных, при дворе эмира, в учебных заведениях, в чайханах, в городах и кишлаках, на площадях и в зинданах, скоморохи-масхарабозы, дервиши, муллы, визири, воины, эмиры, бедные крестьяне, поэты, талантливые и бездары — все и все служат воссозданию полноценной картины жизни среднеазиатского Востока — Самарканда и Бухары.

Герои романа рассуждают о вере, власти, поэзии, языке, человеке. Сюжет приобретает вид параболы: он не только о том времени — он о всех временах, он о тех проблемах, которые непреходящи, они интересны и насущны для современности.

Но ведь и под луной нет ничего нового. Просто луч света упал под другим углом — и мир вокруг выглядит немного иначе. Только дураки ждут от беседы все новых и новых новостей. Что нового может сказать человек, если даже Бог повторяет одно и то же? [15. С. 455].

Самарканд эпохи Мавераннахра был интеллектуальной столицей Средней Азии. Здесь зарождались и развивались поэтические традиции. Еще юношей в первый день приезда Джафар стремится к Стене поэтов, ему

не терпелось удостовериться, что и впрямь на земле есть место, где всяк может вывесить лоскут бумаги или пергамента со своими виршами... Длинная восточная стена Регистана была сплошь завешена сухими капустными листьями [15. С. 238] —

именно на них были записаны поэтические вирши, прочитав которые поэты тут же устраивали семинары и обсуждения.

...Каждый лист кричал о том, как много в мире людей, сочиняющих стихи, с какой жадностью они ждут одобрения и похвалы, как мечтают стать знаменитыми... [15. С. 243].

Через несколько дней Джафар — инкогнито — становится свидетелем обсуждения его стихов:

...В этом стихотворении — читай! — любимую сравнивают с куропаткой!.. Где такое бывало, чтобы любимую сравнивали с куропаткой?!.. Любимая — и куропатка. Что за

глупость?! Ни в какие ворота. Любимая — роза! Любимая — нарцисс! В самом крайнем случае — горлица! Но уж никак не куропатка, никак... Чем тебе нехороша куропатка?! Что, куропатка — некрасивая птица?.. А при чем тут арабские слова?!.. Почему человек, который пишет на родном языке, должен использовать арабские слова?! Он что — араб?! Пусть арабы пишут по-арабски. У нас есть свой язык! [15. С. 260—261].

Юный поэт испытал радость: его стихи обсуждают маститые поэты, может, и хулят, но они их заинтересовали!

Джафар уже пятился вдоль стены Регистана, отступая к строениям первых переулков. Свернув за угол, он ударил себя кулаками по коленкам и подпрыгнул, как заяц, изо всех сил маша руками. Он сам не знал, что делать, — может быть, взлететь? Может быть, превратиться в порыв ветра?! Сорвался с места, кинулся со всех ног. Воздух казался слаще меда... Долго лежал, стараясь пережить свою радость — и все никак не находя сил сделать это. Она накатывала новыми и новыми волнами — он плакал, смеялся, катался по траве, снова смотрел в небо, снова плакал и снова смеялся [15. С. 262—263].

Джафар понял, что как истинный поэт он должен сочинить себе лакаб, псевдоним.

Он же из Панджруда... Руд — поток... Рудак — речушка, ручей. Скорее даже — ручеек. Может быть, Рудаки? Сидящий у ручья... [15. С. 264].

Так он стал Рудаки. Вокруг вывешенных его слугой стихов с вплетенным в последнюю строчку лакабом толклись знатоки поэзии, восклицавшие «да кто же такой этот Рудаки? кто знает этого Рудаки?..» [15. С. 356].

Все с ума посходили. Каждый, кто хоть сколько-нибудь интересуется поэзией, только и долдонит: Рудаки, Рудаки, Рудаки, Рудаки! Но главное — базар. Вы знаете, что ваши стихи поют на базаре?.. — Да-а-а... Услышать свои строки из уст какого-нибудь болвана, сидящего на возу с морковкой, — вот истинное призвание [15. С. 359—360].

Не только царедворцы наслаждались стихами Рудаки, но, что было важнее для самого поэта, его строки повторяли как поговорки, напевали как песенки простые люди, потому что стихи Рудаки были созданы на понятном им языке.

Если б не вы, господин Рудаки, мы бы никогда не поняли, на каком языке говорим. Ваши песни распевают по всему Аджаму. Строки из них становятся поговорками, люди повторяют, даже не зная, откуда они взялись. Вы великий стихотворец... [15. С. 271].

У Джафара Рудаки был единомышленник, Юсуф. Уже ослепленный, Джафар часто вспоминает их диалоги. Так, они рассуждают о власти:

В древности правитель отчитывался перед народом за свои поступки... Но почему управлять им должен тот, кто ничуть не просвещенней самого темного из них? [15. С. 459].

Если нельзя сделать народ лучше и умнее, давай остановимся на том, что хотя бы управлять им должны не тупые жадные властители, а мудрецы [15. С. 461].

Но вообще-то людей мало волнует то, что происходит при дворе эмира. За возвышениями и опалой приближенных они следят как за перемещениями небесных светил. Я хочу сказать — примерно с такой же заинтересованностью [15. С. 500].

Эмир Фарнуш думает только о том, как бы ему залезть на бухарский престол... Приближенные и слуги тоже бесконечно двигают в своих изощренных умах шахматные фигуры, олицетворяющие их пособников и соперников. Что, если пожертвовать этой пешкой? Нельзя ли будет затем сожрать коня? И как увернуться вот от того слона, что вчера нашептал эмиру обо мне какие-то гадости?... [15. С. 367].

В романе воссоздана ритуальная жизнь Средневековья, связанная с похоронами, свадьбой, рождением человека. Бесценен фрагмент, посвященный драматическому фольклору (см. [15. С. 412—418]).

Еще одна важная черта, отличающая роман *Волоса* от типологически схожих по изображенному хронотопу: если практически вся русская литература о Востоке — ориенталистская по сути, то повествование *Волоса* принципиально иное. Несмотря на то, что в романе присутствуют все составные локусы и артефакты ориентализма — базар, мазар, мечеть, Арк, зиндан, дервиши, бачи, ришта, гастрономия и проч., — они не репрезентированы как экзотизмы, они — органичная часть картины мира Востока. Например, облик дервиша представлен не зловеще (как часто случается в ориенталистской литературе) и не загадочно. Дервиш — одна из социальных ролей изображенного ландшафта:

На человеке были широкие штаны из некрашеной холстины и такая же простая холщовая рубаха, подпоясанная кушаком. На кушаке болтался нож, деревянная миска и деревянный ковш, голова покрыта войлочным куляхом — примерно таким, как у Джафара, только поновее. В руке посох. Через плечо по диагонали его опоясывал толстый жгут — должно быть, шерстяной плащ, скатанный вместе с молитвенным ковриком. — Суфий, — подтвердил Шеравкан [15. С. 549].

Дав клятву верности, ученик взамен получал хирку, благодать и колпак на голову, называвшийся не куляхом, как у простых людей, а таджем, то есть венцом [15. С. 559].

Бача, изображавшийся в русской литературе, начиная с XIX века, с придыханием или осуждением (см. прозу Н. Каразина, В. Верещагина, травелоги востоковедов), в романе *Волоса* показан остраненно, без ориенталистской рецепции:

Шеравкан сидел, прислонившись спиной к стене, и смотрел на огонек каганца, причудливо танцующего на кончике фитиля. Этот маленький гибкий танцовщик был в оранжевой рубахе и голубых шароварах... или, может быть, танцовщица? [15. С. 113].

Роман «Возвращение в Панджруд» продолжает мотив слепоты, весьма популярный в мировой литературе. Вспоминаются тексты австрийских писателей XX века — Ингеборг Бахман «О эти счастливые глаза» [16] и Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн» [17]. Плохо видящая героиня рассказа Бахман намеренно постоянно теряет свои очки, чтобы не видеть неприглядных сторон действительности. Герой романа Фриша притворяется слепцом, надевая черные очки и вооружившись тростью слепца, — таким образом он становится свидетелем поступков и намерений окружающих его людей.

Слепота волосовского героя тоже многослойна:

...Джафар шагал следом, и Шеравкан то и дело возвращался к мысли о том, что он ничего не видит. Как много солнца кругом: переливается листва в его лучах, поблескивают камни, синее небо, белые праздничные облака неспешно скользят по его лазури! — а он совершенно слеп и ничего не видит [15. С. 291].

На деле же Рудаки знает жизнь во всех ее проявлениях, он даже слышит — не видит — что вот-вот отвалится подкова у лошади, чем удивляет своего поводыря, Шеравкана, безграмотного юношу. «... Слепой — все равно что неграмотный. А неграмотный — все равно что слепой», — говорит Рудаки и берется обучить юношу [15. С. 444]. Так сюжет романа превращается в инициацию Шеравкана. Путь длиною в сорок фарсахов становится взрослением юноши: наблюдая за реакциями слепого старца, Царя поэтов, Шеравкан постигает бытовые, нравственные, фило-софские, поэтические проблемы, к концу путешествия он научился читать.

3. Выводы

Если антрополог М.М. Герасимов воссоздал по останкам внешний облик поэта Рудаки, то писатель Андрей Волос по историческим мифам и преданиям, документам и хроникам — характер и нрав поэта, его среду и его время. Но самое важное — Андрей Волос выполнил гуманитарную миссию: имя и творчество Рудаки отныне станут известны намного большему числу читателей, чем прежде. Роман «Возвращение в Панджруд» уже переведен на китайский, армянский, македонский, сербский, болгарский, словенский языки. Есть надежда, что список продолжится.

Список литературы

1. *Зальцман П.* Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии). М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
2. *Мурад Т.* Тарлан: Повести / Пер. С. Афлатуни, В. Муратханова, Г. Власова. М.: Рипол классик, 2018.
3. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии / Пер. с нем. З.Д. Голубевой; под ред. В.А. Ромодина; предисл. В.А. Ромодина. М.: Восточная литература, 2003.
4. *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
5. *Лыкошин Н.С.* Хороший тон на Востоке / Вступ. ст. и коммент. В.А. Коренько. М.: АСТ; Астрель, 2005.
6. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь: Этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. 2-е изд. М.: Либроком, 2012.
7. *Наливкин В.П.* Полвека в Туркестане. М.: Марджани, 2015.
8. *Хедин С.* В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан: Путешествие в 1893—1897 годах. М.: Ломоносов, 2010.
9. *Абашии С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
10. *Голендер Б.А.* Мои господа ташкентцы: История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент, 2007.
11. *Фатланд Э.* Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога. М.: Рипол классик, 2018.
12. *Шафранская Э.Ф.* Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016.
13. *Афлатуни С.* Поклонение волхвов: Роман. М.: Рипол-классик, 2015.

14. *Медведев В.Н.* Заххок: Роман. М.: ArsisBooks, 2017.
15. *Волос А.Г.* Возвращение в Панджруд: роман. М.: ОГИ, 2013.
16. *Бахман И.* О эти счастливые глаза. М.: Прогресс, 1981.
17. *Фриш М.* Назову себя Гантенбайн. Т. 1. М.: Худож. литер., 1991.

© Шафранская Э.Ф., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 14.08.2018

Принята к публикации: 29.09.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шафранская Э.Ф. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 618–627. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Novel “Return to Panjrud” by Andrei Volos as Reconstruction of Daily Life of Maverannahr and Poet’s Rudaki Fate

E.F. Shafranskaya

Moscow Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129 226, Russian Federation

The article presents the novel “Return to Panjrud” by modern prose writer Andrei Volos. In particular, we are talking about the features of the genre of novel, the fate of the main character — the Persian and Tajik poet Jafar Rudaki, a historical and cultural background of the text — the medieval life of Maverannahr, a historical region of Central Asia. The timeless problems that worried both Rudaki and his entourage are outlined. Using the materials of ancient manuscripts, myths and legends, in his Russian novel Andrei Volos managed to recreate a biography of the great non-Russian poet, who, before the release of this novel, in fact, had no complete biography, it remained scattered through centuries. Thus, the modern writer has built a bridge not only in time, but also between different cultures.

Key words: poet, Rudaki, Maverannahr, Andrei Volos, orientalism, novel-biography, travelogue

References

1. Zaltsman, P. 2018. Srednyaya Aziya v Sredniye veka (ili Sredniye veka v Sredney Azii) [Central Asia in the Middle Ages (or the Middle Ages in Central Asia)]. Moscow: Ad Marginem Press. Print. (In Russ.)
2. Murad, T. 2018. Tarlan: Povesti [Tarlan: Stories], translated by S. Aflatuni. Moscow: Ripol klassik. Print. (In Russ.)
3. Vamberi, A. 2003. Puteshestviye po Sredney Azii [Travel across Central Asia]. Ed. By V.A. Romodina. Moscow: Vost. lit. Print. (In Russ.)
4. Varentsov, N.A. 2011. Slyshannoye. Vidennoye. Peredumannoye. Perezhitoye [The heard. Seen. Changed the mind. Endured]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Print. (In Russ.)
5. Lykoshin, N.S. 2005. Khoroshiy ton na Vostoke [Good form in the East]. Moscow: AST: Astrel. Print. (In Russ.)
6. Nalivkin, V.P. 2012. Tuzemtsy ranshe i teper: Etnograficheskiye ocherki o tyurko-mongolskom naselenii Turkestanskogo kraya [Natives Earlier and Now: Ethnographic Sketches about the Tyurko-Mongolian Population of the Turkestani Region]. Moscow: Librokom. Print. (In Russ.)
7. Nalivkin, V.P. 2015. Polveka v Turkestane [Half a century in Turkestan]. Moscow: Publ. house Mardzhani. Print. (In Russ.)
8. Khedin, S. 2010. V serdtse Azii. Pamir-Tibet-Vostochnyy Turkestan: Puteshestviye v 1893—1897 godakh [In Heart of Asia. Pamir-Tibet-Vostochny Turkestan: Travel in 1893—1897]. Moscow: Lomonosov. Print. (In Russ.)
9. Abashin, S.N. 2015. Sovetskiy kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiyey [Soviet Kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Print. (In Russ.)
10. Golender, B.A. 2007. Moi gospoda tashkenttsy: Istoriya goroda v biografiyakh ego znamenitykh grazhdan [My Masters Tashkentets: City History in Biographies of its Well-known Citizens]. Tashkent. Print. (In Russ.)
11. Fatland, E. 2018. Sovetistan. Odissey po Tsentralnoy Azii: Turkmenistan. Kazakhstan. Tadzhikistan. Kirgizstan i Uzbekistan glazami norvezhskogo antropologa [Sovetistan. An Odyssey Across Central Asia: Turkmenistan, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan Eyes of the Norwegian Anthropologist]. Moscow: Ripol klassik. Print. (In Russ.)
12. Shafranskaya, E.F. 2016. Turkestanskiy tekst v russkoy kulture: Kolonialnaya proza Nikolaya Karazina (istoriko-literaturnyy i kulturno-etnograficheskiy kommentariy) [The Turkestani Text in the Russian Culture: Colonial Prose of Nikolay Karazin (Historico-Literary, Cultural and Ethnographic comment)]. Saint Petersburg: Svoye izdatelstvo. Print. (In Russ.)
13. Aflatuni, S. 2015. Pokloneniye volkhvov: Roman [Worship of Magicians: Novel]. Moscow: Ripol klassik. Print. (In Russ.)
14. Medvedev, V.N. 2013. Zakhkhok: Roman [Zakhkhok: Novel]. Moscow: Arsis Books. Print. (In Russ.)
15. Volos, A.G. 2013. Vozvrashcheniye v Pandzhrud: Roman [Return to Pandzhrud: Novel]. Moscow: OGI. Print. (In Russ.)
16. Bakhman, I. 1981. O eti schastlivyye glaza [Oh these Happy Eyes]. Moscow: Progress. Print. (In Russ.)
17. Frish, M. 1991. Nazovu sebya Gantenbayn [I will call myself Gantenbayn], M. Frish. Izbrannyye proizvedeniya: V 3 t. [Chosen works in 3 t.], translated from German. Moscow: Khudozh. Liter. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 14.08.2018

Accepted: 28.09.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Shafranskaya, E.F. 2018. “Novel “Return to Panjrud” by Andrei Volos as Reconstruction of Daily Life of Maverannahr and Poet’s Rudaki Fate”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 618–627. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Bio note:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature, the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-628-631

Миссия интеллектуала в современном обществе

Н.С. Кирабаев

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Восстановить наше общее, втопанное невеждами в национальные столбовые дороги, — так я понимаю задачу интеллигенции. И пытаюсь внести свою лепту в ее решение, чем бы ни занимался — стихами, борьбой против ядерных полигонов или «мелочью суффиксов и флексий».
(из письма О.О. Сулейменова Ю.Н. Афанасьеву)

Сегодня весьма активно в гуманитарный лексикон внедряется слово «интеллектуалы», которое, по сути, передает содержание понятия «интеллигенция». Современный лексикон на самом деле отражает социальные, культурные и политические трансформации. Мы не будем вдаваться в дискуссию о соотношении понятий «интеллектуал» и «интеллигент», отметим лишь, что для нас понятие «интеллектуал» означает особую социальную ответственность, поскольку тесно связывает две составляющие: профессионализм и нравственность. Именно в этом аспекте мне хотелось бы сказать несколько слов о чувстве особой ответственности писателя, общественного деятеля и дипломата Олжаса Сулейменова в современном обществе.

I

В день празднования очередной 26-й годовщины вступления Казахстана в Организацию Объединенных Наций состоялась официальная церемония подписания Республикой Казахстан Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Информационные агентства передали следующие сообщения:

Постоянный представитель Казахстана при ООН Кайрат Умаров подписал договор о запрещении ядерного оружия, сообщает министерство иностранных дел страны (Республики Казахстан).

«Казахстан принял активное участие в разработке и принятии текста Договора, ставшего первым в истории ядерного разоружения юридически обязательным документом. Его основные положения отвечают принципиальной позиции Казахстана, который прошел внушительный путь от обладателя четвертого в мире ядерного арсенала до страны-лидера в сфере ядерного разоружения и нераспространения», — сообщили в ведомстве. В Министерстве иностранных дел РК отметили, что это решение стало возможным из-за закрытия второго крупнейшего ядерного полигона в мире, а

также благодаря отказу от «ядерного наследия холодной войны». Также в министерстве подчеркнули, что президент страны Нурсултан Назарбаев продолжает призывать мировое сообщество к отказу от ядерного оружия, несмотря на нежелание ряда ведущих стран идти на разоружение.

Это напомнило мне историю движения «Невада — Семипалатинск». Как известно, история этого антиядерного движения началась в феврале 1989 года, в дни предвыборной кампании в депутаты Верховного Совета СССР. В одном из выступлений кандидат в депутаты О.О. Сулейменов поднял вопрос об утечке радиоактивных газов, которая произошла за несколько дней до этого на Семипалатинском ядерном полигоне, и о том, какую опасность для народа Казахстана, для всей страны представляют взрывы в Семипалатинске. Его предвыборная речь была сконцентрирована на главной идее: ядерные полигоны должны быть закрыты, и он призвал алмаатинцев выйти на митинг протеста. Даже в Wikipedia отмечается, что «движение “Невада — Семипалатинск” достигло успеха, впервые в мире применив новую модель — взаимодействие народной и парламентской дипломатии».

И здесь мне вспомнились слова Олжаса Сулейменова: «Нет Востока, и Запада нет. Есть восход и закат. Есть одно большое слово — ЗЕМЛЯ». Эти его слова были написаны в начале 60-х годов — это было время «оттепели», время физиков и лириков. Не случайно его поэма «Земля, поклонись человеку!», в которой он передал дух времени начала 60-х, была весьма популярна. Первый полет человека в космос стал великим свершением человечества. Именно сулейменовское понимание Времени и ответственности поэта в эпоху «оттепели» стало действенным «оружием» в движении «Невада — Семипалатинск». 29 августа 1991 года указом президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева официально был закрыт Семипалатинский ядерный полигон, и через несколько лет Казахстан отказался от ядерного оружия, унаследованного от СССР.

II

В письме О.О. Сулейменова Ю.Н. Афанасьеву есть два интересных слова «и.о. ученые» и «наученость». История этих двух слов в творчестве О.О. Сулейменова связана с ответами, порой эмоциональными, на критику историков и лингвистов его работ «Аз и Я» и «Язык письма». Несколько слов о тезисах его аргументации.

1. Он не претендует на то, что его работы — абсолютная истина, он говорит о своих лингвистических изысканиях и предположениях, о преодолении европоцентризма, о единении культур народов.

2. Он призывает к диалогу с учеными в рамках того, что сегодня называется междисциплинарными исследованиями. «В человековедении (чем гуманитарные науки, кажется, являлись) узкая специализация — это своего рода искусственный дальтонизм, намерено выработанная способность видеть избирательно, только отведенный участок спектра, свой цвет». Говоря о книге «Язык письма», он пишет, что «книга призывает обсудить предполагаемый комплексный подход к слову как к явлению письма, культура, материальной культуры, философии и археологии, то есть культуру в целом. Ничем, кроме пользы, дискуссии на эти темы науке не

угрожают ... И “Аз и Я” делалось не для профессиональных толкователей темных мест в “Слове...”». И он приводит замечательную фразу: “Science for science that is not science”.

3. Он считает своей задачей как писателя рассказать об открытиях, наукой еще не признанных: «Наука же — это бесконечный процесс узнавания, она и есть вечный двигатель, работающий на энергии инакомыслия».

III

Говоря о пространстве смыслов современной истории языком «Слова...», важно понять те самые исторические ответы на вопросы «Как?» и «Почему?». Олжас Омарович справедливо подчеркивал, что в современную эпоху информационных технологий весьма опасен технократический взгляд на мир, на человека и общество. К сожалению, в эпоху «экономики знаний» практически не осталось места для гуманитарного образования и знания, и это привело в конечном счете к современным мировым проблемам, межэтническим и религиозным конфликтам, экстремизму и терроризму, нетерпимости и национализму, прагматизму и экономическому эгоизму. Он отметил, что «XXI столетие должно быть веком гуманитарного знания. Не “китайским” веком, не “американским”, не “индийским”, но временем Человека разумного, а это уже зависит от уровня развития, не столько технических, сколько мировоззренческих знаний».

Хотелось бы отметить удивительное обаяние Олжаса Омаровича, которое идет от его высокой внутренней культуры. И как писатель, и как гражданин он весьма далек от идеологической конъюнктуры. Он часто выступает с лекциями и проводит мастер-классы в стенах Российского университета дружбы народов. Студентов и преподавателей РУДН он покорила своей простотой, высокой культурой речи, высоким профессионализмом лингвиста, взвешенным подходом к пониманию проблем современной жизни, проблем современной науки. Не случайно в 2016 году О.О. Сулейменов единогласным решением Ученого совета был избран Почетным доктором Российского университета дружбы народов, в котором обучаются студенты из 155 стран мира, представляющие более 500 народов и этнических групп, исповедующие идею дружбы и диалога цивилизаций и культур. Именно его жизнь и творчество позволяют сказать о нем его же словами: «Земля, поклонись человеку!»

© Кирабаев Н.С., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.08.2018

Принята к публикации: 09.09.2018

Модератор: У.М. Бахтиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кирабаев Н.С. Миссия интеллектуала в современном обществе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 628—631. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-628-631

Сведения об авторе:

Нур Серикович Кирабаев — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик НАН РК, Первый проректор — проректор по научной работе Российского университета дружбы народов. E-mail: kirabaev-ns@rudn.ru

The Mission of the Intellectual in Modern Society

N.S. Kirabaev

Peoples' Friendship University (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Article history:

Planned: 02.08.2018

Accepted: 09.09.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kirabaev, N.S. 2018. "The Mission of the Intellectual in Modern Society". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 628–631. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-628-631

Bio Note:

Nur S. Kirabaev is a Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, First Vice Rector — Vice Rector for Science, Peoples' Friendship University (RUDN University). E-mail: kirabaev-ns@rudn.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-632-637

Tuvan Traditional Culture as a Socio-Historical Phenomenon

A.K. Kuzhuget

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
4, Kochetova str., Kyzyl, 667000, Tuva Republic, Russian Federation

The nineties of the XX century are considered to be the starting point of crisis of traditional values in Russia, including moral, family, spiritual values. family, and spiritual values. The crisis was also marked in Tuva by the rise of unemployment, especially among Tuvan youth, and as a consequence, the search for new means of livelihood, with mass collection of cannabis, the growth of smuggling, cattle-stealing, poaching. All these social problems have one root of evil. It was during these years that the problem of the loss of intergenerational communication — which supported moral and ethical standards for many centuries — has been most clearly manifested. One of the reasons for this phenomenon is the mass construction of the boarding schools by Soviets in which the children of the shepherds lived and studied. Learning to read and write, they later refused to engage in traditional activities of the Tuvans — cattle breeding, and more importantly, they were deprived of spiritual education, ethical standards developed by their nation over the centuries. They have become carriers of a new feature — dependency. At that time, the first signs of social degradation have been shown, namely: anger, envy, mass alcoholism, the destruction of the institution of the family. However, this process has, admittedly, began as early as in 30—40s, when folk culture was actually banned, and a religion, rituals, holidays were not confessed. During the Soviet period, the country was dominated by the ideology of the Communist party, which was known to have both its negative and positive sides. Then the problem of interaction between nations was reduced to the influence of Russian culture, as an exemplary one; the cultures of other nations were considered as less developed and backward ones.

At present, the traditional culture of Tuvans, unfortunately, is permanently and inevitably experiencing the extinction of some types of artistic activities (in particular, the manufacture of saddles, bridles, utensils, traditional clothing and shoes, as well as folklore genres, traditions of etiquette) due to the modernization of society and changing lifestyle. The things that have been closely related to everyday life, go away first. Even more important is whether people's spiritual values leave or change. Since traditional culture is a historically developed system, which for many centuries has been developing and selecting spiritual values, behavioral norms, traditions, it is itself a means of nation-building. It is this fact that is not taken into account by modern political and administrative moderators. Admittedly, the Tuvan society has lost many of its value orientations for just 70 years of Soviet regimen, since 1944 — a year of accession of People's Tuvan Republic

to the USSR. Children and old people were the most loved and honored in the traditional Tuvan society, but today there are dozens of orphanages and nursing homes in the Republic of Tuva. High mountains, rapid rivers, mineral springs, salt lakes are no longer the objects of careful use and worship for modern Tuvans, as it was before. The very concept of LABOR of nomad — shepherd and cattleman — has now lost its ancient value as the meaning and way of life, being replaced by the other concepts — ocalism, forwardness to use any means to receive various benefits and stealing of cattle.

That is why the research of the spiritual culture of traditional society, the study of its components, its potentials related to the view of life, the attitude to nature and people are of increasing importance nowadays. It is necessary to turn back the harmonious vector of development of age-old culture, because nowadays the tradition becomes a formality of fulfillment of a certain set of certain actions, without understanding their sacred significance.

The durability of spiritual culture is explained by its self-containment and synergy. The spiritual culture of traditional society teaches the ability to achieve psychological comfort in life, to enjoy simple human feelings — love for a woman and a child, friendship, living in step with nature and with yourself.

The recent decades in Tuva have shown that blindly following the experience of developed (Western) civilizations is not always acceptable. It is well known that in the field of economy and production the influence of Western technologies has accelerated the development of Eastern societies. But in the spiritual field the problems of the modern crisis have only deepened, have become a real humanitarian disaster.

No culture can (and could not previously) develop on its own. The process of interaction with other cultures has been ongoing throughout the existence of any culture since its inception. Since the 20s of the XX century the process of time-honoured communication and cultural interaction of Tuva with Mongolia, China and indirectly through them with other Asian countries, as previously with the neighboring Turkic nations of Siberia, was interrupted. Meanwhile, the relations between the Tuvans and their Eastern neighbors were extremely strong and long. Tuvan art critics and culturologists note that their influence was reflected in all kinds of folk art of Tuvans: in music, oral folk arts, decorative-applied arts, sculpture and, as a whole, in the perspective of the Tuvan people's mentality.

In Soviet times, in order to achieve the highest goal — the alignment of Russian culture from Moscow to the outskirts, through sharp changes in the political and socio-economic development of Tuvan society, the measured and quiet rhythm of life of Tuvans in harmony with their neighboring nations was replaced with a sense of psychological discomfort.

A vast range of issues of Tuva culture modernization is definitely associated with its Eastern-to-Western transformation. There is a concept of naturalization, in particular, the elements of another culture, and there is copying. The naturalization should be meaningful, it is necessary to look for points of contact in own culture: the naturalized elements should be clear and acceptable for people; only this way will be rational.

There was a lot of things in the Soviet Union that were incomprehensible and even unacceptable to the Eastern people's mentality. The rigidity of the Communist cultural policy eliminated only external problems, leaving the root of problems deep inside the Tuvan people's subconsciousness. The most dismal result of the Soviet modernization

of the Tuvan society and culture was the development of complex of national inferiority, admission of the idea of the backwardness of the Tuvan culture and its incompatibility with the new culture, and hence — a complete rejection of it by the nation itself, at least officially. All ill-considered policy led to the conflicts of the 1990s in Tuva.

More and more scientists and writers mention that history is the most important area of knowledge for society. However, politicians in Russia reject these simple truths with surprising persistence. In Soviet Russia, the scope of scientific research was exclusively aimed at the influence of Russian Soviet culture on Tuvan, however, in this area the approach was quite formal, declarative and politically charged. How much has the modern Tuvan culture changed? What positive and negative processes are taking place in it? These questions remain practically unexplored. In-depth study of these questions, both on philosophical and cultural basis, is of high demand by society, but is not welcomed by the authorities, as the shortcomings of socio-cultural policy will become evident. Currently, the authorities have new levers of control over the development of humanitarian science: projects supported by the Ministry of education and the state task of the government.

After the collapse of the Soviet Union, the social and cultural life of its nations, especially of the “titular Nations”, has started the process of turning to its past, to the origins and roots. However, it was not always meaningful, often it was a setback, almost a transition to feudal relationship, to the archaic behaviour patterns.

Under the guise of “the revival of culture” in the national republics where feudal relations have not been outgrown, in fact, the reconstruction of the clan system has begun. Unfortunately, government officials and authority representatives ignore the appeals of cultural scientists, philosophers, literary critics and art critics not only in Tuva. This potential of the Republic is practically undeveloped. The cultural policy is created quite formally by cultural officials, without expert advise of the scientists. Concerts and diplomas for various festivals are, according to officials, the most important indicator of the culture development of the Republic.

National culture cannot be isolated, but its basic values must be maintained. One of them is religion as an essential part of any culture. The institution of the traditional Tuvan family is being destroyed, the role of the father as a head of family is decreasing. Rules of national etiquette in particular, the treatment of the elderly and children are being forgotten or preserved formally, without comprehension; traditions of education are forgotten. The rituals including wedding, funeral are being distorted, without taking into account national ethical standards.

Culture is not only songs, dances, and not only ancient throat singing, but in the first — the spiritual ethnic values. The attempts to maintain the traditions in their old form are vain: the world is changing, and modern people can not perceive it as their ancestors a hundred years ago. But both are the representatives of one nation. And first of all, they should be United by spiritual values. Otherwise, the culture becomes a genetically modified product, a mutant. Very soon this process can become irreversible, it can lead to splitting the society into marginal groups, disintegration and xenophobia. Social scientists constantly state that Russian culture in general is in danger; the culture of the national republics is in danger in particular. The main problems of these days are inter-ethnic relations and crisis of identity. The identity is usually regarded as affiliation

of the individual to the culture, tradition, system of values and norms of a particular society. Identity is a way of self-understanding and the most important form of human self-assertion.

National identity, therefore, implies the adoption by the person the national image of the world, history and spiritual values. It is known that a person fostered from early childhood according to the norms and rules enshrined in traditional etiquette, knowing his culture, language, history, is much better adapted to the socio-cultural space, even when it is completely new to him. In the world of globalization the person perceives himself/herself holistically, without experiencing such a discomfort as a person who has lost his national or regional identity.

The fundamental discrepancy of modern times and the main challenge to humanity in the XXI century is the confrontation of universal civilization standards, on the one hand, and the values of national cultural and religious identity, on the other hand.

In the Russian National Security strategy until 2020 it is written:

“84. The addressing a problem of ensuring national security in the sphere of culture in mid-term and long-term perspective is achieved by recognizing *the primary role of culture* for the revival and preservation of cultural and moral values, strengthening the spiritual unity of the multinational people of the Russian Federation and the international image of Russia as a country with the richest traditional and dynamically developing modern culture, creating a system of spiritual and Patriotic education of Russian citizens, developing a common humanitarian and information and telecommunication environment across the member States of the Commonwealth of Independent States and in bordering regions”.

The solving of purely economic problems is impossible without addressing the issues of spiritual development of modern Tuvan society. In the East, it was understood as early as in the XIX century (for example, in Japan they have been teaching moral lessons in schools for more than a hundred years); in the West, it is now only about talking, discussing, while it is time to act advisedly. It is necessary to create in the Republic of Tuva effective and really working cultural programs that take into account features of mentality and national character. Admittedly, the ministries that act independently when adopting development strategies until 2030, should act in a coordinated manner in terms of education; this applies primarily to the field of education and culture. An example of such fruitful cooperation is the agreement on partnership of the Ministry of education with the Tuvan State puppet theatre on staging the works of world classics included in the school curriculum. The Tuvan national orchestra created several programs that introduce young people to the masterpieces of folk music and tell the story of the instruments. It's unfortunate that not so many urban children of different nationalities visit their concerts as we would like. A good administrative approach would address this issue.

In our opinion, the opportunities of the Philharmonic Symphony orchestra, which could organize subscription concerts on the works of world classics for youth, are not used to the full extent.

It is necessary to expand the duration of humanitarian cycle subjects in schools, colleges and universities where the culture of Tuva — of Tuvan and Russian people, first of all —

is studied deeply, as well as the worldview attitudes of a citizen of modern Russia. For example not all schoolchildren know the essence of both Russian Orthodox holidays and state Tuvan holidays.

Tolerance should be the basic concept in cross-cultural interaction. But in practice, the modern society is destined for a civil position developed more on the horizontal than on the vertical level, which means the interaction of public organizations, educational and cultural institutions.

It is necessary to look for new forms and technologies of tolerance education. As we know from the experience of the countries of South-East Asia, a careful distinction between national and cultural basic values and innovations allows not to lose the identity and to be extremely interesting for other nations and, most importantly, to exclude internal social and moral conflicts of the community. The most important feature of our society should be the mutual respect.

Thus, it is necessary to accept the fundamental truth that new generations will be developed in a diversity environment; for this, the cultural and educational system should teach people respect for the heritage of the nations of our country. It is necessary to return, not only in words, the traditional forms of behavior regulation, which were forced out and forgotten by modern society, with a detailed explanation and discussion of the basic concepts in the adolescent and youthful environment. The loss of family traditions, the status of the family as the key factor in the education of the child, the loss of behavioral stereotypes of parents, have led to the destabilization of Tuvan society. Currently, fatherhood needs to be updated, not mechanistically, but in accordance with traditional rules. There should be a historical continuity. Without it, as clearly seen now, the society becomes spiritually wild.

The culture of making dialogue is necessary for building social harmony and peace. In this regard, the study of languages is of special importance. It would be good to adopt, for example, the practice of Kazakhstan, where all students must have proficiency at least in three languages: Kazakh, Russian and English.

The innovations took place in any culture in the past — without it the development of the mankind is impossible; but we need thoughtful and critical inclusion of globalization process in our culture.

In connection with these tasks, the humanitarian sciences play the increasingly important role: the society needs analytical centers, public organizations supported by charitable foundations, which will work out political decisions in the field of cultural and ethno-confessional security, will determine the ways of social development, which will cover monitoring for the implementation of government policy, to predict and produce options for updating the socio-cultural environment.

© Kuzhuget A.K., 2018

Article history:

Received: 17.06.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kuzhuget, A.K. 2018. “Tuvan Traditional Culture as a Socio-Historical Phenomenon”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 632–637. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-632-637

Bio Note:

Aylana K. Kuzhuget is a Doctor of Culturology, Candidate of Art History, Chief Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Honored Worker of Education of the Republic of Tuva. E-mail: akumin@mail.ru

Тувинская традиционная культура как социально-исторический феномен

А.К. Кужугет

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
Республика Тыва, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4

История статьи:

Поступила в редакцию: 17.08.2018

Принята к публикации: 26.09.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кужугет А.К. Тувинская традиционная культура как социально-исторический феномен // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 632–637. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-632-637

Сведения об авторе:

Кужугет Айлана Калиновна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, заслуженный работник образования Республики Тува. E-mail: akumin@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-638-643

**В поисках утраченного смысла.
Рецензия на монографию Хараевой Л.Ф., Кучуковой З.А.
«Гендер и этногендер (на материале кабардинской
женской прозы)». Нальчик: Принт Центр, 2018. 192 с.**

К.Н. Паранук

Адыгейский государственный университет
Республика Адыгея, 385016, Майкоп, ул. Первомайская, 208

В условиях глобализации цивилизационных процессов и модернизации современного общества на рубеже XX—XXI веков заметно актуализируются вопросы, связанные с трансформацией взаимоотношений между различными слоями общества, в том числе гендерных взаимоотношений и стереотипов. Соответственно, продуктивными становятся компаративные исследования мужского и женского начала в политике, социальной жизни, культуре, литературе. Все это предопределило формирование в системе гуманитарных наук такого перспективного междисциплинарного, принципиально нового направления, как гендерология, которая ориентирована на исследование «культурной надстройки гендера», глубокий и всесторонний анализ конструирования гендера, специфики женских и мужских ролей в социуме. Особую актуальность приобретает гендерное литературоведение в национальных, в частности адыгских литературах, где в последние два десятилетия сформировалась кабардинская женская проза, авангардная, зрелая по своим художественно-эстетическим параметрам, что обусловило необходимость проведения подобных исследований.

Рецензируемая монография Хараевой Л.Ф. и Кучуковой З.А. «Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы)» является откликом на данную ситуацию и вносит существенный вклад в решение этих проблем. В ней впервые предпринимается попытка комплексного монографического анализа гендерной специфики кабардинской женской прозы. Не менее важное проявление новизны и теоретической значимости — разработка авторами инновационной методики этногендерной экспертизы, позволяющей выявить гендерные идентификаторы, определяющие индекс «женственности» художественного текста, специфику конструирования гендерных стереотипов.

В поле исследовательского внимания в рецензируемой работе — гендерный дискурс кабардинской классической и авангардной прозы, представленной повестью Л. Абазовой «Материнский зов», романом в новеллах Д. Дамиан «В вашем мире я — прохожий» и историко-философским романом М. Хакуашевой «Дорога домой».

Основную цель монографии авторы видят в изучении специфики «женского пространства» кабардинской национальной прозы XX—XXI веков с ретроспективным обращением к фольклорным произведениям.

Четко определяется и круг задач, направленных на системный анализ гендерной картины мира в кабардинской литературе, соответственно выстраивается структура работы, состоящая из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Общий объем работы — 192 страницы, список использованной литературы включает 241 наименование.

Не вызывает сомнений и методологическая база монографии, опирающаяся на труды по современной гендерологии отечественных и зарубежных авторов (авторы Н.И. Абубрикова, Г.А. Брандт, О.А. Воронина, И.А. Жеребкина, М. Киммел, А.В. Кирилина, Ю. Кристева, С. Охотникова, Н.Л. Пушкарева, Т.А. Ровенская, Э. Сиксу, Э. Шоре, К. Эстес) и сочетающая в себе сравнительно-типологический, аксиологический, герменевтико-интерпретационный методы, а также метод гендерной экспертизы.

Теоретическая значимость работы вполне очевидна, она определяется разработкой гендерной методики исследования художественного текста по определенным онтологическим параметрам (семья, школа, афористика, интертекст) с выявлением маскулинных или фемининных доминант. Теоретические положения рецензируемого исследования также могут быть использованы в системе гендерной компаративистики при сравнительно-сопоставительном изучении других литератур народов России. Практическая ценность монографии заключена в возможности использования ее результатов при изучении истории кабардинской литературы, проведении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных специфике как адыгской женской прозы, так и особенностям любой национальной женской прозы.

Во Введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, формулируются цель и задачи исследования, определяется методология анализа, теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая часть исследования Л.Ф. Хараевой, Кучуковой З.А. отображена в первой главе. В первых двух параграфах дается краткий обзор трудов и гендерных концепций (С. Бем, Дж. Батлер, Ш. Берн, Г.А. Брандт, Э. Гарри, М. Парсел, О.А. Воронина, Н.Л. Пушкарева), маркирующих основательные знания теоретических основ исследуемой проблемы. Представляется верной научная позиция авторов, которые при определении ключевых понятий опираются на суждения ведущих отечественных гендерологов: «гендер — категория социальная, категория конструируемая, это своего рода надстройка над полом» (Г. Слышкин); «гендер — не врожденное женское или мужское начало: его конструирование на личностном уровне происходит в процессе социализации индивида» (Ю.А. Большакова) и др. Говоря об актуальности этногендерных исследований, Хараева Л.Ф. и Кучукова З.А. вполне резонно апеллируют к мнению известного российского гендеролога Н.Л. Пушкаревой, считающей «тему пересечения этноса и гендера» одной из самых популярных и перспективных в современных гендерных исследованиях. Определяя специфику гендерных исследований в северокавказской литературе, авторы справедливо отмечают, что в отличие от западноевропейских стран, где имеют место деструктивные явления, связанные с унификацией пола, Севе-

ро-Кавказский регион остается приверженцем традиционных гендерных взаимоотношений, что этот регион, как и вся Россия, остается оплотом духовно-нравственных ценностей, межкультурных взаимоотношений.

В третьем параграфе «Литературный текст как источник этногендерных знаний» рассматривается важный идентификационный вопрос: «Что считать женской литературой?» Излагаемые авторами собственные суждения по данному вопросу представляются правомерными: «полное и адекватное представление о женской сущности может дать не только “женская литература о женщинах”, а сумма всех концептуальных прочтений женщины, в том числе «произведения мужчин о женщинах».

Авторы подчеркивают, что гендерные исследования в литературоведении являются перспективной областью гуманитарных наук, позволяющей воссоздать тип женской ментальности и типологию гендерных конструкторов.

Во второй главе анализ этнокультурных истоков кабардинского гендерного сознания авторы вполне резонно начинают с ретроспективного обращения к нартскому эпосу и фольклору. Тщательный и подробный анализ женского дискурса нартского эпоса приводит их к выводу о высоком социокультурном статусе женщины в матриархальном обществе, ее уникальной духовной и физической природе. Проводимый в третьем разделе этой главы сравнительно-сопоставительный анализ повестей Ад. Шогенцукова «Назову твоим именем» и Л. Абазовой «Материнский зов» позволяет авторам заключить, что во второй половине прошлого столетия понятие «женская проза» в кабардинской литературе оставалось номинальным явлением и носило подражательный характер.

Следующие две главы работы (третья и четвертая), посвященные анализу современной кабардинской женской прозы, являются наиболее содержательными в концептуальном отношении. В них авторы сосредоточивают свое внимание на романах двух писательниц — Мадины Тлостановой (псевдоним — Дина Дамиан) и Мадины Хакуашевой (псевдоним — Дина Арма). С творчеством этих авторов, являющихся яркими, незаурядными личностями, высокообразованными, с универсальным «многоканальным» мышлением, авторы вполне обоснованно связывают «мировоззренческий прорыв» в национальной кабардинской литературе в начале XXI века.

Третья глава монографии полностью посвящена исследованию особенностей гендерной картины мира в романе Дины Дамиан «В вашем мире я — прохожий». Этот роман, появившийся в печати в 2006 году, имел довольно широкий общественный резонанс и стал заметным событием в гендерном пространстве всей адыгской литературы. И надо отметить, что сам факт привлечения к анализу этого романа, получившего от многих читателей негативные отзывы, маркирует принципиальную научную позицию авторов, их нетривиальный подход к оценке творчества писательницы. Несмотря на то, что Д. Дамиан, пишущая на английском и русском языках, позиционирует себя как транскультурного автора без «жесткой национальной привязки», исследователи убедительно отстаивают свою точку зрения и считают ее «ярчайшей передовой представительницей кабардинской художественной культуры», экспериментирующей в русле современных авангардных западноевропейских течений и направлений. В этой главе Л.Ф. Хареева и З.Х. Кучукова тщательно и последовательно анализируют роман Д. Да-

миан, состоящий из девяти новелл, авторская интенция отражается в исследовании особенностей женского нарратива в романе, параллельном изучении проблем, связанных с этнической идентификацией писателя. В третьем параграфе главы изучается опыт гендерной деконструкции, сопряженный с созданием Д. Дамиан своей версии истории лермонтовской Бэлы из романа «Герой нашего времени». В новой художественной реальности, созданной писательницей, дамиановская Бэла, в отличие от лермонтовской, выходит из-под диктата мужчин и становится свободной личностью.

Очень важными в концептуальном плане и семантически насыщенными являются четвертый и пятый параграфы, в которых анализируются новеллы «Десерт из маракуйи», «Поездка на Кавказ», «Смерть в Самарканде» и др. Подробно анализируя многообразный тематический комплекс этих новелл, гендерные искания и феминистические эксперименты главной героини романа, авторы отмечают, что в них «затрагиваются многие аспекты гендерных отношений, табуированные в художественной культуре Северного Кавказа», в частности, проблемы, связанные с культурой эроса. Убеждает итоговый вывод Л.Ф. Хараевой и З.А. Кучуковой о том, что главная героиня, пройдя через сложный процесс «отрицания отрицания», в финале романа транслирует идею высокой гендерной культуры посредством духовного самосовершенствования личности, свободной от предрассудков.

Четвертая глава «Гендерная асимметрия как антропологическая проблема в творчестве М. Хакуашевой» посвящена роману «Дорога домой» (2006 г.). Авторы сразу отмечают, что роман автобиографичен и имеет три уровня чтения: семейная хроника, исторический роман и философское произведение. Л.Ф. Хараева и З.А. Кучукова последовательно и всесторонне исследуют гендерное пространство романа, выявляя не только особенности гендерных конструктов, но и их архетипические истоки, лежащие в глубинных слоях текста. Они параллельно отмечают такие особенности поэтики писательницы, как фактографичность, «экспансия фиксирующего письма», приемы ретроспекции, этнопоэтические детали, элементы магического реализма, что говорит о широкой научной эрудиции авторов. Столь же тщательному профессиональному анализу языковых и этноментальных особенностей романа посвящен и третий параграф этой главы. Но главное исследовательское внимание сосредоточено на гендерной специфике повествовательного нарратива. Авторы проводят основательную «гендерную экспертизу» образа главной героини романа, прослеживая основные этапы ее гендерного становления и развития: Дина-ребенок, Дина-школьница, Дина-студентка, Дина-врач, взрослая кавказская женщина, живущая в мегаполисе и т.д. Уместной представляется здесь апелляция авторов к научным трудам и терминологии Г. Гачева, позволяющим рассматривать соотношение природного и урбанистического в космо-психо-логосе современной горянки, а также особенности движения кавказской цивилизации от «гонии» к «ургии». Для определения индекса женственности и соотношения гонийного и ургийного начал в образе главной героини Л.Ф. Хараева и З.А. Кучукова проводят сравнительно-сопоставительный анализ образа Дины и ее предметного мира с эпической героиней Сатаней, что позволяет им выявить процесс трансформации Гонии, первозданного начала современной женщины в Ургию, выливающееся в усредненную, во многом унифицированную личность.

В качестве одной из важных идей, транслируемых автором в романе, Л.Ф. Хараева и З.А. Кучукова определяют трагедию современного мужчины, который «не может приспособиться к новой женщине и к ее изменившемуся новому миру». Эта ситуация правомерно оценивается ими как «гендерная асимметрия», антидиалог между женщиной и мужчиной, который перерастает в важную антропологическую проблему.

Справедливо итоговое заключение авторов о том, что М. Хакуашева выступает против той «ургии», которая меняет мир гендера, но при этом далека от реваншизма, что художественно-философская логика романа заключается в манифестации идеи «золотой середины», отрицающей как культ патриархальных брачно-семейных ценностей, так и ультрамодные западноевропейские модели социально-гендерных взаимоотношений.

Весьма правомерен итоговый вывод Л.Ф. Хараевой и З.А. Кучуковой о том, что «концептуальная направленность современной кабардинской женской прозы связана не с заменой патриархального общества матриархальным, а поиском путей к гендерной симметрии, устранению антагонистического начала между полами». Отношение женщин-авторов к сложившимся бинарным оппозициям «традиционное — инновационное», «природное — урбанистическое», «этническое — вселенское» характеризует принцип «золотой середины».

Монография написана добротным литературоведческим языком, насыщена теоретическим и эмпирическим материалом и не содержит ни одной «пустой строки». Суждения авторов носят логичный последовательный характер и соответствуют четкой концепции, выстроенной в рецензируемой работе.

Монографическое исследование Л.Ф. Хараевой и З.А. Кучуковой «Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы)» является завершенным научным исследованием, инновационным и авангардным. Большинство предлагаемых в нем суждений представляется новым словом не только в адыгском (кабардинском), но и в северокавказском литературоведении.

© Паранук К.Н., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.08.2018

Принята к публикации: 26.09.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Паранук К.Н. В поисках утраченного смысла. Рецензия на монографию Л.Ф. Хараевой, З.А. Кучуковой «Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы)» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 638—643. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-638-643

Сведения об авторе:

Паранук Кутас Нуховна — профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета. E-mail: kutas01@mail.ru

**In Search of Lost Meaning.
Review of the Monograph by Kharayeva L.F., Kuchukova Z.A.
“Gender and Ethnogender (on the Material of Kabardian
Women’s Prose)”**

K.N. Paranuk

Adyghe State University
208, str. May Day, Maykop, 385016, Republic of Adygea

The review offered to our readers is devoted to the study of the phenomenon of Kabardian women’s prose, presented in the monograph “Gender and Ethnogender” by L.F. Kharayeva and Z.A. Kuchukova. The author analyzes the monograph from the point of view of its structure, sequence of presentation, relevance to the topic and corpus of chosen literary texts. The undoubted value of the monograph recognizes its theoretical and practical significance, as well as an indisputable novelty. The author recommends this scientific research to be read by all who are interested in issues of gender and its ethnospecificity, gender literature, and the latest Kabardian literature.

Key words: gender, ethnogender, female prose, Adyghe literature

Article history:

Received: 26.08.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Paranuk, K.N. 2018. “In Search of Lost Meaning. Review of the Monograph by Kharayeva L.F., Kuchukova Z.A. “Gender and Ethnogender (on the Material of Kabardian Women’s Prose)””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 638–643. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-638-643

Bio Note:

Kutas N. Paranuk is a Professor of the Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University. E-mail: kutas01@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Полилингвильность и транскультурные практики» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.1gb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчета из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявления.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование**. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлекцией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати, индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть: 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах (не больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library)).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике приводится в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков, в отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> размещена программа транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Полилингвильность и транскультурные практики» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: sinyachkin_vp@rudn.university; bakhtikireeva_um@pfur.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal “Polylinguality and Transcultural Practices” welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

Submission Requirements

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at
<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Polylinguality and Transcultural Practices"
E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

Требования к оформлению статей

О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ	Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается, в первую очередь, структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. Р. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ). Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.). MLA-ФОРМУЛА: №. Фамилия, И.О. Год. Транслитерированное название источника [Перевод названия на английский]. Город (полностью, без аббревиации): Издательство. Печ./эл. (язык оригинала).	
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	Список литературы	References
КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ	<i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.	Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	<i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	<i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	<i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.	Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip" ["Archetype"]. In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.	Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	<i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.	Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok [Flow]. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	<i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)	Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii multikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From Multicultural Philosophy to the Philosophy of Transculturation]. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)
	<i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109	Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh" [Slovak Poetry in Russian Translations]. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109

Продолжение

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov" [Among the Wor(l)ds]. Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika [Lyrics]. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

Continuation

ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)	Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given. For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html
IN THE TEXT (PLACEMENT)	Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].
REFERENCE LIST	GENERAL PRINCIPLES
ORDER	As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially: 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA. IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author’s name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen, etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.
PUNCTUATION	Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.
BOOK	ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web. Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web. Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.

Continuation

	ORGANISATION AS AUTHOR: University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press. BOOK IS NOT IN ENGLISH: №. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web. Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print. OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print. ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI: Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx. Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.
JOURNAL	ONE AUTHOR 1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx. 1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx TWO AUTHORS 1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx. Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx THREE AUTHORS A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxx

Уважаемые читатели и авторы нашего журнала!
Редколлегия информирует вас о том, что в связи с нарушениями
норм этики публикаций из архива были ретрагированы
следующие статьи

№	Название журнала, №, год	Автор(ы), название статьи, ссылка в РИНЦ	Причина ретракции (ссылка в РИНЦ)
1.	Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2.	Цупикова Е.В. Явление вариативности языкового знака как способ адекватного выражения семантики и прагматики в тексте в курсе семасиологии русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2. С. 78—85. https://elibrary.ru/item.asp?id=12776023	Статья ретрагирована по решению редколлегии на основании проведенной лингвистической экспертизы, подтверждающей, что публикация является дублирующей. Текст впервые напечатан в журнале «Омский научный вестник», 2009. № 4 (79). С. 186—190. https://elibrary.ru/item.asp?id=15265058 Ссылка на ретракцию на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2042
2.	Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 4.	Левитская А.А. Система поликультурного образования в современной школе как основа воспитания гражданина Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 4. С. 37—41. https://elibrary.ru/item.asp?id=15273748	Статья ретрагирована по решению редколлегии на основании проведенной лингвистической экспертизы, подтверждающей, что публикация является дублирующей. Текст впервые напечатан в журнале «Вестник практической психологии образования», 2010. № 2. С. 25—27. https://elibrary.ru/author_items.asp Ссылка на ретракцию на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/1900
3.	Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 2.	Алонцева Н.В. Отбор юридических документов для обучения студентов-юристов языку профессионального общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 2. С. 32—36. https://elibrary.ru/item.asp?id=13583075	Статья ретрагирована по причине ошибочного (непреднамеренного со стороны автора) дублирования в результате технической ошибки редакции. Впервые напечатана в серии «Лингвистика», 2010. № 2. С. 82—86. Ссылка на ретракцию на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2121
4.	Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2011. № 3.	Будильцева М.Б. Обучение лексическим нормам студентам-иностранцам в курсе «Русский язык и культура речи» // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2011. № 3. С. 63—68. https://elibrary.ru/item.asp?id=16763797	Статья отозвана по решению редколлегии на основании проведенной лингвистической экспертизы, подтверждающей, что публикация является дублирующей. Текст впервые напечатан в журнале «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность». 2011. № 1. С. 96—102. https://elibrary.ru/item.asp?id=16763797 Ссылка на ретракцию на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2306
5.	Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2012. № 3.	Третьякова Л.Н. Эволюция «военного» фразеологического поля в языке современной газеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 3. https://elibrary.ru/item.asp?id=17927861	Примечание: Публикация в «Вопросах образования» является первичной, однако редакции не удалось получить ответ на запрос о ретракции статьи ни от журнала «Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки», где она была продублирована, ни от автора Третьяковой Л.Н. (ltretyakova@rambler.ru). Редколлегия вынуждена самостоятельно ретрагировать статью из всех баз данных. https://elibrary.ru/item.asp?id=19059598 Ссылка на ретракцию на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2144

Продолжение

6.	Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2013. № 2.	Саранина И.И. Формирование социокультурной компетенции студентов при обучении иностранному языку с учетом национально-специфической лексики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 2. С. 77—82. https://elibrary.ru/item.asp?id=19095817	Статья отозвана по причине непреднамеренного со стороны автора дублирования в результате технической ошибки редакции. Впервые напечатана в «Вестнике Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность». 2011. № 2. С. 98—102. https://elibrary.ru/item.asp?id=16316642 Ссылка на ретракцию на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2086

Dear Readers and Authors of our journal! The Editorial Board informs you that the following articles have been retracted due to violations of the ethics of publications from the archive:

— Tret'yakova L.N. Ehvolyciya «voennogo» frazeologicheskogo polya v yazyke sovremennoj gazety // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2012. № 3.

— Levitskaya A.A. Sistema polikul'turnogo obrazovaniya v sovremennoj shkole kak osnova vospitaniya grazhdanina Rossijskoj Federacii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2010. № 4. S. 37—41.

— Alonceva N.V. Otbor yuridicheskikh dokumentov dlya obucheniya studentov-yuristov yazyku professional'nogo obshcheniya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2010. № 2. S. 32—36.

— Saranina I.I. Formirovanie sociokul'turnoj kompetencii studentov pri obuchenii inostrannomu yazyku s uchetom nacional'no-specificheskoy leksiki // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2013. № 2. S. 77—82.

— Cupikova E.V. Yavlenie variativnosti yazykovogo znaka kak sposob adekvatnogo vyrazheniya semantiki i pragmatiki v tekste v kurse semasiologii russkogo yazyka // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2009. № 2. S. 78—85.

— Budil'ceva M.B. Obuchenie leksicheskim normam studentam-inostrancev v kurse «Russkij yazyk i kul'tura rechi» // Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i special'nost'. 2011. №3. S.63—68.

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

«Полилингвильность

и транскультурные практики»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)